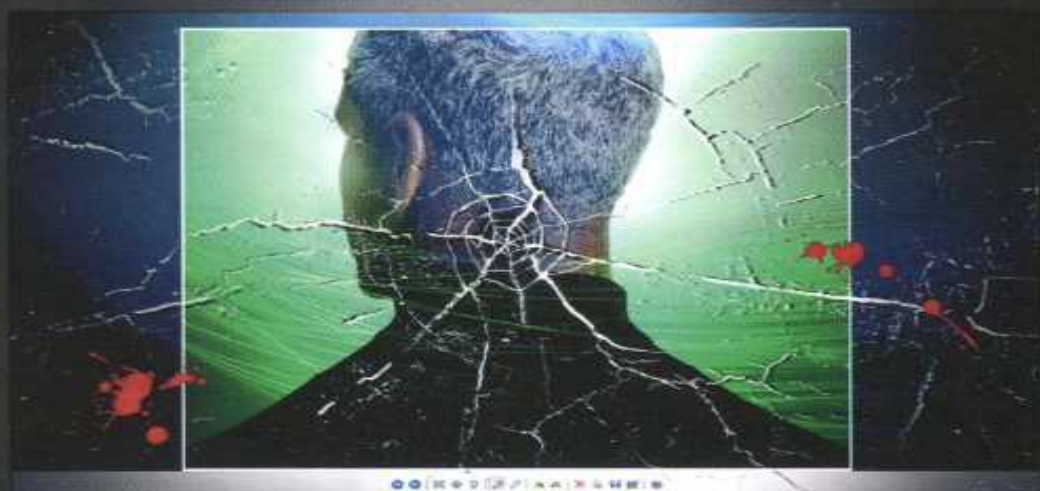

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

МИЮКИ МИЯБЭ

Интереснейший взгляд на темную
и опасную сторону Интернета.

Booklist

Виртуальная семья

Роман

Миюки Миябэ — популярная японская писательница, которая с успехом работает в разных жанрах (детектив, научная фантастика и фэнтези, историко-приключенческий роман и литература для детей и подростков). Миябэ выпустила четыре десятка книг, многие награждены литературными премиями и переводятся на разные языки. За писательницей прочно закрепилась слава королевы современного японского детектива.

В романе «Виртуальная семья» Миюки Миябэ погружает читателя в мир интернет-чатов, которые привлекают людей разного возраста и положения возможностью побыть тем, кем им хотелось бы быть. Расследуя убийство немолодого служащего, полиция обнаруживает в компьютере жертвы электронные сообщения, из которых следует, что покойный был постоянным участником чат-сообщества, где играл роль «папы» в виртуальной «семье». В этой ролевой игре его дочь звали Казуми — как и его дочь в реальной жизни. Когда настоящая Казуми узнает об альтернативной жизни отца, иллюзия и действительность сталкиваются самым драматическим образом.

Миюки Миябэ

Виртуальная семья

Ролевая игра — это метод моделирования жизненных ситуаций путем их театрализованной репрезентации: действуя в рамках заданных ролей, участники игры овладевают новыми способами решения тех или иных реальных проблем.

08/10. 20:15

От кого: Казуми

Тема: Я в шоке

Сегодня сообщили результаты предварительных экзаменов. Это просто ужас! Я глазам своим не поверила, когда увидела оценки! Столько готовилась — и все псу под хвост! Придется пойти поговорить с преподавом, потому что это реально несправедливо. Ладно, если бы я постоянно прогуливала или тупила по-страшному, так ведь нет. Остальным все можно, а я учу-учу — и без толку. Почему так? Папа, помнишь, ты уверял, что если я буду стараться, то обязательно добьюсь успеха? Неужели это неправда? Мне сейчас так паршиво — никак не могу заснуть.

08/10. 23:38

От кого: Папа

Тема: Выше нос

Казуми, я знаю, как тщательно ты готовилась к этим экзаменам. Жаль, что отметки тебя разочаровали. Но я по-прежнему верю в то, что твои старания будут вознаграждены. Наверняка твои одноклассники-прогульщики откуда-нибудь списывали. Да и вообще, какой смысл сравнивать себя с другими? Главное, самой не стоять на месте и постоянно двигаться вперед.

Собираешься говорить со своим куратором?

Мне кажется, тебе давно пора посоветоваться с ним насчет поступления в колледж. Если ты не против, я бы поприсутствовал при вашей встрече, так что не забудь меня пригласить. И прошу тебя, не надо так расстраиваться!

Дверь открылась, и из коридора донеслась негромкая музыка: кто-то из охранников слушал рэп. Эцуро Такегами встал, чтобы поздороваться с вошедшими, — ножка металлического стула скрежетнула по полу. Не успел Такегами открыть рот, как Тикако Исидзу опередила его своим приветствием:

— Сколько лет, сколько зим!

Она остановилась у двери и поклонилась, а когда вновь подняла голову, на ее лице сияла улыбка. Значит, можно было обойтись без излишних формальностей.

— Подумать только, больше пятнадцати лет не виделись, — ответил Такегами и, приветливо улыбаясь, направился к коллеге, чтобы пожать руку.

Детектив Токунага тоже поднялся и с любопытством наблюдал за происходящим. Молодая девушка в полицейской форме, сопровождавшая Тикако, отступила назад и замерла в ожидании. Казалось, она немного нервничает.

— Вчера я нашел свой старый дневник: представляешь, со времени нашего с тобой последнего дела прошло целых пятнадцать лет и восемь месяцев.

На круглом лице Тикако отразилось удивление и, кажется, радостное облегчение. Она сердечно пожала руку Такегами.

— Неужели это и впрямь было так давно? — изумилась она. — Здорово, что ты все еще на боевом посту. Как твоя жена? Как дети?

— Хорошо, спасибо. От жены тебе привет.

Казалось, Тикако была тронута таким вниманием:

— А ты непременно передай ей, что тот омлет с картофелем, рецепт которого она мне дала, стал моим фирменным блюдом и неизменно приводит в восторг всех родных и друзей.

Девушка, до сих пор стоявшая у двери с серьезным лицом, наконец не выдержала и улыбнулась. Тикако представила ее остальным:

— Знакомьтесь, это Микиэ Футигами из округа Сугинами.

Офицер Футигами вытянулась по стойке «смирно» и, щелкнув каблуками, вскинула руку к козырьку фуражки:

— Рада знакомству, господа!

Она была довольно высокого роста, около метра семидесяти, и крепкого телосложения.

Тикако решила рассказать поподробнее о своей спутнице:

— После того как произошло убийство, офицер Футигами помогала охранять дом семьи Токорода. Мы с ней вместе там дежурили по ночам, и она очень сблизилась с Казуми. Ты ведь, кажется, одно время даже провожала ее в школу, а потом встречала после уроков? — Тикако вопросительно взглянула на Микиэ.

Та коротко ответила:

— Да, было дело. Но я сопровождала девочку всего пару дней.

Такегами кивнул:

— Очень рад, что вы с нами, офицер Футигами. Думаю, ваше присутствие сегодня поможет Казуми, потому что она вас уже знает.

— Да, господин офицер.

Ее ответ прозвучал формально и сухо, однако, судя по легкому румянцу на щеках молодой сотрудницы, приветливость и сердечность Такегами все-таки произвели на нее

надлежащее впечатление. Дочь Такегами была почти того же возраста, что и Микиэ, но смутить ее не представлялось возможным ни при каких обстоятельствах. Так что, надо сказать, пожилой полицейский приятно удивился, заметив, что его юной коллеге не чужды проявления естественных эмоций.

— А где, интересно, Симодзима? — спросил Такегами, когда все, в том числе Токунага, стали усаживаться за длинный стол для совещаний.

— Кажется, он у начальства, говорит по телефону с суперинтендантом Касаи, — предположила Тикако, пожимая плечами.

— Опять обсуждают план?

— Кто их знает? В любом случае Касаи вроде никогда не был ярким противником этой операции, так что с его стороны подвоха ждать не стоит. Это наше начальство боится собственной тени и ни в какую не хочет брать на себя ответственность.

— Ну, вообще-то, я могу его понять, — усмехнулся Токунага. — Не каждый день приходится проворачивать такие аферы!

— Вот, значит, как вы заговорили! — в шутку упрекнула его Тикако. — А не вы ли, собственно, затеяли эту аферу?

Эти двое познакомились всего несколько дней назад, но, похоже, уже отлично ладили. «Пятнадцать лет и восемь месяцев могут изменить кого угодно, но не Тикако», — радостно подумал Такегами. Почему-то ему вдруг вспомнилось, что много лет назад, когда эта женщина работала в отделе поджогов городского департамента полиции, у нее было прозвище Мама.

— Думаю, мы отлично повеселимся, — сказал Токунага. — Потом опомнился: — Простите, кажется, мне не стоило так говорить.

Тикако улыбнулась в ответ:

— Кстати, как там ваш наблюдатель? Вы уже...

Такегами прервал ее на полуслове:

— Да, все под контролем. Наш человек на посту.

— Кто-нибудь из ваших?

— Да, Тории отличный парень. На него можно положиться.

Зазвонил телефон. Офицер Футигами взяла трубку, немного поговорила, потом обратилась к Такегами:

— Капитан Симодзима ждет вас у себя в кабинете.

— Уже иду, — ответил Такегами, хлопнул себя по коленям и встал. — Все готовы? Скоро начинаем представление. Вот только заскочу на минутку к нашему продюсеру.

Постороннему человеку его реплика могла бы показаться неуместной, но присутствующие отлично все поняли. Такегами видел, что его коллеги, обмениваясь легкомысленными шутками, на самом деле лишь пытаются скрыть свою нервозность и сохранить самообладание накануне того, что им всем предстоит.

За двадцать два дня до этого, вечером 27 апреля, в округе Сугинами, в третьем квартале района Никура, в одном из жилых домов раздался женский крик. Ранее, по-видимому, из того же самого дома в течение некоторого времени доносился шум ссоры.

По этому поводу в полицейский участок Ниияма района Яmano, что в том же округе, поступил вызов. Звонившая женщина обратилась в местный участок напрямую, а не по телефону 110 общенациональной круглосуточной дежурной службы.

Принимавший вызов сотрудник попросил заявительницу назвать имя и адрес. Она представилась как Томико Фукада, сказала, что ей пятьдесят два года и она проживает в Яmano, в первом квартале. Томико возглавляла женсовет при районном объединении горожан и участвовала в организации работы добровольных дружин, следивших за порядком на улицах, а потому довольно тесно контактировала с местной полицией. Ее вызов принял Кадзунари Сахаси, старший патрульный округа: он лично знал звонившую и отнесся к полученной информации самым серьезным образом. Окончив телефонный разговор, он тут же вскочил на велосипед и поехал на предполагаемое место происшествия.

Районы Яmano и Никура граничили друг с другом. Открывшийся шесть лет назад полицейский участок находился на окраине Яmano, рядом с Никурой, и потому его называли Ниияма. Первый квартал района Яmano и третий квартал района Никура располагались в непосредственной близости к этому участку, за небольшим каналом менее трех футов шириной, который когда-то был прорыт для орошения земель, а теперь служил единственным напоминанием о том, что раньше эту территорию занимали поля, сады и огороды.

Окна дома Томико Фукада выходили как раз на канал, и ей показалось, что шум ссоры доносился с противоположного берега, где находилась стройплощадка и шли работы по сооружению трех новых домов. Офицер Сахаси направился прямо туда через первый квартал Яmano, мимо дома Томико. На крыльце он увидел хозяйку, которая, заметив его, стала махать фонариком. Сахаси подъехал к ней и велел вернуться в дом.

— Это вон там, там! — затараторила женщина, указывая в сторону строящегося дома, обтянутого голубой виниловой пленкой. — Сперва они ругались, да так громко, что я даже выглянула в окно посмотреть, в чем дело. Потом раздался женский крик, и я увидела, как оттуда кто-то вышел.

Томико Фукада была очень взволнована и даже напугана. Офицер Сахаси успокоил ее как мог и еще раз попросил вернуться в дом и ждать там. Сам он поехал дальше, по бетонному мосту на другой берег канала. Возле стройки Сахаси слез с велосипеда.

Районы Яmano и Никура, с их бесконечными рядами построенных и строящихся домов, мало чем отличались по своему виду от прочих спальных районов метрополии. Исконными владельцами этих земель были богатые фермеры, которые еще совсем недавно в поте лица трудились на своих грядках. До сих пор среди участков, проданных под застройку, оставалось достаточно много полей, садов и огородов.

Местным жителям это, разумеется, нравилось. Однако в конце девяностых ставка налога на наследство так возросла, что многие фермеры были вынуждены продать землю. Ситуацией моментально воспользовались крупные и мелкие застройщики: на приобретенных ими участках стали как грибы после дождя расти гигантские жилые

комплексы и крохотные сборные коттеджи, предназначенные, как гласила реклама, «для тех, кто мечтает иметь свой собственный дом в мегаполисе».

Посмотрев на Яmano и Ниикyру сверху, можно было увидеть довольно пеструю картину, не совсем типичную для городского ландшафта: небольшие темные лоскутки жилых кварталов с яркими оградами выделялись на зеленом фоне полей, как контрастные точки на полотне пуантилиста. Зеленых пятен здесь постепенно становилось все меньше, а темных точек строящихся жилых объектов — все больше. Начавшийся в последнее время экономический спад несколько приостановил этот процесс, так что теперь новые дома возводились не так уж быстро, и их пока было немного. Сверху они, наверное, даже могли показаться одинокими и жалкими.

Три строящихся коттеджа, обтянутые голубой виниловой пленкой, к которым направлялся офицер Сахаси, были как раз из этой категории. На заборе полицейский разглядел логотип компании-подрядчика: силуэт желтой птицы, вьющей гнездо. Это был фирменный знак компании «Ямада», одного из лидеров рынка элитной недвижимости.

Когда луч фонарика осветил трудолюбивую птаху, Сахаси в очередной раз задумался над противоречивым смыслом этого символа: с одной стороны, птица строила гнездо, а значит, жила на воле, с другой — судя по форме и цвету, это явно была канарейка, которой гнездо, вообще-то, не требовалось. Сахаси увлекался орнитологией и всякий раз, патрулируя город, невольно обращал внимание на этот причудливый логотип. Вот и тут офицер опять озадачился тем же самым вопросом, как он потом поведал об этом коллегам, — ведь все детали того страшного вечера надолго запечатлелись в его памяти.

Строители недавно закончили сооружать каркас коттеджей. Дома стояли без крыши: современные технологии сборки из стандартного бруса с сечением два на четыре дюйма позволяли возводить здание так быстро, что даже временной кровли не требовалось. Чтобы защитить фундамент и опоры от ветра и влаги, недостроенный объект обычно покрывали виниловой пленкой. Компания «Ямада» очень тщательно соблюдала технологические требования: пленка была натянута ровно и аккуратно.

До того как «Ямада» купила этот участок, им владело богатое семейство Егути, все члены которого занимались сельским хозяйством. Места для распахки оказалось не так уж много — всего около четверти акра, поэтому впоследствии Егути разделили участок на несколько земельных наделов, по двенадцать квадратных футов каждый, и стали сдавать их арендаторам под огороды. Так продолжалось еще в течение некоторого времени после того, как в середине восьмидесятых сами Егути перестали заниматься сельским хозяйством и уехали из этих мест. Когда открылся полицейский участок Ниияма, эта территория была закреплена за Сахаси, так что он давно знал здесь все вдоль и поперек. Кое-кто из местных огородников хвастался богатым урожаем помидоров и баклажанов; другие, особенно новички, часто жаловались ему то на вредителей, то на погоду, то на сорняки и в конце концов обычно утрачивали интерес к земледелию.

Сейчас больше половины огородов уже были заброшены. Три новых коттеджа разместились в юго-восточном углу земельного надела и заняли почти четверть его общей площади. Прямоугольный, как плитка шоколада, строительный участок был со всех сторон обнесен оградой.

Что бы там ни послышалось Томико Фукада некоторое время назад, сейчас на стройке царил тишина и не было ни души. Офицер Сахаси зашагал по грязи по направлению к коттеджам, освещая путь фонариком. В крайнем слева доме все было тихо. В среднем —

тоже ничего особенного. И дом справа выглядел как обычно.

Луч фонарика вновь осветил логотип с изображением желтой птицы. Яркий свет упал на ее крыло, и полицейский заметил на нем темное пятно. Он пригляделся. Рядом с логотипом на стене тоже были пятна какой-то темной жидкости, которая еще не успела высохнуть. «Неужели кровь?» — мелькнуло в голове у Сахаси.

До того момента он вовсе не собирался заходить в эти дома. Возможно, Томико Фукада действительно видела здесь кого-то, но сейчас вокруг было совсем тихо. Проникновение на строящийся объект без ордера могло повлечь за собой претензии со стороны компании «Ямада», и, вполне вероятно, Сахаси пришлось бы нести ответственность, несмотря на то что он полицейский. Не хватало ему лишних неприятностей!

Однако в сложившихся обстоятельствах медлить было нельзя. Сахаси попытался разорвать пленку, чтобы пробраться внутрь, но она оказалась слишком крепкой. Тогда он решил подлезть под нее, встав на четвереньки, но не смог приподнять ее больше чем на полтора фута. Строители явно сделали все возможное, для того чтобы обезопасить объект от вторжения любых непрошенных гостей. В конце концов Сахаси пришлось лечь, чтобы сквозь узкую щель заползти внутрь.

Дальнейших поисков не понадобилось. Посреди комнаты лежал труп. Высокий мужчина в деловом костюме. Ноги неестественно раскинуты, лицо закрыто руками. Рядом на полу — портфель.

Аромат опилок смешивался с тяжелым медным запахом свежей крови.

Полицейский инстинктивно схватился за дубинку, что висела у пояса, и взглянул на часы. Люминесцентные стрелки на циферблате показывали половину одиннадцатого. Он осветил вокруг фонариком: футах в шести от тела что-то блеснуло. Сахаси подошел ближе, направляя луч света на неизвестный предмет. Это оказался окровавленный нож с шестидюймовым лезвием. Патрульный решил, что для состава преступления всего этого более чем достаточно, выбрался из дома и по рации сообщил о случившемся в участок.

Вызвав подкрепление, Сахаси вернулся в дом, чтобы идентифицировать личность жертвы. Судя по обнаруженным в портфеле документам, убитого звали Рёсукэ Токорода, ему было сорок восемь лет.

Увидев на визитной карточке адрес, полицейский вдруг с грустью подумал, что в такой тихий вечер рев полицейской сирены наверняка будет слышен близким покойного в их доме, во втором квартале района Никура. Эта мысль очень расстроила его и почему-то надолго засела в памяти.

— Мне кажется, здесь все друг друга знают — никого особо представлять не надо, — сказал капитан Симодзима, оглядывая присутствующих.

Высокий и неизменно элегантный, капитан в свое время наверняка пользовался успехом у представительниц слабого пола. В первую очередь он осведомился у Такегами о состоянии здоровья Наки, всем своим видом выражая крайнее беспокойство.

— Все по-прежнему. Впрочем, в данной ситуации оно, может, и к лучшему.

Симодзима важно кивнул:

— Не хотелось бы потерять столь ценного сотрудника.

— Безусловно.

Офис шефа полицейского участка Тачикавы был не слишком просторным, зато всегда содержался в безукоризненном порядке: на столе — ни пылинки, на подлокотниках кресла для посетителей — ни пятнышка. Стекла раскрытого настежь окна, обращенного на восток, сверкали чистотой, на стенах поблескивали награды в рамках. Аккуратность шефа Тачикавы граничила с паранойей. Даже золотое навершие, украшавшее флагшток знамени с восходящим солнцем, за спиной начальства сияло столь ослепительно, что ни у кого не возникало ни малейших сомнений: этот артефакт чистили и полировали ежедневно.

— Ну, что я могу сказать... — начал Тачикава. — Вообще я весьма удивлен тем, что суперинтендант Касаи одобрил проведение столь, как бы это выразиться, беспрецедентной операции.

Такегами показалось, что шеф не просто обеспокоен, а буквально напуган: глаза у него бегали, он то и дело принимался нервно тереть то галстук, то ручку, то бумаги на столе.

Симодзима позволил себе внести поправку:

— На самом деле, господин начальник, операцию такого рода нельзя считать беспрецедентной. Подобный подход давно практикуется нашими коллегами. И даже если события примут неожиданный оборот, в конце концов мы ничего не потеряем, кроме собственного времени, — подумайте, это ведь дело одного дня.

— Вы действительно так считаете?

— Так точно. Кроме того, как вы помните, в деле участвуют несовершеннолетние, а значит, исход любой операции заведомо непредсказуем.

«Смелый подчиненный против трусливого начальника, — думал Такегами, слушая разговор коллег и улыбаясь про себя. — Ужасно жаль, что Нака всего этого не видит. Он наверняка догадывался, что так будет, и заранее предвкушал подобный разговор».

Как знать, может, сейчас в палате реанимации Наке как раз снится эта сцена. Такегами словно вдруг услышал голос друга: «Черт возьми, Гами, прости, что так вышло, но ты должен меня заменить. Я знаю, у тебя получится».

Нориёши Симодзима был моложе Такегами на четыре года, но уже занимал должность начальника в третьем подразделении первого отдела по расследованию уголовных преступлений городского департамента полиции Токио. Такегами работал в четвертом подразделении, и потому полномочия Симодзимы на него не распространялись. Вообще Такегами занимался в основном бумажной работой — этот случай отвлек его от выполнения прямых обязанностей: впервые за многие годы ему предоставили возможность самостоятельно вести допрос и непосредственно участвовать в поиске преступника.

Как известно, кабинетная работа может из кого угодно сделать «бумажного червя». Такегами занимался по большей части как раз такой работой: он целыми днями составлял всевозможные документы, необходимые следователям, и в одиночку справлялся с огромным количеством дел. В придачу к этому в его обязанности входило составление каталогов фотографий, карт, планов, ведение протоколов, а также обработка видео- и аудиозаписей. Такегами приносил огромную пользу общему делу и играл важную роль в большинстве расследований, при этом неизменно оставаясь в тени.

Обычно, когда совершалось убийство, крупная кража или похищение человека, управление городского департамента полиции формировало оперативную группу в рамках одного из подведомственных подразделений, в работе которой также принимали участие следователи того участка, на территории которого было зарегистрировано данное преступление. При этом, как правило, в полицейских участках не находилось достаточно квалифицированных специалистов по уголовному делопроизводству, чтобы справиться с огромным потоком документов, необходимых при расследовании серьезных преступлений. Для этих целей из управления полиции в участок обычно кого-нибудь присылали, причем не абы кого: подготовка бумаг по уголовному делу требовала досконального знания всех бюрократических тонкостей, и у человека неподготовленного от такой кропотливой и монотонной работы запросто мог помутиться рассудок. Здесь были нужны настоящие профессионалы. Полицейские, специализировавшиеся в этой области, относились к своим обязанностям по-разному: кто-то с гордостью выполнял свою работу, для кого-то она была сущим наказанием. Как и везде, здесь все зависело от самих людей.

Первый отдел по расследованию уголовных преступлений городского департамента полиции состоял из семи подразделений. В каждом из них был свой сотрудник, ответственный за делопроизводство. Из этих семи «бумажных червей» Такегами был вторым по старшинству и выслуге лет. Расследованием убийства в строящемся доме в третьем квартале района Никура, что в округе Сугинами, занималось третье подразделение под руководством капитана Симодзимы. Делопроизводителем там работал Фусао Накамото, единственный старший коллега Такегами. Накамото честно отслужил на своем посту уже тридцать лет, и Такегами очень уважал его как специалиста и вдобавок ценил как отличного друга и собутыльника.

Двадцать четвертого апреля (за три дня до происшествия в третьем квартале района Никура) около половины десятого вечера в караоке-клубе «Бриллиант», что в Мацумаэ, была задушена студентка Наоко Имаи. Девушке был двадцать один год, она училась в колледже и иногда подрабатывала в клубе. Поскольку он находился в районе Сибуя, дело оказалось в юрисдикции четвертого подразделения, где работал Такегами. Третье подразделение в это время ничем особым не занималось (еще не подозревая о том, что вскоре им предстоит расследовать убийство в районе Никура), поэтому Накамото, свободный от своих прямых обязанностей, помогал Такегами готовить материалы для работы оперативной группы, которая трудилась в полицейском участке Южной Сибуи.

Накамото делал это не только по дружбе, но и с тайной целью, которой они с Такегами решили достичь во что бы то ни стало. Оба давно мечтали о том, чтобы в отделе установили сканер высокой четкости, и сейчас переговоры с начальством по этому делу были как раз в самом разгаре. Как и все бюджетные организации, департамент полиции Токио страдал от хронического недофинансирования, так что даже покупка нового компьютера всегда вызывала бурную полемику руководства с подчиненными. Убедить «сильных мира сего» в

том, что сканер высокой четкости мог бы существенно оптимизировать работу делопроизводителей и что неплохо бы его приобрести, оказалось задачей не из легких. Проще уговорить слона купить рисоварку, чем доказать что-либо упрямому и невежественному начальнику. Любая современная техника казалась руководству заведомо ненужной, поскольку она могла облегчить труд подчиненных, а допускать этого, разумеется, было никак нельзя. Накамото решил составить подробный рапорт об условиях и результатах работы Такегами и затем подать его начальству, чтобы заставить прислушаться к их просьбе, а заодно при случае информировать несведущих о том, что такое сканер и почему его стоит купить.

Приступая к работе, Накамото сказал: «Если бы я сам вел это дело, такому рапорту была бы грош цена: мне бы все равно не поверили, обвинив в подтасовке фактов. Говорю тебе, Гами, надо пользоваться этим уникальным шансом. Я не стану путаться у тебя под ногами, честное слово. Просто позволь мне наблюдать за твоей работой».

Такегами понравилась идея друга. Пока они придумывали, как им лучше спланировать совместную деятельность и оформить рапорт, в округе Сугинами произошло убийство и следователям понадобились услуги Накамото. Потом на обоих обрушился шквал работы, но, несмотря на крайнюю занятость, приятели продолжали поддерживать связь, обдумывая свой замысел насчет сканера. Так как ни один из них непосредственно не участвовал в расследовании, они имели лишь самое общее представление о том, как идут дела у оперативников.

Поначалу у друзей сложилось такое впечатление, что, скорее всего, отдел Накамото довольно быстро найдет убийцу, в то время как оперативной группе, с которой сотрудничал Такегами, наверняка придется долго и усиленно работать, прежде чем преступление будет раскрыто. Разумеется, тогда еще никто не догадывался о том, что эти дела взаимосвязаны.

Однако через два дня после убийства в Ниикуре и пять дней спустя после нападения на студентку в клубе судебные эксперты объявили о том, что на обоих местах преступлений найдены одинаковые улики. Причем связующих звеньев между двумя убийствами оказалось сразу несколько.

Во-первых, на одежде обеих жертв обнаружили волокна одной и той же синтетической ткани весьма необычного цвета. Синий краситель, использованный при ее обработке, оказался достаточно редким: такого не производили ни в Японии, ни в Китае, ни на Тайване, ни в Южной Корее — вообще нигде в Азии. В результате более тщательного анализа выяснилось, что химический состав этого красителя был разработан по эксклюзивному заказу одной канадской фирмы по пошиву одежды. Компания находилась в Оттаве и использовала этот краситель при производстве продукции в течение ограниченного периода времени: с декабря 1998-го по март 1999 года.

Из ярко-синей ткани изготавливались два вида предметов одежды: жилеты и куртки. Оба наименования пользовались высоким спросом, а в этом цвете, который компания назвала «синий миллениум» (в честь приближавшегося рубежа тысячелетий), было пошито всего двести экземпляров курток и жилетов, которые по замыслу маркетологов в основном предназначались в качестве подарков к новому, 1999 году. Вся партия товара оказалась распродана, и, поскольку она была ограниченной, официально ни жилеты, ни куртки этого вида в Японию не поставлялись и могли попасть в страну лишь в единичных экземплярах, будучи купленными за рубежом. Однако в новогодней телевизионной программе один модный телеведущий был одет как раз в такую куртку, так что «синий миллениум»

наверняка пользовался популярностью среди молодежи.

По несколько волокон этой редкой ткани нашли на телах Наоко Имаи и Рёсукэ Токороды. Это, видимо, значило, что при нападении преступник был одет в жилет или куртку из эксклюзивной серии: скорее всего, жертвы сопротивлялись, и в результате отдельные нити синего цвета оказались на их одежде. Услышав, что фирма-производитель находится в Канаде, Такегами сперва решил, что жилет и куртка должны быть очень теплыми, например такими, какие носят горнолыжники. Однако впоследствии выяснилось, что на самом деле это вполне обычные, даже можно сказать, весьма элегантные вещи, более-менее подходящие для повседневной носки. Конец апреля в Токио выдался довольно теплым, но после заката быстро холодало, так что убийца вполне мог надеть куртку или жилет, чтобы не замерзнуть.

Кроме того, взаимосвязь между делами подтверждала еще одна улика.

Наоко Имаи убили не в одной из кабинок для частных встреч, а на пожарной лестнице караоке-клуба «Бриллиант». Девушку нашли на площадке четвертого этажа. Здание, в котором размещался клуб, было восьмиэтажным: на первом этаже находился ресторан, а второй, третий и четвертый этажи занимал клуб. Посетителей принимали на втором этаже, и они никогда не выходили на пожарную лестницу, зато работники клуба часто ею пользовались, так что эти двери никогда не закрывались и в принципе туда мог попасть кто угодно — что, в общем, логично, ведь экстренный выход должен оставаться общедоступным.

В тот день, когда произошло убийство, на пятом и шестом этаже здания шел ремонт и рабочие пользовались пожарной лестницей, потому что в грязной спецодежде входить в лифт им запрещалось. Белая эмаль, которой они красили перила, капала с пятого этажа вниз, и никакие газеты, подстеленные как раз для того, чтобы предотвратить это безобразие, не помогали: пятна белой краски виднелись тут и там.

Убийца Наоко Имаи вляпался в краску — испачканная часть его подошвы несколько раз отпечаталась на полу. К несчастью, по этим фрагментарным отпечаткам не удалось установить ни вид обуви, ни ее размер. Однако следы такой же краски были обнаружены на месте гибели Рёсукэ Токороды. Данный конкретный вид белой эмали не использовался при строительстве коттеджей в том районе, и на ботинках Токороды следов краски не оказалось. Из этого следовал вывод: убийца, по-видимому, испачкал обувь ранее, на лестнице караоке-клуба «Бриллиант».

Узнав об этом, Накамото и Такегами поняли, что вскоре смогут работать вместе, потому что их оперативным группам явно предстояло объединить свои усилия в проведении одного общего расследования по обоим убийствам. Накамото предполагал, что небольшая группа следователей из Сугинами, к которой он был приписан, скорее всего, выступит с инициативой объединения.

Пока начальники подразделений думали, что делать, стали известны новые факты. За три года до случившегося Наоко Имаи, учась в выпускном классе частной школы для девочек, подрабатывала, участвуя в опросах потребителей, которые проводились главным офисом компании «Орион фудс», где работал Рёсукэ Токорода. Причем господин Токорода тогда как раз возглавлял маркетинговый отдел, который и проводил набор старшеклассниц для дегустации новых видов продукции перед их внедрением на рынок. По-видимому, жертвы убийств могли знать друг друга.

Однако ни начальник Токороды, ни его коллеги не помнили Наоко Имаи. Ее имя им мало что говорило, а увидев ее фотографию, все лишь пожимали плечами. Один из

сотрудников компании сказал:

— Видите ли, нам нужно было отобрать десять девушек для участия в дегустации и опросе, а заявок мы получили почти сотню. Мы были вынуждены провести отбор: при этом мы просили всех предъявлять школьные удостоверения и регистрировали их имена в базе данных, но кто бы их всех запомнил?

Кроме того, как известно, внешность девушек, когда им около двадцати лет, меняется особенно быстро. Если бы компания не вела столь строгий учет данных всех временных и постоянных сотрудников, связь между двумя жертвами убийств было бы практически невозможно установить.

В конце концов, примерно через неделю после гибели Рёсукэ Токороды, оперативные группы наконец объединились. Как и предсказывал Накамото, следственная бригада из Сугинами перебралась в Южную Сибую.

В результате произошло перераспределение функций некоторых сотрудников. Руководство расследованием взял на себя начальник третьего подразделения капитан Симодзима, поскольку глава четвертого подразделения капитан Камия временно отказался от своих полномочий по управлению окружным участком Южной Сибуи в его пользу. Симодзима тогда, помнится, съязвил, что, по-видимому, коллеги позвали их на помощь, потому что не смогли справиться с делом сами. Такегами, наблюдая за реакцией на эту шутку своего шефа, в очередной раз удостоверился в том, что Камия отлично умеет себя контролировать, не боится потерять лицо и в трудной ситуации всегда поступает так, как считает нужным для общего блага.

Такегами и Накамото между тем продолжали работать над документами по делу, по-прежнему мечтая о сканере и на досуге сочиняя все новые обоснования целесообразности закупки нового оборудования.

Многие почему-то полагают, что расследование преступления сродни известной библейской легенде о расступившихся перед Моисеем водах Красного моря: дескать, подобно великому пророку, следователь вынужден долго бродить наугад по пустыне и ждать, пока вдруг, в один прекрасный день, целое море тайн и головоломок само собой не расступится перед ним, обнажив твердь, по которой легко дойти до разгадки. Такегами отлично знал, что на самом деле все совсем не так. Нераскрытое преступление, скорее, напоминает лабиринт. У попавшего туда следователя нет ни карты, ни компаса, зато за каждым поворотом его ждет по Ариадне, услужливо предлагающей очередную нить, которая может вести к выходу, но чаще всего приводит в очередной тупик. На всякий случай каждую нить приходится проверять (что само по себе достаточно утомительно) да еще по дороге внимательно осматривать стены и пол лабиринта, чтобы не пропустить чего-нибудь важного. Окажись у усталого следователя в руках чудесный Моисеев посох, воспользовавшись которым можно было бы заставить лабиринт расступиться, бедолага, скорее всего, оперся бы на него, чтобы передохнуть немного, постоял пару минут, а потом продолжил свои бесконечные поиски.

Так был ли Рёсукэ Токорода лично знаком с Наоко Имаи? Вот в чем вопрос. Следователи пытались выяснить это с самого начала.

Наоко Имаи была принята на временную работу в компанию «Орион фудс» для участия в опросах о том, продукты каких торговых марок она предпочитает, где их покупает, что обычно ест и т. п. По результатам таких опросов отдел маркетинга планировал дальнейшую рыночную политику. Опросы проводились в течение трех месяцев, при этом либо участники

присылали ответы в письменном виде, либо собеседование проводилось по телефону. В общем, личное общение организаторов мониторинга с Наоко Имаи и другими девушками было сведено к минимуму: они встречались с представителями компании «Орион фудс» только на организационном собрании до начала опроса. Рёсукэ Токорода руководил организацией проекта и принимал участие в анализе его результатов, но никогда не контактировал напрямую ни с кем из участниц опросов. С девушками взаимодействовали другие сотрудники компании, преимущественно женщины, и никто из них не находился в личном подчинении у господина Токороды и не разговаривал с ним лично по поводу этого проекта.

К счастью, сотрудница, опрашивавшая Наоко Имаи, хорошо помнила свою подопечную. Та, по ее словам, была веселой, остроумной и довольно разговорчивой, так что часто они подолгу беседовали даже после заполнения анкеты. Обычно слушать девушку было довольно забавно, хотя порой ее болтовня начинала надоедать, — собственно, именно по причине крайней словоохотливости Наоко так запомнилась своему куратору.

Сама эта сотрудница пришла в компанию незадолго до начала опроса, и ее без всякой подготовки направили работать в отдел маркетинга, так что поначалу ей пришлось несладко. Среди множества сложных обязанностей проведение собеседований со школьницами казалось ей светом в окошке, ведь она сама была еще очень молода и отлично находила с ними общий язык. Впрочем, ее подопечные чувствовали неопытность своего куратора и часто этим пользовались, то и дело придумывая какие-нибудь отговорки, для того чтобы не сдавать отчеты или не выполнять требуемую работу вовремя. Сотрудница призналась беседовавшему с ней полицейскому, что порой они просто выводили ее из себя.

— Надо признаться, что, в отличие от большинства этих избалованных девиц, Наоко Имаи вела себя вполне прилично, соблюдала условия договора, но уж очень любила болтать о всякой ерунде — о шмотках, косметике и прочем. Кроме того, она часто интересовалась, каково живется мне, офисной сотруднице, недавно устроившейся на работу. Ее, помнится, интересовала моя зарплата. Кажется, девушка мечтала после окончания колледжа устроиться на работу в какую-нибудь крупную фирму. Я тогда спросила ее, какая именно профессия ее привлекает. Наоко ответила, что согласна заниматься чем угодно, при условии что ей за это будут нормально платить и вокруг будет достаточно умных и обаятельных мужчин. Услышав ее ответ, я рассмеялась. Эта девушка была такой практичной и такой прямодушной!

Дальнейшие комментарии этой сотрудницы компании «Орион фудс» заставили следователей задуматься.

— Наше предприятие не слишком крупное, но уже имеет определенный авторитет на рынке. Может быть, именно поэтому Наоко решила устроиться к нам на временную работу. Потом она расспрашивала меня о том, какие вакансии бывают в компании, как проводятся собеседования с кандидатами на разные должности и все такое. А еще она все время говорила о том, каких красивых мужчин она видела в офисе компании, когда приходила на организационное собрание. Помнится, она даже шутила по этому поводу: «Если у вас откроется вакансия главной тусовщицы и обольстительницы, непременно сообщи мне». Я тогда не знала, как на это реагировать, но мне всегда казалось, что в ее шутках есть изрядная доля правды: она действительно хотела работать в какой-нибудь крупной фирме в окружении большого количества мужчин. Наоко часто говорила, что ей нравятся мужчины старше ее, потому что «их легко приручить». Мне никогда не казалось, что эта девушка

станет встречаться со зрелым мужчиной ради денег, но в разговорах она постоянно намекала, что подыскивает себе парня, желательно достаточно взрослого и обеспеченного.

В заключение беседы сотрудница еще раз подчеркнула, что ни разу не слышала, чтобы господин Токорода упоминал при ней имя Наоко.

— Насколько я знаю, лично они не общались. То, что я рассказала, не более чем мои догадки. Однако, возможно, вам стоит знать, что именно господин Токорода руководил тем проектом, в котором участвовала Наоко, причем он был старше других его организаторов — остальные сотрудники отдела маркетинга, в том числе женщины, гораздо моложе его. Поэтому вполне возможно, что, вспоминая о красивых мужчинах, встреченных в компании, Наоко имела в виду именно Рёсукэ Токороду. Впрочем, мне кажется, сам господин Токорода вряд ли мог об этом знать.

Между тем друзья Наоко Имаи сообщили полицейским, что за некоторое время до убийства девушка всем подряд рассказывала о своем романе с женатым мужчиной гораздо старше ее. Якобы они начали встречаться незадолго до того, как девушка перешла в выпускной класс школы, то есть приблизительно полгода спустя после устройства Наоко на временную работу в «Орион фудс». Летом она вдруг заявила, что между ними все кончено, и завела себе нового бойфренда.

Был ли Рёсукэ Токорода тайным возлюбленным этой взбалмошной девчонки, мечтавшей то «подцепить богатого папика», то «очаровать принца на белом коне»? Участвуя в опросах, проводимых компанией, она вполне могла встретить главу отдела маркетинга, а потом, случайно столкнувшись с этим красавцем-менеджером где-нибудь на улице, заговорить с ним. Главный офис компании «Орион фудс» находился неподалеку от ее школы: и Наоко, и Рёсукэ наверняка каждый день ездили на электричке и выходили на одной и той же станции. По крайней мере, ничего невозможного в их знакомстве не было. Напротив, все свидетельствовало о том, что жертвы обоих убийств общались, причем находились в довольно близких отношениях...

Потом вдруг, откуда ни возьмись, появилась очередная Ариадна, протянув новую нить, ведущую в непроницаемый мрак.

Следователи вышли на ту, у кого был мотив для совершения убийства. Несмотря на то что эта особа уже не была несовершеннолетней, полицейские в шутку окрестили ее «подозреваемая А.» — так по закону полагалось называть несовершеннолетних преступников, вся личная информация о которых должна оставаться конфиденциальной. Хотя иных подозреваемых в ходе следствия обнаружить не удалось, за неимением прямых доказательств причастности подозреваемой А. к преступлению предъявить ей обвинение не представлялось возможным, а значит, ее имя пока не подлежало разглашению.

Подозреваемая А. училась вместе с Наоко Имаи, хотя была на год старше ее, потому что с первой попытки не прошла по конкурсу в элитный университет, куда ей так хотелось поступить, и теперь готовилась к повторной сдаче экзаменов. Она была прилежной ученицей, имела хорошие отметки по всем предметам, и ее друзья отзывались о ней положительно. Как большинство иногородних учеников, приехавших издалека, подозреваемая А. снимала квартиру-студию. Небольшой стипендии ей хватало только на оплату квартиры и на еду. Ни дорогой одежды, ни развлечений она себе позволить не могла — в этом Наоко Имаи была ее полной противоположностью.

Говоря языком женских романов, Наоко Имаи и подозреваемая А. оказались «двумя катетами любовного треугольника». Бойфренд Наоко, студент колледжа, который пришел на

ее похороны и затем был допрошен полицией, раньше встречался с подозреваемой А. Их отношения продолжались достаточно долго, еще со времени его поступления в колледж, и все друзья и знакомые считали их отличной парой.

Как вдруг нежданно-негаданно на горизонте возникла Наоко Имаи и увела жениха у подозреваемой А., можно сказать, из-под самого носа. Случилось это около полугода назад. Разумеется, покинутая девушка ужасно расстроилась и рассердилась. Такие истории, как известно, происходят сплошь и рядом: большинству из нас не раз приходилось сталкиваться с предательством близких людей, но даже осознание этого факта, как правило, не очень утешает. В общем, между молодыми людьми начались разборки. Несколько раз все трое сильно поругались. Об их ссорах знали все друзья.

В конце концов подобные истории, как правило, заканчиваются одинаково: тому, кого предали, не остается ничего другого, как смириться со своей участью. Вместо того чтобы цепляться за отношения с бывшим парнем, девушке надо было продолжать жить своей жизнью. Однако подозреваемая А. оказалась не из тех, кто легко прощает обиды: ее обостренное чувство справедливости требовало возмездия. Она не могла так просто забыть свою любовь и потому продолжала преследовать изменника, набрасываясь на него с отчаянием Дон Кихота, атакующего ветряную мельницу. Результат этих стычек всегда был один: смущенный и раздосадованный парень отвергал ее и уходил, а Наоко Имаи смеялась в лицо несчастной.

Кроме всего прочего, подозреваемая А. терпеть не могла Наоко Имаи из-за ее «сомнительной репутации и аморального поведения». Ведь многие знали, что до этого Наоко встречалась с женатым мужчиной (хотя имя Рёсукэ Токороды в девичьих сплетнях, по-видимому, никогда не звучало), ведь она сама всем с гордостью об этом рассказывала. Подозреваемая А., должно быть, особенно терзалась тем, что ее возлюбленный предпочел ей не кого-нибудь, а именно эту распутницу, которая направо и налево соблазняет чужих мужей, треплется о своих любовных подвигах на каждом углу и откровенно забивает на учебу, потому что на уме у нее только шмотки да глупые интрижки. Такегами, в общем, мог понять подозреваемую А. и представить себе степень ее отчаяния. Если бы он был ее школьным куратором, он наверняка вызвал бы девушку к себе и поговорил с ней о том, что жизнь в принципе несправедлива, а когда речь заходит об отношениях между мужчиной и женщиной, то любые правила логики вообще перестают действовать, и с этим ничего не поделаешь.

Подозреваемая А. не скрывала своей ненависти к Наоко Имаи и всем встречным и поперечным обещала, что обязательно когда-нибудь ее убьет, заставив негодяйку заплатить за все сполна. На допросах в полиции девушка подтвердила, что именно так и говорила. Вскоре после гибели Наоко она услышала, как одноклассники обсуждают происшедшее, подозревая ее в убийстве. Зная, что у окружающих есть все основания считать ее виновной, подозреваемая А. места себе не находила.

Следователи участка в Южной Сибуре, получив информацию об этой девушке, решили вызвать ее для дачи показаний и подробно обо всем расспросить. Но тут произошло убийство Рёсукэ Токороды, а потом выяснилось, что оба дела взаимосвязаны. У подозреваемой А. действительно был мотив убить Наоко Имаи, но господин Токорода ей вроде бы ничего плохого не сделал. В общем, расследование в очередной раз зашло в тупик.

Самым неожиданным образом на этот раз разгадку предложила сама подозреваемая А. На следующий день после того, как следственные бригады объединились и началось общее

расследование обоих дел, девушка сама явилась в участок вместе с матерью, которая специально приехала в Токио, чтобы поддержать дочь в трудной ситуации. Подозреваемая А. добровольно дала показания (едва пронюхав об этом и особо не разобравшись, в чем суть дела, газетчики сразу сообщили о том, что убийца явился с повинной, — Накамото с удовольствием вырезал заметки об этом и вклеил в свою тетрадь, где он давно коллекционировал статьи, содержавшие явную дезинформацию об уголовных делах).

Рассказывая о случившемся следователю, подозреваемая А. была спокойна и выдержанна:

— Я должна сообщить о том, что знала господина Токороду. Мы с ним встречались один раз. Он присутствовал во время одной из наших бесед с Наоко Имаи. Это она его привела. Она сказала, что будет лучше, если кто-нибудь взрослый понаблюдает за нами со стороны и рассудит нас. Дело было в воскресенье, вскоре после Нового года. — Оказалось, что подозреваемая А. ведет дневник и там записаны точное время и место встречи. — Мы сидели в кофейне неподалеку от станции «Сибуя». Пришли мы туда около двух и просидели пару часов. Эта кофейня находится в переулке, так что народу там обычно не много. Когда я туда пришла, Наоко и господин Токорода меня уже ждали.

Рёсукэ Токорода представился подозреваемой А. и сказал, что он друг Наоко Имаи, «что-то вроде старшего брата», как он выразился.

Подозреваемая А. и Наоко уже несколько раз до этого пытались выяснить отношения. Иногда при этом присутствовал парень, из-за которого они повздорили. Однако господина Токороду ни до, ни после этой встречи допрашиваемая никогда не видела.

Девушка обратила внимание на то, что Наоко общается со своим знакомым как с равным и господина Токороду такое обращение ничуть не смущает.

— Во время разговора Наоко держала его под руку и вообще откровенно липла к нему. Мужчина был достаточно сдержан и, не обращая внимания на ее шалости, продолжал читать нотации. Он просил меня не портить никому жизнь и смириться со случившимся. Еще он сказал, что, возможно, мой парень устал от меня как раз потому, что я слишком серьезная и все принимаю близко к сердцу. Пора, дескать, мне повзрослеть и перестать вести себя как маленькая обиженная девочка. Пока господин Токорода говорил мне все это, Наоко смотрела на меня и нагло ухмылялась, так что в конце концов я вышла из себя и заявила ему, что если он считает себя старшим братом этой дуры, то неплохо бы ему знать о том, что его сестренка крутит романы с женатыми мужчинами его возраста, а потом *хвастается* этим перед одноклассниками.

Подозреваемая А. ожидала, что это смутит ее соперницу. Вместо этого Наоко Имаи от души расхохоталась:

— Ну ты даешь! *Знает* ли он о моем романе с женатиком? Еще бы он не знал, ведь это он самый и есть. Как раз тот, про кого я рассказывала. Мы, правда, больше не спим вместе, но по-прежнему дружим. Сегодня я позвала его помочь мне разобраться с тобой.

Подозреваемая А. призналась следователю, что это заявление Наоко ошарашило ее, так что она не нашлась с ответом.

— Господин Токорода тогда показался мне немного расстроенным. Я в тот момент, помнится, решила, что больше мне с ними не о чем разговаривать, встала и направилась к выходу. Наоко смеялась мне вслед, а этот господин бросился меня догонять. На прощание он извинился передо мной за свою спутницу, сказав, что та не слишком хорошо себя ведет, но он и сам не знает, как с этим быть. Он посоветовал мне держаться от нее подальше, обещал

помочь, если мне *что-нибудь* понадобится, и дал визитную карточку. Я отказывалась, но он сам запихнул мне ее в карман. Не помню, как добежала до станции. Ожидая поезда, я достала визитку из кармана и прочла имя этого человека, его телефон и электронный адрес, а также название компании — «Орион фудс». Эта встреча так потрясла меня... Почему-то так плохо, так мерзко стало на душе... Я вернулась домой и долгое время думала над тем, что произошло.

Следователи спросили девушку, почему она решила прийти в полицию и рассказать обо всем этом, зная, что ее могут обвинить в двойном убийстве. Подозреваемая А. ответила:

— Я знала, что в смерти Наоко могут обвинить меня, но я ее не убивала и потому не сомневалась, что мне нечего бояться. Я была уверена, что рано или поздно правда всплывет на поверхность... Но когда я узнала о гибели господина Токороды и о том, что эти два дела взаимосвязаны, я испугалась. Мне показалось, что кто-то хочет меня подставить. Ведь на самом деле я была знакома с обеими жертвами. Стоило полиции выяснить *обстоятельства* этого знакомства, как мне сразу предъявили бы обвинение. И тут уж мне пришлось бы до посинения объяснять всем, что я невиновна и не убивала этих людей, хотя они действительно причинили мне много зла. Сначала я не собиралась признаваться в том, что виделась с господином Токородой, потому что, кроме меня, никто не мог об этом знать. Но потом, когда поползли слухи о том, что эти двое стали жертвами серийного убийцы, я не выдержала. Вдруг какой-нибудь официант в той кофейне видел, как я разговаривала с ними, и запомнил меня? Какие тогда аргументы я смогу представить в свою защиту? В конечном счете оба убийства наверняка повесили бы на меня. Вот поэтому я решила прийти сама и обо всем вам рассказать. Я пришла, потому что я никого не убивала. Я ни в чем не виновата.

Подозреваемая А. жила одна, и у нее не было алиби на время обоих убийств — она утверждала, что в тот и другой вечер сидела дома. С другой стороны, никто из свидетелей не видел ее поблизости от мест преступлений и следов краски на подошвах ее обуви (которые она тут же с готовностью продемонстрировала следователям) обнаружить не удалось. Имевшихся улик было явно недостаточно для получения ордера на обыск, так что следователи не могли проверить, есть ли среди ее вещей ярко-синий жилет или куртка. Впрочем, никто из знакомых подозреваемой А. не помнил, чтобы она когда-либо носила что-нибудь подобное (а подростки вряд ли могли не заметить или забыть такую классную вещь). Подозреваемая А. в последнее время не выезжала в Северную Америку, и никто из друзей не дарил ей и не давал поносить одежду серии «синий миллениум». В общем, никаких серьезных доказательств причастности девушки к этим убийствам не было — все ограничивалось смутными подозрениями.

Собранные криминалистами и судмедэкспертами данные тоже не особо продвинули расследование. Наоко Имаи была задушена не голыми руками. Убийца затянул на ее шею капроновую веревку, накинув петлю сзади: следы от веревки отчетливо отпечатались на шее жертвы. Кроме того, на правом плече убитой нашли небольшой кровоподтек, — видимо, нападавший схватил девушку за руку, повалил на землю и удерживал ее, прижав коленом к полу. Если Наоко Имаи застали врасплох, даже у ее ровесницы в принципе могло хватить силы, чтобы совершить такое убийство. Наоко постоянно сидела на диете и отличалась довольно хрупким телосложением, в то время как подозреваемая А. была высокого роста и играла в волейбольной команде, а значит, по ее собственному признанию, могла бы запросто расправиться с соперницей. В общем-то, это было под силу, пожалуй, любому взрослому человеку, а мужчине это и вовсе не составило бы никакого труда. Тот факт, что

убить таким способом могла бы и девушка или женщина, еще ничего не доказывал.

Убийство Рёсукэ Токороды произошло при более загадочных обстоятельствах. Орудие убийства — шестидюймовый кухонный нож — было обнаружено на месте преступления. Однако такими ножами торговали во всех хозяйственных магазинах, так что вряд ли стоило рассчитывать на то, что эта находка поможет быстро найти убийцу. Подозреваемая А. сказала, что у нее нет и никогда не имелось кухонного ножа, потому что дома она не готовит.

На теле Токороды было обнаружено двадцать четыре колотых раны. Несчастный умер от потери крови и сильного шока. Восемь ранений были несовместимы с жизнью, остальные шестнадцать — не такие глубокие — явно наносились куда ни попадя: в плечо, в бок, в ногу и т. д. Судя по окровавленным ладоням, господин Токорода пытался защищаться от ударов нападавшего. Видимо, получив глубокую рану, бедняга согнулся от боли, и тогда преступник сбил его с ног. Когда Токорода упал на спину, убийца еще некоторое время продолжал наносить ему удары, скорее всего оседлав свою жертву. Судмедэксперты установили, что все двадцать четыре раны были нанесены, когда Токорода был еще жив, хотя, судя по углу наклона лезвия, около половины из них бедняга получил, уже потеряв сознание и не сопротивляясь.

Ударить ножом стоящего перед тобой человека не так-то просто. Даже имея оружие и намереваясь напасть, далеко не каждый на такое решится. Однако, как известно, в припадке ярости, утратив контроль над собой, многие способны перешагнуть роковую черту. Ненависть и злоба могут настолько ослепить, что рука словно сама собой потянется к ножу и будет наносить удары снова и снова, а когда пелена спадет с глаз, убийца увидит перед собой жертву, распростертую в луже крови. Именно по такому сценарию совершается большинство подобных преступлений. При этом нападающему вовсе не обязательно обладать недюжинной мощью — адреналин компенсирует недостаток физической силы. Иная хрупкая женщина в гневе ударом кухонного ножа может раздробить мужчине ребро. В подобных случаях слишком многое зависит от обстоятельств, так что по картине подобного преступления почти никогда нельзя однозначно определить пол преступника.

Судмедэксперты выяснили, что раны, обнаруженные на теле господина Токороды, скорее всего, были нанесены не одним человеком. Некоторые из них были глубокие и действительно смертельные, другие — поверхностные, больше похожие на царапины. Возможно, соучастниками были несколько лиц, обладавших разной физической силой.

Составляя отчет по делу, Такегами вспомнил об одном аналогичном преступлении, совершенном несколькими людьми, которое расследовали его коллеги в Европе, и поделился своими мыслями с Накамото.

Тот, однако, возразил, что в данном случае, возможно, убийца все-таки был один. В отчете экспертов отмечалось, что наиболее глубокие раны были нанесены вначале, когда господин Токорода еще стоял на ногах, в то время как царапины и ссадины в основном появились на его теле уже после того, как его повалили на спину. Такое могло произойти, если нападавший постепенно выбился из сил и в конце концов бил ножом наугад, не целясь, просто по инерции. Подобные соображения опять же никак не могли приблизить к разгадке убийства и идентификации личности или хотя бы пола преступника.

Единственной подозреваемой при всем этом по-прежнему оставалась издерганная и перепуганная подозреваемая А. Впрочем, против нее улики тоже было не так уж много. Мотив для убийства у нее, возможно, и имелся, по крайней мере желаний разделаться с

Наоко Имаи она не скрывала. Но что ей сделал Рёсукэ Токорода? Если она действовала в одиночку, то после убийства Имаи, которое и без того навлекло на нее подозрения, она вряд ли посмела бы напасть на Токороду без особых на то причин. А очевидные причины вроде бы отсутствовали.

Или все-таки были? Подозреваемая А. ведь упоминала, что Токорода пытался лезть к ней в душу и учить жизни, совал нос не в свои дела. Могло случиться так, что после убийства Наоко он заподозрил А. в этом ужасном преступлении, связался с ней и предложил свою помощь. Он вполне мог посоветовать ей признать свою вину и сдать ее полиции. Они могли договориться о встрече где-нибудь в Ниикуре, неподалеку от места преступления. Возможно, во время разговора Токорода чем-нибудь оскорбил самолюбивую девушку и она бросилась на него с ножом. Разве так не могло случиться? Да запросто.

Свидетель Томико Фукада, вызвавшая полицию на место убийства, утверждала, что в тот вечер слышала истошный женский крик. А это значило, что в любом случае (даже если убийц было несколько) при совершении преступления присутствовала женщина. Кто она? Подозреваемая А. или кто-то еще?

Полицейским требовались новые улики, желательно показания непосредственных свидетелей преступления. Следователи не могли поверить в то, что упустили из виду кого-нибудь с очевидными мотивами двойного убийства. Все члены объединенной оперативной бригады были согласны с этим и не знали, что делать дальше.

И вот однажды — около двух недель спустя после второго убийства — Накамото, вопреки всем правилам и привычкам, решил высказать собственное мнение по поводу этого дела.

Помнится, Такегами тогда очень удивился. Его поразило не только сам факт, что его приятель вдруг взял и предложил свою идею для обсуждения, но и то, что она совпала с гипотезой нескольких молодых следователей, — они поделились своими соображениями с коллегами на собрании, которое проводилось накануне. Эти новички были полны решимости действовать самостоятельно и рвались в бой.

Они утверждали, что нельзя заикливаться на виновности А. — нужно искать других людей, причастных к этому делу. А. стала основной подозреваемой только потому, что следователи начали разбираться в обстоятельствах жизни первой жертвы, Наоко Имаи. Возможно, если бы они потянули за ниточку с другого конца и принялись копать информацию на Рёсукэ Токороду, обнаружился бы совсем другой мотив убийства.

— Нака, дай угадаю! Ты повелся на уговоры этих недоучек?

Накамото рассмеялся и пригладил поредевшие волосы на макушке:

— В отличие от тебя, я не особо прислушиваюсь к той чуши, которую порют наши новички. Однако если они в кои-то веки додумались до чего-то дельного, это, безусловно, делает им честь. Если сразу несколько людей одновременно пришли к одинаковому выводу, вероятно, к нему стоит отнестись серьезно. — Он выглядел весьма довольным собой. — Все-таки старый конь вроде меня борозды не испортит, верно? И пожалуй, даже может сгодиться на что-нибудь еще, кроме бумажной работы. Не то чтобы мне не нравилось делопроизводство... Ну, ты меня понимаешь.

— Понимаю, — кивнул Такегами.

Однако Накамото, похоже, решил, что сболтнул лишнего, смутился и замолчал. Виноватый вид друга поразило Такегами даже сильнее, чем его слова. Ведь это значило, что Накамото действительно поделился с ним наболевшим.

Неужели Накамото и впрямь утомили его обязанности? Неужели любому человеку, безраздельно посвятившему себя какому-либо делу, в конце концов, несмотря на успешную карьеру и всеобщее восхищение и уважение, надоедает заниматься одним и тем же? Неужели и Накамото перегорел? Неужели то же самое ждет и его, Такегами? Несколько минут Такегами думал над этими вопросами и пытался разобраться в себе, но ответов так и не нашел.

Следующая неделя прошла без особых новостей. Следователи трудились не покладая рук, но так и не смогли обнаружить ничего особенного. Новых улик против подозреваемой А. не появилось. Оперативники приуныли. И тогда молодые сотрудники вновь попытались выдвинуть свою гипотезу, но их опять никто не захотел слушать.

Накамото был погружен в свои мысли и явно чем-то обеспокоен. Однажды в обед они с Такегами отправились поесть гречневой лапши в соседнюю забегаловку. Склонившись над дымящейся миской, Накамото посмотрел на друга и сказал:

— Мое поведение, наверное, покажется тебе странным, но мне, «бумажному червю», почему-то очень хочется вмешаться в это дело, и, пожалуй, я так и поступлю.

Такегами показалось, что приятель уже давно обдумывал эти слова и вот сейчас наконец не сдержался и поделился с ним своими планами.

— Собираешься посоветовать им что-нибудь?

— Нет, что ты, никаких официальных консультаций, — отмахнулся, усмехнувшись, Накамото. — Так, разве что перемолвлюсь парой слов с капитаном Симодзимой.

Когда у человека за плечами *тридцатилетний* опыт работы, каждое его слово на вес золота. А уж пара слов — тем более. Накамото словно сам до этого не осознавал собственной значимости, а тут вдруг понял, что слишком долго держался в тени и что теперь пришло время проявить себя.

Такегами не стал его переубеждать. Он помнил их предыдущие разговоры и не считал нужным навязывать другу свое мнение. Накамото наверняка все уже решил, и теперь его не остановить: он обязательно разберется в обстоятельствах этого преступления и найдет разгадку.

Впрочем, Такегами все же не ожидал, что начальство так быстро одобрит план Накамото. Да и остальные следователи были порядком удивлены.

— Представляешь, Симодзима сказал, что, вообще-то, он сам уже обдумывал проведение подобной операции, но атмосфера на собраниях казалась ему слишком напряженной, чтобы выступать с подобными предложениями. Хотя, конечно, он утверждает, что был морально готов выступить с подобной инициативой и принять удар на себя. — Передавая слова начальника, Нака недоверчиво смеялся, но был явно счастлив, что его план действий утвердили.

Все остальное было делом техники. Некоторое время ушло на проработку деталей замысла. Накамото пришлось отвлечься от исполнения прямых обязанностей — всю бумажную работу взял на себя Такегами. Впоследствии Накамото посвятил его в подробности своего плана, и Такегами пришлось признать, что его друг действительно все предусмотрел. В дальнейшем, слыша, как Симодзима называет эту операцию «не более чем еще одним новым направлением расследования», Такегами усмехался. Шеф явно перестраховывался на случай провала. Впрочем, начальству вообще свойственно стремление прикрывать свою задницу.

В операции обязательно должна была участвовать женщина-полицейский. Кто-то из

руководства позвонил в участок округа Сугинами и велел срочно прислать одну из сотрудниц. Услышав, что в деле будет задействована не кто иная, как Тикако Исидзу, Такегами вновь утратил душевное равновесие. Каждый новый этап этого расследования таил все новые и новые неожиданности.

Тикако Исидзу была его давней знакомой — воспоминания о ней вызывали у Такегами противоречивые чувства. Когда-то они работали вместе, и это сотрудничество было, безусловно, приятным. Однако потом эта женщина попала в довольно неприятную историю. Четыре года назад она участвовала в работе следственной бригады, занимавшейся делом о поджогах и серийных убийствах. Внезапно ситуация вышла из-под контроля, и Тикако отказалась выполнить приказ руководства, за что в дальнейшем была понижена в должности — ей практически указали на дверь. Однако она не ушла. Такегами слышал, что ее хотели отправить работать в отдел по связям с общественностью, но потом передумали, решив, что для этого ее репутация слишком испорчена. «Значит, в конце концов ее послали служить в Сугинами», — сочувственно подумал Такегами.

Разумеется, Накамото тоже отлично знал Тикако Исидзу и помнил о ее «проступке». Узнав о ее включении в бригаду, он шепнул на ухо Такегами:

— Вот Симодзима, сукин сын! Специально выбрал Тикако, чтобы в случае провала операции свалить всю вину на нее!

Разумеется, Такегами был согласен с другом, но не стал говорить об этом вслух. Вместо этого он посоветовал:

— Подумай-ка лучше о себе.

— А что думать? Если ничего не получится, в худшем случае мне прикажут вернуться к исполнению моих прямых обязанностей. Буду дальше разбирать бумажки — все равно до пенсии мне уже недолго осталось.

— Наверное, ты прав.

— Да уж конечно. — Накамото прищурился, словно всматриваясь в даль, а потом добавил: — Если, чтобы вернуться на передовую, мне придется сперва пробежаться по минному полю, я, пожалуй, не против.

Такегами молча кивнул. Он думал, что, вероятно, в скором будущем он тоже устанет от бумажной рутины и будет мечтать о приключениях. Кто знает, может, ему тоже отчаянно захочется раскрыть какое-нибудь преступление. Всякое бывает.

— И все же подумай как следует, — напоследок сказал он.

Даже если Накамото в этой ситуации действительно ничего не угрожало, репутация Тикако Исидзу, и без того порядком подмоченная, все же стояла на копу. Такегами беспокоился о ней. Он не знал, чем помочь, но для себя решил, что по возможности постарается поддержать ее.

Впрочем, пока особых поводов для пессимизма вроде бы не было. Все ведь могло пройти по плану, который придумал Накамото, и тогда у Тикако, наоборот, появился бы шанс проявить себя с лучшей стороны, успешно справившись с задачей. Такегами был уверен в ней даже больше, чем в своем друге. Она идеально подходила для той роли, которую должна была сыграть, потому что материнские чувства по природе были ей вовсе не чужды.

Наконец все необходимые приготовления завершились, и участникам операции не оставалось ничего другого, как ждать назначенного дня.

И тут с Накамото случился удар.

Инфаркт миокарда, причем уже не первый. До этого приступы были не слишком

тяжелые — так, слегка прихватывало. После нескольких уколов его обычно отпускали из больницы домой. На этот раз вышло по-другому. Накамото поднимался по лестнице на перрон, собираясь ехать на поезде на работу, и вдруг потерял сознание. «Скорая» отвезла его в больницу, однако врачам так и не удалось привести пациента в чувство.

Уже двое суток Накамото был в коме и находился в реанимации. Врачи оценивали его состояние как критическое. А между тем близился тот самый день, когда придуманный им план требовалось реализовать. Откладывать его исполнение было нельзя. Сам Симодзима ни за что не согласился бы заменить Накамото — вряд ли суперинтендант Касаи одобрил бы такое безалаберное поведение своего подчиненного. Однако в возникшей критической ситуации нужен был кто-нибудь, кто взялся бы сыграть главную роль в сценарии Накамото — ту роль, которая изначально предназначалась для него самого.

Симодзима разрешил Накамото реализовать его план потому, что в случае неудачи всегда можно было оправдать любые последствия недальновидностью и некомпетентностью старого делопроизводителя. Никто из ведущих следователей подразделения не участвовал в операции — с них взятки гладки. В этом деле были задействованы лишь несколько младших сотрудников из оперативной группы, так что серьезного разбора полетов особо опасаться не приходилось — какой спрос с новичков?

Возникшую кадровую проблему помог решить начальник четвертого подразделения капитан Камия. Он неплохо разбирался в людях и знал, на что способен делопроизводитель, находившийся у него в подчинении. Как только все немного оправились от шока из-за внезапной болезни Накамото, во время очередного собрания Камия вызвал Такегами в коридор и без обиняков спросил:

— Слушай, Гами, ты не мог бы заменить Накамото в этом деле?

Такегами криво усмехнулся:

— Если я откажусь, у вас есть другие кандидатуры?

— Ну, мы можем попросить Тикако Исидзу это сделать. Все равно она должна участвовать в операции. Вдруг она согласится сыграть две роли сразу? Ей-то в любом случае терять нечего.

Прежде чем Такегами успел как следует удивиться, Камия расхохотался:

— Да шучу я, шучу!

— Я так и понял. — Такегами улыбнулся и облегченно вздохнул.

— Знаешь, мне кажется, Нака до смерти устал возиться с бумажками. Наверное, ему очень хотелось вернуться к оперативной работе. — («Стало быть, Камия тоже так считает», — подумал Такегами.) — Иначе он просто предложил бы нам свой план и отказался участвовать в нем лично. Ты бы, например, наверняка так и поступил, правда, Гами?

— Может, все дело в том, что мне пока не настолько надоела моя работа? Мне нравится то, чем я занимаюсь. Это полезное и интересное дело.

Капитан Камия не стал шутить по этому поводу, просто одобрительно хмыкнул:

— Гами, мне почему-то кажется, что ты заменил бы Накамото в этом деле, даже если бы я запретил тебе это сделать. Я прав?

— Нет, господин начальник, без вашего разрешения я бы ни за что так не поступил. По уставу я не имею права нарушать ваши приказы.

— А я, со своей стороны, не собираюсь тебе этого запрещать. Наоборот, я разрешаю тебе взять на себя функции Накамото. — Считая разговор оконченным, Камия собрался

уходить, но напоследок обернулся и ободрил своего подчиненного: — Держись, Гами, через несколько часов это все закончится. Если операция пройдет успешно, будет просто здорово, если нет — ничего страшного. Нутром чую, дело должно выгореть.

— Спасибо на добром слове, — ответил Такегами и кивнул.

Он вернулся на собрание и предложил свою кандидатуру вместо Накамото. Судя по лицу капитана Симодзимы, инициатива Такегами его немало порадовала: начальник широко улыбнулся и с облегчением вздохнул. Такегами между тем думал о своем друге: «Прорвемся, Нака, где наша не пропадала!»

Вот так, из-за случайного стечения обстоятельств, перед самым началом представления Такегами утвердили на главную роль в этой драме. Успеет ли он выучить свои реплики? Будет ли убедительно смотреться на сцене?

От кого: Мама

Кому: Минору

Тема: Новый дом

Папа говорил тебе, что хочет купить новый дом? Ему, видите ли, нужен собственный кабинет. Нынешний дом уже довольно старый и, несмотря на все ремонты, выглядит не лучшим образом.

Тут неподалеку строится несколько довольно симпатичных коттеджей, но от них добираться до станции будет немного дальше, так что Папа не знает, стоит ли туда переезжать.

Он сказал мне, что, выбирая дом, нужно обязательно сходить туда несколько раз, посмотреть на него при разной погоде, в разное время суток. Представляешь, оказывается, наш Папа иногда специально проезжает мимо выбранного нового дома по дороге с работы, останавливается и любуется им. Мне кажется, это так мило!

Я попросила Папу взять меня с собой в следующий раз. Думаешь, я хочу слишком многого?

— Думаю, мы воспользуемся вторым кабинетом для допросов. Там хоть и тесновато, зато гораздо светлее, чем в первом, где окна выходят на северо-восток, — сказала Тикако Исидзу, обгоняя их на лестнице.

Такегами и Токунага последовали за ней, сгибаясь под тяжестью папок с документами по делу.

— К тому же во втором кабинете недавно повесили новое двустороннее зеркало, — заметил Токунага, поравнявшись с Такегами. — В прошлом месяце кто-то грохнул по нему стулом и разбил вдребезги. Хотел бы я знать, кого это там допрашивали?

Второй кабинет находился в конце длинного извилистого коридора. Здание полицейского участка в Сибуе было сравнительно новым, но освещение установили отвратительное, так что во всех помещениях царил полумрак. Только неоновая надпись «Выход» в конце коридора ярко светилась даже в дневное время.

На скамейке у кабинета сидел Синго Акидзу, молодой сотрудник из четвертого подразделения, высокий крепкий парень. Такегами был с ним на дружеской ноге. При виде коллег Синго поднялся со скамейки и, ухмыльнувшись, приветствовал их. Под мышкой у него была пачка документов, свернутых в трубочку.

— Вот, принес последние сводки. Слышал, вы тут затеваете какую-то игру?

— Игру? Да я бы не сказал.

— Не делай такое умное лицо, Гами, тебе не идет. А ты почему со мной не здороваешься, Токумацу?

Токунага терпеть не мог, когда его так называли. Ему очень не нравилось его имя Мацуо: с его точки зрения, оно звучало некрасиво и как-то старомодно. Но ему же не пятьдесят лет! Такое дурацкое имя никак не вязалось с его имиджем светского льва, поэтому он предпочитал, чтобы все обращались к нему по фамилии. Акидзу знал об этом и никогда не упускал возможности поглумиться над коллегой.

— Если честно, я думал, ты уже давно перешел работать в «Орион фудс», — парировал Токунага. — Кажется, ты был без ума от тамошней администраторши?

— Она не в моем вкусе. Миленькая мордашка — это ведь еще не все. Мне нравятся высокие и стройные, а не такие коротышки. Вот тебе бы она отлично подошла, друг мой Токумацу. Мне кажется, вы были бы идеальной парой — этакое семейство пупсов! Прямо вижу вас вместе, попивающими чай из игрушечных чашечек!

Акидзу был здоровяк под два метра ростом, и Токунага, при своих метре шестидесяти, едва доставал ему до плеча. Небольшой рост, так же как и имя, усугублял его комплексы. Акидзу же больше всего на свете любил наступать всем подряд на большие мозоли.

Такегами отмахнулся от наглеца.

— Эй, парни, хватит языками чесать! — смеясь, прервала их перепалку Тикако и распахнула дверь в кабинет.

Акидзу тут же обернулся к ней и церемонно поприветствовал:

— Здравствуйте! Тикако Исидзу, если я не ошибаюсь? Меня зовут Синго Акидзу, я любимый ученик Гами.

— Вот это новость! — удивился Такегами. — Когда это я, интересно, взял тебя в ученики? И с чего это ты вдруг решил посвятить себя делопроизводству?

— Если я им займусь, ты ведь непременно возьмешь надо мной шефство?

— Ни за что на свете! Безмозглым разгильдяям вроде тебя такую важную работу доверять нельзя.

— Ну дела! — Акидзу свернул в трубочку бумаги, которые держал в правой руке, и, придуриваясь, постучал ими по голове. — Никто меня, несчастного тупицу, не любит! Как говорится, простите за назойливость. На самом деле я всего лишь хотел иметь честь быть представленным даме сердца Такегами, о которой он грезит с незапамятных времен своей юности. Я ведь прав, детектив Исидзу?

Удивленная, Тикако уставилась на него:

— Это вы обо мне?

— А то о ком?

Такегами оборвал Акидзу:

— Знаешь что, Токунага, возьми-ка ты метлу и вымети отсюда этого слабоумного переростка. Жаль терять время на болтовню с этим кретином.

— Слышал, кретин? — приободрился Токунага. — Детектив Исидзу, не подскажите, где тут у вас метла, чтобы я мог выполнить распоряжение?

— Посмотрим, слабак, хватит ли у тебя духу меня хоть пальцем тронуть, — огрызнулся Акидзу. Потом вновь обратился к Тикако: — Когда у вас будет время, давайте где-нибудь посидим, и вы мне расскажете, каким был Гами в молодости и как вам с ним работалось. Мне до ужаса интересно!

— Я не против. К чему только вам слушать воспоминания такой никчемной старухи, как я?

— Ах, ну что вы, я стораю от любопытства. Надеюсь, вы выполните обещание. Пока, слабак! Не вздумай обделаться от страха и не путайся у Гами под ногами, усек?

Акидзу развернулся и неторопливо зашагал по коридору. Токунага глядел ему вслед и буквально кипел от злости. Лишь когда Тикако позвала его, он опомнился и поспешил в кабинет.

Скрестив руки на груди, Такегами стоял у окна. Внизу находилась полицейская парковка, а за ней, на другой стороне узкой улицы с односторонним движением, стояло несколько старых зданий, в которых, видимо, размещались какие-то офисы. Голубое небо было подернуто легкой облачной дымкой. Весенний ветер доносил шум моторов и гудки автомобилей с центральной магистрали района Сибуя, проходившей буквально за поворотом.

Такегами обернулся. Левая стена кабинета была совсем голой, а в противоположную недавно вмонтировали новое двустороннее зеркало. Полицейский подошел полюбоваться на него и, сам не зная зачем, коснулся стекла рукой.

Посреди комнаты стоял письменный стол, по обе стороны от него — два железных стула. Еще один стол, поменьше, размещался у окна — он предназначался для полицейского стенографиста. На стене висел телефонный аппарат для связи с соседним помещением. Больше ничего в кабинете не было. В общем, все это очень походило на те камеры для допросов, которые обычно показывают в фильмах про полицейских. Для полноты антуража не хватало разве что дешевой алюминиевой пепельницы да еще лампы, свет которой полагалось направлять в лицо подозреваемому.

Такегами сел за стол. Ножка стула противно скрежетнула по полу.

— Давно таким не занимался? — спросила Тикако. Она все еще стояла у двери.

— Дай бог памяти... Уже лет десять, а может, и больше.

— Значит, тебя назначили делопроизводителем сразу после того случая?

— Может, оно и к лучшему. Мне не на что жаловаться.

Токунага подошел к столу у окна и стал раскладывать бланки для стенограмм.

— Лично я таким уже точно много раз занимался, — пошутил он.

— Вот и отлично, — сказал Такегами.

— Особых указаний не будет?

— Нет, работай как обычно.

— Хорошо. Просто решил уточнить на всякий случай. Кстати, вам пепельница не нужна?

— Пока нет. Можно будет попросить принести ее позже — так мы сможем выиграть время, если понадобится.

— Отличная мысль! — воскликнул Токунага и восторженно всплеснул руками.

Его изящные жесты и изысканные манеры действительно в полицейском участке иногда казались не совсем уместными, и наглецы вроде Акидзу постоянно передразнивали и поддевали бедолагу по поводу и без.

Будто сговорившись, Такегами и Тикако одновременно посмотрели на часы. 14:10.

— Пожалуй, мне пора в приемную, — сказала Тикако.

— Конечно иди. Она там одна?

— Нет, с матерью. Я попрошу госпожу Токорода подождать в другом кабинете.

Такегами одобрительно кивнул:

— Хорошо. Но если девушка будет настаивать на том, чтобы мать пошла с ней, думаю, не стоит ей препятствовать.

— Я почти уверена, что этого не произойдет.

Моментально уловив подоплеку, Такегами удивленно посмотрел на Тикако. Та подтвердила его догадку:

— Харуэ Токорода и ее дочь Казуми не слишком ладят. Сегодня Казуми хотела прийти одна, но мать не отпустила ее и настояла на том, чтобы они явились в участок вместе. Казуми считает, что ее мать постоянно путается под ногами и лезет не в свои дела. Может, проблема в подростковом кризисе, который сейчас переживает девочка.

— Моя дочь лет с десяти мечтает от меня отделаться. Помню, когда она еще училась в школе, каждый вечер, вернувшись домой с работы, я слышал от нее один и тот же вопрос: «Пап, неужели ты собираешься ночевать дома? Может, сходишь куда-нибудь?» Видимо, от меня нынче требуется только вовремя оплачивать счета — в остальных отношениях во мне больше не особо нуждаются.

Тикако расхохоталась.

— Капитан Симодзима говорит про своего сына то же самое, — развеселившись, сказал Токунага.

— Вашей дочери сейчас уже, должно быть, около двадцати? — спросила Тикако.

— Да, в прошлом году мы отметили ее совершеннолетие. Недавно она поступила в колледж и теперь жутко задается.

Поохав над тем, как быстро растут дети, и вспомнив, какой милой малюткой была эта девочка в раннем возрасте, Тикако в конце концов отправилась выполнять свои обязанности. Такегами разложил на столе необходимые документы, потом достал из нагрудного кармана очки и водрузил их на нос.

Токунага удивленно воззрился на него:

— Я не знал, что вы пользуетесь очками!

— Только вчера купил.

— Нельзя покупать готовые очки — надо сперва проверить зрение, а потом сделать их на заказ.

— Вообще-то, они мне не нужны, я и так прекрасно вижу. — Заметив недоумение Токунаги, Такегами торопливо добавил: — Не думай, что я оправдываюсь. У меня действительно все нормально с глазами. Мне просто показалось, что для такого случая, как сегодня, мне понадобятся очки: в них будет удобнее.

Токунага на минуту задумался, потом спросил:

— Думаете, если вы будете в очках, она не сможет видеть вас насквозь?

— Что-то вроде этого.

— Считаю, вам не о чем беспокоиться.

— Очень на это надеюсь.

Зазвонил телефон.

— Она уже здесь, — сказал Такегами.

От кого: Казуми

Кому: Минору

Тема: Ненавижу себя

я ничего не понимаю, и мне надоело пытаться понять, что со мной.

минору, неужели в этой жизни тебя ничего не беспокоит? я схожу с ума по любому поводу. ну, например, меня волнует вопрос, кому я нужна? любит ли меня хоть кто-нибудь? иногда мне кажется, что я совсем одна. моя жизнь настолько бессмысленна, что если я завтра бесследно исчезну, боюсь, никто из моих друзей этого не заметит. будут ли они скучать по мне? думаю, нет, — они быстро найдут мне замену и вскоре про меня забудут. ты ведь тоже про меня забудешь? даже родители ничуть не лучше остальных: зря говорят, что они всегда любят детей просто за то, что те есть, — это полная чушь. кому нужен ребенок, от которого одни неприятности? уж лучше тогда вообще не иметь детей. наверняка мои родители хотели совсем не такую дочь, как я. мне кажется, их давно мучает вопрос, чем они так провинились и почему у них родилась именно я.

От кого: Папа

Кому: Казуми

Тема: Успокойся

Минору попросил меня написать тебе, потому что ты слишком расстроена и обеспокоена. Казуми, мы с Мамой любим тебя и гордимся тобой. Ты очень хорошая дочь.

Когда Казуми Токорода вошла в полицейский участок Южной Сибуи, мужчины в вестибюле, как по команде, повернули голову и проводили ее томными взглядами, точно девушка разом их всех загипнотизировала. Казуми на это никак не отреагировала: не потому, что она была слишком расстроена или напугана, а скорее потому, что привыкла ко всеобщему восхищению и своим безразличием хотела дать полицейским понять, что у них нет никаких шансов.

Рядом с самоуверенной дочерью ее мать, Харуэ Токорода, казалась ужасно напуганной. Она нервно озиралась по сторонам и заглядывала в лицо всем встречным, словно хотела объяснить, зачем они с дочкой пришли в полицейский участок. Выглядела она по-настоящему несчастной.

Для визита в участок мать и дочь оделись совсем по-разному. На Харуэ был темно-серый вязаный костюм и черные туфли, в руках она держала простую кожаную сумку того же цвета. Она не надела никаких украшений, кроме обручального кольца. Казуми облачилась в короткий черно-белый топ с геометрическим орнаментом и весьма откровенную черную мини-юбку со стразами и пайетками, которая выгодно подчеркивала стройность ее точеных ножек в изящных туфельках на высоком каблуке. Глубокое декольте приоткрывало уже вполне сформировавшуюся грудь, на шее блестела дорогая цепочка с серебряным крестиком. Волосы красотки в результате многочисленных обесцвечиваний приобрели модный каштановый оттенок — девушка распустила их, справа забрав за ухо: на нем виднелась маленькая элегантная золотая сережка.

Когда Тикако училась в школе, некоторые ее одноклассницы одевались в таком стиле, но в те времена шестнадцатилетние девицы, помешанные на модных шмотках, как правило, плохо учились, вызывая себе влиятельные и к тому же заводили сомнительные знакомства и имели дурную репутацию. Казуми Токорода никак нельзя было назвать трудным подростком. Она училась в элитной частной школе для девочек и считалась едва ли не круглой отличницей. Видимо, нынешняя молодежь уже не та, что прежде.

Тикако Исидзу подошла к Харуэ и ее дочери и поздоровалась с ними:

— Спасибо, что пришли.

Харуэ, узнав Тикако и офицера Футигами, очень им обрадовалась и, кажется, немного приободрилась:

— Простите, мы, кажется, немного опоздали.

— Ничего страшного. В нашем распоряжении еще есть несколько минут, — улыбаясь, ответила Тикако и обратилась к Казуми: — Жаль, что тебе сегодня пришлось пропустить уроки.

Девочка словно не услышала Тикако и никак не отреагировала на ее реплику, обратившись с вопросом к офицеру Футигами:

— Ну и где будет проходить опознание?

— Следуй за мной, — сухо велела та.

— Подождите, — заволновалась Харуэ. — Может быть, все-таки мне пойти с Казуми?

Прежде чем кто-либо из сотрудниц полиции успел ей ответить, ее дочь сама все за всех решила:

— Тебе же уже сказали, что все будет *нормально*. Сколько можно повторять! Мне

надоело, что ты везде за мной ходишь и постоянно ноешь.

Тикако постаралась сгладить неловкость — она мягко взяла Харуэ под руку и сказала:

— Офицер Футигами, проводите, пожалуйста, Казуми наверх. Мне нужно кое-что показать госпоже Токорода.

Казуми направилась по лестнице на второй этаж, а ее мать и Тикако вышли из вестибюля и прошли прямо по коридору мимо отделения дорожного патруля в небольшой кабинет для заседаний. Там на исцарапанном столе лежали вещи, принесенные из отдела вещественных доказательств: мужской костюм, ботинки, носовой платок, ежедневник, папки для бумаг...

Взглянув на них, Харуэ вздрогнула.

— Это личные вещи вашего мужа, в том числе бумаги, которые лежали у него в портфеле, — объяснила Тикако женщине, жестом предлагая ей сесть. — В интересах следствия мы также взяли некоторые вещи со стола вашего мужа и из его шкафчика в офисе. Теперь мы уже можем их вернуть, но никто не знает, что из этого принадлежало лично вашему мужу, а что следует возвратить в компанию. Мы надеялись, вы поможете нам с этим разобраться.

— Да, конечно...

Харуэ прикрыла ладонью рот и несколько раз покорно кивнула.

— Мы хотели бы, чтобы вы серьезно отнеслись к этому делу и не торопясь рассортировали все эти вещи, — думаю, вы понимаете, что тут важно избежать ошибок. Наверняка многие из этих мелочей напомнят вам о муже и о вашей потере, поэтому, пока вы этим занимаетесь, мы постараемся не тревожить вас лишней раз. Вы можете не спешить и находиться здесь столько, сколько вам будет угодно. — Тикако указала на телефон в углу. — Если вам что-нибудь понадобится, просто наберите внутренний номер двести двадцать один, и я вам отвечу. Если не смогу прийти сама, то направлю сюда офицера Футигами.

— Хорошо, я все поняла.

— Может, вам принести воды?

— Нет, спасибо, мне ничего не нужно, — сказала Харуэ, с трудом скрывая набежавшие слезы. — Простите, мне сейчас очень тяжело.

— Ну что вы, вам не за что извиняться. Хотела вас заранее предупредить, что при проведении криминалистической экспертизы некоторые вещи могли немного испачкаться, хотя мы старались работать очень аккуратно. И вероятно, здесь не хватает некоторых предметов одежды — они все еще нужны следователям в качестве улик.

— Да, разумеется, как скажете, — кивнула Харуэ.

Она достала из сумочки платок и вытерла слезы. Платок был застиранным — видно было, что хозяйка им часто пользуется.

— Детектив Исидзу, можно вас кое о чем спросить? — В голосе женщины звучала мольба.

Тикако села рядом и с сочувствием посмотрела на Харуэ:

— Да, я вас слушаю.

— Скажите, неужели следователи действительно думают, что моя дочь сможет опознать убийцу? Ей в самом деле покажут подозреваемых? В новостях говорят, что большинство улик свидетельствуют против одноклассницы той девчонки, Имаи. Но ведь наверняка журналисты не знают всей правды? Зачем вам понадобилась Казуми? Сколько всего подозреваемых? Что будет, если моя дочь действительно кого-то из них опознает?

Тикако как могла постаралась успокоить разволновавшуюся собеседницу:

— Мы очень надеемся, что показания вашей дочери помогут найти настоящего убийцу. Однако, даже если из сегодняшней затеи ничего не выйдет, расследование все равно продолжится — я вам это обещаю. Можете не беспокоиться.

— Эти подозреваемые ведь не увидят мою девочку? Не смогут потом ей отомстить?

— Разумеется, нет. Мы гарантируем полную безопасность вашей дочери.

Харуэ продолжала нервно теревить платок:

— В газетах вроде бы не упоминалось о том, что Казуми видела убийцу? И в новостях по телевизору этого, кажется, тоже не было?

— Нет, эта информация не предавалась огласке. Не бойтесь, Казуми ничего не грозит. — Тикако успокаивающе погладила Харуэ по руке. — К тому же нет никаких гарантий, что девочка видела именно убийцу. Сейчас мы просто хотим как можно больше выяснить обо всех, кто так или иначе был связан с этим делом — кто общался с вашим мужем до убийства по какому бы то ни было поводу. Мы надеемся, что Казуми поможет нам в этом.

Харуэ грустно посмотрела на вещи мужа, разложенные перед ней на столе, и тихо сказала:

— Она ужасно злится.

— Что вы имеете в виду?

— Она злится на убийц своего отца — просто вне себя от гнева. — Вдова покачала головой и поспешно добавила: — Разумеется, я тоже не испытываю ничего, кроме ненависти, по отношению к убийцам мужа, но я при этом не теряю голову — я знаю, что надо смириться с тем, что Рёсукэ больше нет... Как бы ни было больно... Я стараюсь осознать случившееся и жить дальше. Я никогда не считала себя сильным человеком. Может быть, я настолько слаба, что не способна даже на гнев...

— Я вас хорошо понимаю, — поддержала ее Тикако. — Думаю, на вашем месте я чувствовала бы то же самое.

— Несмотря на весь ваш опыт работы в полиции?

— Моя профессия ничего не меняет. Полицейские ведь тоже люди. А что касается вас, мне кажется, вы очень сильная женщина.

Слеза медленно скатилась по щеке Харуэ.

— Кто сильный, так это Казуми.

— Да, девочка ведет себя совсем по-взрослому.

— Мне кажется, она намного сильнее и умнее меня. Вся в отца. Я понимаю, почему она относится ко мне с таким презрением, — ее раздражает моя слабость, она не выносит, когда я плачу. Дочь говорит, я веду себя как идиотка.

Видимо, Харуэ больше не с кем было поговорить по душам. Тикако решила выслушать несчастную женщину.

— Дочка клянется, что найдет убийцу и поквитается с ним. Или с ней.

— Она так сказала?

— Да, сказала, что будет мстить и не успокоится, пока не убьет того, кто это сделал.

— Это она вам пообещала?

— Нет, не мне. Я слышала, как она сказала это по телефону своему другу, тому, с которым сейчас встречается. Голос у нее при этом дрожал от злости. Она говорила по мобильному телефону... Ну, знаете, такие телефоны, по которым можно звонить откуда

удодно... Я проходила мимо и случайно услышала ее слова.

— Когда это было?

— Несколько дней назад. Казуми звонила из дому.

— Не напомниме, как зовут ее друга?

Разумеется, Тикако притворилась, что забыла, как зовут этого молодого человека. Она отлично знала и его имя, и как он выглядит, просто хотела поговорить о нем с Харуэ.

— Татсуя Исигуро. Казуми с ним познакомил кто-то из одноклассников. Татсуя — хороший мальчик. Впрочем, пожалуй, уже не мальчик — он старше моей дочери. Кажется, ему около двадцати.

— Казуми мне ничего о нем не рассказывала. Может быть, она делилась своими сердечными секретами с офицером Футигами. У вашей дочери с этим парнем наверняка все серьезно? Они неразлучны и без ума друг от друга? — улыбаясь, поинтересовалась Тикако.

Харуэ нервно рассмеялась, сощуриив глаза с красноватыми и припухшими от слез веками:

— Я его видела буквально пару раз, и то мельком. Он редко бывает у нас. В основном просто заходит за Казуми, когда они вместе куда-нибудь идут.

Тикако понимающе кивнула.

— Дочь обо всем ему рассказывает. Со мной она ни за что не хочет говорить о нашем горе, зато своему парню готова без конца изливать душу. Вот и сегодня утром она болтала с ним по телефону, пока я не сказала ей, что нам пора ехать в участок. Этими бесконечными разговорами дочь постоянно себя накручивает: все время повторяет, что сама найдет убийцу отца и отомстит.

Тикако попыталась успокоить встревоженную женщину:

— Мы со своей стороны сделаем все возможное, чтобы не травмировать девочку и не причинить ей еще большего вреда. Бедняжке нужно постараться взять себя в руки и смириться с происшедшим.

Харуэ между тем продолжала жаловаться:

— Казуми не ждет от меня никакой помощи, и отчасти я могу ее понять. Она знает, что сама гораздо сильнее меня.

В голосе женщины звучала тоска, — по-видимому, несчастной было ужасно грустно и одиноко. Харуэ замолчала. Некоторое время Тикако тоже ничего не говорила, лишь сочувственно смотрела на собеседницу, стараясь своим вниманием хотя бы немного облегчить ее боль.

Тикако понимала, что вряд ли может еще что-нибудь сделать для вдовы, мучительно переживающей потерю мужа, напуганной и беззащитной, и осознание собственной беспомощности выводило ее из себя. Впрочем, как показывал ее немалый опыт работы в полиции, одного желания спасти людей в этой профессии всегда оказывалось недостаточно. Не менее, а, быть может, даже более важным было умение сохранять спокойствие и не терять душевного равновесия даже тогда, когда мысли о собственной бесполезности становятся невыносимы.

Харуэ первой нарушила молчание:

— Простите меня, я не должна была вам всего этого рассказывать.

Тикако встала, собираясь уходить:

— Ничего страшного. Как вы себя чувствуете?

— Я в порядке. Еще раз извините.

— Если вам пока слишком больно смотреть на вещи мужа, вовсе не обязательно делать это сегодня — вы можете заехать в участок в другой день.

— Спасибо вам за понимание, но, думаю, я справлюсь.

Женщина вытерла слезы, коснулась кончика носа платком и еще немного посидела в задумчивости, потом решительно повернулась к столу, на котором лежали вещи покойного Рёсукэ Токороды.

— Не беспокойтесь, я приведу сюда Казуми, как только мы закончим опознание, — пообещала Тикако и вышла в коридор.

По пути она заглянула в отделение дорожного патруля и попросила знакомую сотрудницу через полчаса занести Харуэ чашечку кофе. Позаботившись о госпоже Токорода, Тикако пошла вверх, где ее уже наверняка ожидали.

«Супруги Токорода познакомились на работе, — вспомнила она. — Наверняка в молодости они были очень красивой парой. Застенчивая и милая Харуэ, вероятно, привлекла Рёсукэ своей незащищенностью — ведь, как известно, многим мужчинам нравится чувствовать себя сильными и уверенными рядом со слабым и уязвимым созданием. Видимо, Рёсукэ именно поэтому женился на этой хрупкой красавице. Ему всегда нравились молодые и неопытные девушки, которые целиком зависели от него. Возможно, они нравились ему так сильно, что его постаревшая жена со временем вообще перестала для него что-либо значить. Незадолго до гибели этот ловелас, помнится, собирался продать дом и взамен купить новый. Если бы от постаревшей жены было так же легко избавиться, как от надоевшей недвижимости, интересно, воспользовался ли бы тогда господин Токорода такой возможностью?»

От таких мыслей Тикако стало совсем грустно, но она кое-как преодолела себя, приободрилась и уверенно зашагала к кабинету для допросов.

Надо сказать, что изначально Исидзу не участвовала в расследовании убийства господина Рёсукэ Токороды, поскольку служила в другом подразделении округа Сугинами. До этого она работала в городском департаменте полиции: специалистов из департамента иногда направляли в полицейские участки с разными заданиями и по разным причинам. Для Тикако, например, перевод в участок был наказанием и означал понижение по службе. До работы в окружной полиции Сугинами она около года провела в отделе криминалистики округа Марунучи, занимаясь в основном подготовкой документации. Потом ее перевели в округ Сугинами, официально — в отдел криминалистики, а на самом деле — работать на подхвате у остальных сотрудников. Здесь она тоже большую часть времени составляла различные документы и раскладывала их по папкам, тем самым помогая оперативникам вести текущие дела.

Дело в том, что четыре года назад совместно с сотрудниками отдела поджогов департамента полиции метрополии она участвовала в расследовании, в ходе которого погибли люди. Так сложились обстоятельства, что Тикако слишком много на себя взяла, решив пренебречь некоторыми инструкциями, как ей казалось, ради общей пользы, — в результате начальство обошлось с ней весьма сурово.

Что бы там ни думали ее сослуживцы, она нисколько не раскаивалась в содеянном и не считала, что поступила неправильно. Расследуя преступление, обстоятельства которого были, мягко говоря, экстраординарными, Тикако в конце концов поняла, что на самом деле столкнулась со сверхъестественным явлением, совершенно необъяснимым с точки зрения

здорового смысла. Порученное ей дело о поджогах никак не вписывалось в рамки обычной оперативной работы, так что Исидзу пришлось отступить от инструкций, соблюдение которых предписано всем полицейским. В сложившихся обстоятельствах у нее просто не осталось выбора. В результате, столкнувшись с грубым формализмом и черствостью начальства, Тикако была даже рада своей опале: ее перевели из управления полиции в окружной участок, где она оказалась почти полностью предоставлена самой себе, что ее, в общем, вполне устраивало.

Из-за подмоченной репутации многие коллеги косились на Тикако и относились к ней пренебрежительно. Шансов заслужить их уважение и стать «своей» у нее практически не было. Вот почему она так изумилась, когда через три дня после начала следствия по делу об убийстве ее направили охранять дом семьи Токорода. Гораздо меньше Тикако удивилась, когда спустя еще несколько дней получила приказ принять участие в организации необычного следственного эксперимента, — похоже, она начала привыкать к постоянным сюрпризам.

Начальник объяснил ей, что специфика дела требует наличия в оперативной группе женщины, — он будто оправдывался перед ней, как если бы Исидзу была не его подчиненной, а соседкой, которую он уговаривал помочь на похоронах своего родственника. Между тем Тикако совсем не держала зла на свое руководство и, внимательно выслушав инструкции, приступила к их выполнению. Госпожа Токорода и ее дочь, лишившись главы семьи, были сильно напуганы и нуждались в защите. Тикако с готовностью согласилась присоединиться к бригаде, охранявшей их дом. Ей тут же представили напарницу — офицера Футигами.

Через три дня после смерти господина Токороды следствие выявило связь между этим делом и убийством Наоко Имаи в округе Сибуя. Оперативники заволновались, подозревая, что жертвы могли погибнуть от рук серийного убийцы, который до сих пор находится на свободе. Впрочем, инициатива усилить охрану дома Токороды исходила не от полицейского руководства, а от Казуми, дочери убитого.

Девочка рассказала о том, что уже в течение нескольких месяцев ей постоянно звонит по телефону какой-то мужчина, а по дороге из школы домой она то и дело замечает, что за ней следят. Судя по голосу, звонящему должно быть лет двадцать, не больше. Возможно, ходит за ней тоже он.

— Когда я пожаловалась папе, он очень встревожился и стал провожать меня утром до станции. За нами никто не шел, но потом мне опять позвонил этот маньяк и сказал, что, если я думаю, будто папочка сможет меня защитить, я сильно ошибаюсь.

Эти слова напугали Казуми, однако в течение двух недель после этого ничего особенного не происходило, так что она почти забыла о случившемся. И вдруг им сказали, что папа убит. Казуми не знала, что и думать, и на всякий случай решила поставить полицию в известность.

Она понятия не имела, кто мог ее преследовать.

— У меня есть любимый человек, а те парни, с которыми я встречалась до него, вполне нормальные и не стали бы так себя вести. В общем, мне кажется, я не знаю этого негодяя, хотя, быть может, он живет где-нибудь неподалеку. Скорее всего, он просто не в себе. Неужели он мог напасть на моего отца?

Следователи были уверены, что Рёсукэ Токорода вряд ли погиб лишь потому, что в ответ на жалобу дочери предпринял определенные меры, чтобы защитить ее от слишком

назойливого поклонника. Впрочем, несмотря на очевидную нелепость этой версии, пренебрегать ею полицейские не имели права: в жизни и не такое бывает. К тому же поначалу других ниточек и зацепок в этом деле у них просто не имелось. В общем, было решено обеспечить наблюдение за домом семьи Токорода. К вдове и дочери убитого приставили охрану — именно для этого понадобилась помощь женщин-полицейских.

Впервые увидев Казуми, Тикако поняла, что девочка сильно напугана, — видимо, на тот момент страх полностью заглушил все остальные ее эмоции, в том числе и гнев.

Харуэ Токорода предпочитала общаться с Тикако, поскольку та была старше по возрасту, а ее молодая коллега Футигами довольно быстро нашла общий язык с Казуми. Хотя формально полицейские обеспечивали охрану семьи убитого, прямой угрозы нападения (как это иногда случается при защите свидетелей) пока не было, поэтому обстановка в доме не казалась особенно напряженной. Офицер Футигами всегда приходила в штатском, сопровождала Казуми во время прогулок и походов по магазинам и, если девочка просила ее остаться на ночь, укладывалась спать на футоне в ее комнате, как лучшая подружка, которая засиделась допоздна в гостях.

Когда следствие выявило взаимосвязь между двумя убийствами, Тикако и офицер Футигами все еще охраняли покой семьи Токорода. Неделью спустя было принято решение прекратить непосредственное наблюдение за домом — вместо этого сотрудникам ближайшего полицейского участка предписывалось периодически патрулировать прилегающую территорию.

Разумеется, полицейское начальство согласовало свои действия с родственниками убитого. Госпожа Токорода и ее дочь подтвердили, что больше не нуждаются в охране. По мнению капитана Симодзимы, возглавлявшего следственную бригаду, Тикако и Футигами вполне могли бы на всякий случай еще в течение некоторого времени охранять дом, потому что больше занять их все равно было особенно нечем. Однако Казуми Токорода, которая теперь постоянно казалась сердитой и подавленной, к тому времени уже перестала требовать защиты от загадочного преследователя. Разумеется, во время дежурств Тикако и Футигами злоумышленник ни разу не позвонил, возле дома не было замечено никого подозрительного. Ничего необычного не произошло. Очевидно, усиленная охрана отпугнула негодяя.

Потом внимание следователей переключилось на версию о виновности подозреваемой А., и загадочного преследователя Казуми перестали подозревать в убийстве. Он не мог совершить это преступление — это было бы по крайней мере нелогично: если за некоторое время до нападения на господина Токороду злодей перестал напоминать о себе, так что Казуми, по ее словам, «почти забыла о случившемся», с чего бы ему вдруг убивать ее отца? Улики против подозреваемой А. казались гораздо более убедительными.

Харуэ Токорода не могла убедить дочь не отказываться от охраны, однако перспектива вдруг остаться вдвоем с дочерью и наедине со своим горем настолько пугала ее, что она спросила Тикако, нельзя ли время от времени звонить ей, если понадобится помощь или совет. Само собой, Исидзу не отказала вдове в этой малости: они почти каждый день созванивались и иногда Тикако заезжала в гости поболтать. Поскольку в то время она не участвовала в расследовании, ее общение с госпожой Токорода не противоречило принципам полицейской этики. На самом деле Тикако тоже считала, что наблюдение за домом прекращать не стоило, хотя никто из руководства не разделял ее мнения.

— Я больше не боюсь этого негодяя. Я даже сожалею, что вообще рассказала о нем

полиции, — заявила Казуми.

Девочка действительно уже не выглядела напуганной. На смену страху пришел гнев. Тикако полагала, что возможной причиной смены настроения стала подозреваемая А., которую теперь все считали виновной в убийстве. Мысль о том, что у отца была интрижка с молоденькой девушкой, которая ему в дочери годилась, и что из-за этого его могли убить, наверняка не давала покоя Казуми. Оставалось лишь терпеливо ждать ареста этой самой А.

И вдруг Казуми пришла в полицию с новыми показаниями. Суть их состояла в том, что в течение последних шести месяцев она несколько раз видела отца в обществе незнакомых людей.

— Однажды в воскресенье я заметила его с каким-то человеком на станции, на противоположной стороне платформы. В другой раз папа сидел в машине, припарковавшись возле супермаркета, где мы обычно покупаем продукты, и говорил с кем-то через окно, не открывая дверцу. Еще, помню, два раза нам домой звонили, спрашивали отца, а когда я отвечала, что его нет, на том конце сразу вешали трубку. Кажется, после второго такого звонка я подошла к окну и увидела, что под окнами кто-то стоит. Это был уже другой человек. Тогда я не обратила на все эти события никакого внимания. Я подумала, что на станции папа мог объяснять какому-нибудь приезжему, как проехать туда, куда нужно, возле магазина он запросто мог встретить старого друга или знакомого. Телефонные звонки, конечно, показались мне странными, но, так как ничего особенного вроде не произошло, я решила, что не стоит понапрасну тревожить родителей и рассказывать им об этом.

Приблизительно тогда же полиция принялась внимательно изучать содержимое жесткого диска на ноутбуке Рёсукэ Токороды. В результате выяснилось, что, кроме друзей, знакомых и коллег, убитый довольно активно общался с членами одного интернет-сообщества.

В памяти ноутбука сохранилась полная история странствий господина Токороды по киберпространству. Информационные запросы и переписка с друзьями и коллегами были ничем не примечательны. Никаких сообщений от Наоко Имаи в почте обнаружить не удалось, что, впрочем, не удивило полицейских, ведь, по воспоминаниям ее друзей, девушка совсем не интересовалась компьютерами, предпочитая отправлять короткие эсэмэски.

Следователи ожидали обнаружить в компьютере обширную историю посещений господином Токородой различных сайтов знакомств: он вполне мог разыскивать там молодых девушек для любовных походов. Однако, вопреки их предположениям, убитый, похоже, ничем подобным не занимался. Зато выяснилось кое-что непредвиденное.

У Рёсукэ Токороды в Интернете была «альтернативная» семья: «жена», «дочь» и «сын». Члены виртуальной семьи называли друг друга Папа, Мама, Казуми и Минору. Они постоянно слали друг другу письма и довольно активно общались в чатах. При этом их знакомство не было исключительно виртуальным: они встречались в реальной жизни, по крайней мере один раз, и Токорода писал Казуми, что хотел бы снова с ней увидеться.

Полицейские обратились к жене убитого и сразу выяснили, что под ником «Мама» скрывается не она, а кто-то другой. Ник «Казуми» тоже не принадлежал настоящей Казуми Токорода. Ни жена, ни дочь понятия не имели о том, что Рёсукэ Токорода участвовал в столь сомнительной затее. Харуэ вообще с трудом представляла себе, что такое Интернет, и сперва в принципе не могла понять, о чем ей толкуют следователи.

— Наверное, мы его не устраивали, — хмыкнула Казуми. — Не то чтобы нам было с ним особенно легко. — Потом она, похоже, всерьез расстроилась. — Как он мог *играть* в

семью с совершенно незнакомыми людьми? Как он посмел? Он, наверное, хотел отделаться от нас, мечтал сбежать! Вон оно что! Господи, кто бы мог подумать, что у него на уме!

Реакция Казуми, в общем, оказалась вполне предсказуема. В глубине души Тикако искренне сожалела, что Рёсукэ Токорода мертв. Лучше бы он был жив и знал, как сильно ранил близких людей. Не так уж часто случается, что после смерти человека вдруг раскрывается тайная сторона его натуры, да еще в столь неожиданном свете.

— Вы *должны* обязательно поймать убийц отца! Арестуйте подозреваемую А. или как там ее! Если это сделала она, я хотела бы с ней поговорить.

Тикако попыталась успокоить девочку, объяснив ей, что следователи пока ничего не знают наверняка.

Глаза Казуми гневно сверкнули. Она сжала кулаки и злобно сказала:

— Как только вы найдете убийцу, я должна с ним встретиться, чтобы задать ему один вопрос. Я спрошу: «Зачем ты убил моего отца? Что он тебе сделал?» У меня ведь есть право знать? После гибели папы мы узнали о нем столько ужасного, и это так больно... так мерзко...

Просьба Казуми была вполне резонной. Тикако очень хотелось помочь девочке найти ответы на вопросы, которые так ее беспокоили. Однако для этого сперва требовалось найти убийцу.

Тикако знала, что, по мнению большинства членов оперативной группы, главной подозреваемой в убийстве являлась А., которую требовалось заставить признаться в содеянном. Неужели все следователи единодушно в это верят? И неужели они правы? Ведь вполне могло быть так, что настоящий мотив преступления до сих пор не обнаружен, а убийца по-прежнему на свободе. Наверняка в этом деле мог быть замешан кто-нибудь из персонажей виртуальной жизни господина Токороды. Разве не стоило как следует с этим разобраться?

Почему бы не попытаться найти тех, с кем Казуми видела своего отца? Ведь в конце концов, подозреваемая А. уже никуда не денется и свет на ней клином не сошелся.

Как раз когда Тикако раздумывала над этим, ее опять вызвали к начальству и велели принять участие в следственном эксперименте. Как выяснилось, некоторые следователи из оперативной группы — их было явное меньшинство — разделяли ее сомнения. В своих предположениях и догадках они зашли гораздо дальше, чем она. Тикако слушала коллег и не могла не думать над тем, что будет с Харуэ и Казуми. Она искренне беспокоилась за них и потому сразу согласилась выполнить все возложенные на нее обязанности.

Узнав, что допрос будет проводить ее давний знакомый Эцуро Такегами, Тикако удивилась, однако потом ей объяснили, что случилось с Накамото, и она не могла не восхититься мужеством Такегами, который в очередной раз продемонстрировал готовность взять на себя самую сложную задачу, заменив заболевшего друга в столь ответственный момент. Такегами всегда был таким, сколько она его помнила.

Детектив Акидзу, похоже, заблуждался относительно истории отношений Тикако и Такегами: между ними никогда ничего не было — и платоническое чувство делопроизводителя к опальному детективу было лишь плодом воспаленного воображения этого отъявленного сплетника. Тикако была на три года старше Такегами, и ко времени знакомства они оба уже состояли в браке. Их связывали исключительно профессиональные отношения, хотя работать вместе им, безусловно, нравилось. Потом их пути разошлись, и сейчас Тикако была очень рада видеть Такегами, который почти не изменился и остался

верен своим принципам. Ей хотелось думать, что ему не покажется, будто она слишком сильно изменилась в худшую сторону.

Вдруг Тикако пришла в голову мысль: «В чем разница между *казаться* и *быть*? И какое из этих состояний реальнее? Кем *казался* Рёсукэ Токорода и кем он *был* на самом деле? Где правда и где ложь? Смог бы он понять, отчего его дочка Казуми так сердита на него?»

Казуми действительно была сердита. Она была вне себя от ярости. Ее мать не могла этого не заметить. Увидев их в вестибюле, Тикако сразу почувствовала гнев в голосе и во взгляде девушки. Отчасти причиной этого гнева был переходный возраст Казуми. Стоило ли искать другие причины? Тикако надеялась, что нынче днем ситуация прояснится.

Наконец-то Такегами лично познакомился с Казуми Токорода. До этого он протоколировал ее показания и перед встречей еще раз изучил их самым внимательным образом. Однако прежде они ни разу не встречались. Теперь она стояла перед ним и смотрела ему прямо в глаза.

Такегами знал, что она отличница, и, взглянув на нее, сразу понял, что девушка действительно очень умна и сообразительна. Казуми немного нервничала. Она довольно сухо поздоровалась. Такегами, со своей стороны, тоже был не особо расположен изображать радушие. Посетительница не нуждалась ни в любезности, ни в сочувствии — она хотела поскорее перейти к делу. Так стоило ли тянуть кота за хвост? Такегами рассказал Казуми о том, как будет проходить допрос:

— Я приглашу в этот кабинет троих людей и буду по очереди беседовать с ними.

Девушка кивнула.

— Все трое состояли в переписке с твоим отцом. Я пока не буду называть их имена, говорить, сколько им лет и в чем была суть их отношений с господином Токородой. Подробности постепенно прояснятся по ходу допроса. — Тут голос Такегами немного смягчился. — Думаю, тебе уже говорили об этом, но я хотел бы еще раз подчеркнуть, что в первую очередь ты должна обращать внимание не на то, что они говорят, а на то, как они это делают: на их голос, манеры, жесты. Постарайся сосредоточиться на этом — так ты быстрее сможешь опознать того, кого раньше могла видеть или слышать. Тебе понятна твоя задача?

Казуми опять молча кивнула.

Такегами вдруг стало интересно, как бы она ответила, если бы все-таки решила что-нибудь сказать: «Да», «О'кей» или, может, «Так точно»?

— Ты, кажется, нервничаешь? С тобой все в порядке?

Казуми отвела глаза и сделала движение рукой, словно обмахиваясь веером:

— Тут слишком жарко.

— Сейчас попрошу включить кондиционер, — вызвался помочь Токунага и вышел из кабинета.

Как только за ним закрылась дверь, Казуми, уставившись прямо перед собой, ровным голосом проговорила:

— Давайте вы не будете меня жалеть и рассказывать мне, что те, кого вы собираетесь допрашивать, просто состояли в переписке с моим отцом. Можете называть вещи своими именами: сейчас я увижу «маму», «Минору» и «Казуми», так ведь? — Задав вопрос, она уставилась на Такегами.

— Да, так и есть, — ответил он. — Я просто хотел по возможности избежать предубеждений с твоей стороны. Вот и все.

— Не держите меня за дуру! — огрызнулась она. — Во время допроса я буду находиться там? — Она кивнула на двустороннее зеркало.

— Да, ты будешь наблюдать за происходящим из соседнего кабинета. Не беспокойся, тебя никто не увидит.

Такегами подошел к зеркалу. Казуми последовала за ним, слегка коснулась пальцем блестящей поверхности:

— Я иногда смотрю детективы по телику. Пару раз там показывали такие комнаты —

их ведь обычно используют для опознания подозреваемых? Выстраивают людей в ряд вдоль стены...

— Ну, на самом деле это не всегда происходит именно так. Например, сегодня все будет немного по-другому.

— Они встанут вдоль стены, — нетерпеливо прервала его девушка, — и вы им прикажете по одному делать шаг вперед, поворачиваться боком и все такое, разве не так?

— Мы подумали, что в данном случае это будет не совсем удобно. В первую очередь для тебя.

— Ну не знаю. — Казуми с подозрением посмотрела на него, словно опять намереваясь попросить не считать ее за дуру.

— Кстати, я хотел сказать тебе кое-что еще. Может, об этом тебе тоже уже говорили, тогда я заранее прошу прощения, что повторяюсь. Если даже ты узнаешь кого-либо из этих людей и будешь уверена в том, что видела его или ее раньше, это вовсе не сделает того, кого ты опознаешь, главным подозреваемым в убийстве твоего отца. Так что не волнуйся, и, как только будешь готова, мы начнем.

— Я ни капли не волнуюсь.

Такегами усмехнулся.

Девушка внимательно рассматривала зеркало, чуть ли не касаясь его носом:

— И что, сквозь него реально не видно того, кто находится за ним? С виду похоже на самое обычное зеркало.

— Да, как я и говорил.

— Но ведь те, кто сегодня сюда придет, скорее всего, тоже видели фильмы про полицейских и, как и я, сразу поймут, что к чему, и заподозрят, что я за ними отсюда наблюдаю?

— Они будут лишь знать, что по ту сторону зеркала кто-то есть, но не смогут догадаться, что там именно ты.

Казуми задумчиво помолчала, а потом сказала, обращаясь уже не к Такегами, а к офицеру Футигами, стоявшей у двери:

— Знаете что? Со вчерашнего дня я изо всех сил стараюсь припомнить все подробности того, что я видела.

Быстро обменявшись взглядом с Такегами, женщина ответила:

— Ну и как? Есть результат?

Девушка наморщила лоб и нахмурила свои тонкие крашенные брови:

— Мне кажется, стало только хуже. Чем больше я об этом думаю, тем меньше я уверена в точности своих воспоминаний — они словно ускользают от меня.

— Так иногда бывает, — успокоила ее Футигами. — Думаю, тебе лучше не усердствовать сверх меры. Пусть все идет своим чередом.

— Если ты против, мы можем не проводить опознание, — заметил Такегами.

Казуми поспешила его разубедить:

— Нет-нет, я готова. — Она решительно тряхнула головой, так что ее каштановые волосы шелковой волной рассыпались по плечам. — Я в порядке, честное слово. Я справлюсь.

— Мы ценим твою готовность помочь, но ты не должна перенапрягаться. Как только ты поймешь, что с тебя хватит, ты можешь в любой момент остановить допрос.

— Все будет нормально. Вот только я хотела кое о чем спросить. — Глаза у девушки

заблестели. — Что, если мне захочется задать им какой-нибудь вопрос, ну, или, скажем, мне понадобится, чтобы кто-нибудь из них сделал определенный жест или встал боком? Это как-нибудь можно будет устроить?

Такегами повернул голову и показал еле заметный провод, подведенный к правому уху:

— Смотри, какая штука. Это не слуховой аппарат, а радиотелефон. Он подсоединен к телефону в соседней комнате. Если тебе потребуется что-нибудь мне передать, можешь смело сказать об этом детективу Исидзу или офицеру Футигами, и они свяжутся со мной. Еще в этом кабинете установлен высокочувствительный микрофон, так что за стеной вам будет отлично слышно все, что здесь говорится.

Казуми, кажется, наконец успокоилась и улыбнулась. Она сказала, что хочет сходить в туалет до начала допроса, и офицер Футигами пошла ее проводить.

Когда обе удалились, Токунага снова сел за стол. Он поднял брови и задумался.

— Сколько ей лет, не напомниме? — спросил он коллегу.

— Шестнадцать.

— Выглядит на все двадцать. Макияж классный, что и говорить. Ведет себя достаточно бесцеремонно, как мне показалось.

— А чего ты ожидал? Нынешняя молодежь вся такая: они думают, что без наглости в жизни не преуспеть.

— Преуспеть, говорите? В чем, интересно? В работе? Или в личной жизни? Где наглость особенно помогает? — ехидно поинтересовался Токунага.

— А, ну да, ты ведь все еще бобыль, насколько я знаю?

— Бобыль — слово-то какое! Так уже давно никто не говорит. Теперь это называется холостяк, а еще точнее — свободный мужчина.

— Да вас, свободных мужчин, тут столько развелось, что плюнуть некуда. Когда уже одумаетесь?

— Мы все ждем, пока подрастет ваша Норико. Говорят, она красавица, глаз не отвести.

— Кто говорит?

— Преимущественно тот кретин.

Такегами презрительно фыркнул:

— Акидзу, что ли? Ему тут точно нечего ловить. Все знают, что он меняет женщин как перчатки. Нам бабники ни к чему.

— Почему-то меня ваша реакция не удивляет.

Такегами попытался представить себе лицо дочки. Если бы Норико вела себя так же, как только что Казуми Токорода, что бы это могло значить? Если бы его малыша привели в кабинет для допросов и инструктировали перед опознанием преступников, как бы она реагировала?

— Я ее холил и лелеял, всю душу вложил в ее воспитание, и вот на тебе — она взяла и влюбилась в полицейского, — проворчал Такегами.

Токунага восторженно присвистнул.

— В колледже она встречалась с одним, но потом бросила его ради этого парня.

— Похоже, у вашей дочки доброе сердце. Только настоящий ангел может полюбить госслужащего, живущего на бюджетное пособие.

— Не знаю уж, может, она и впрямь его жалеет. Знаю только, что ее бывший был гораздо симпатичнее, при всем моем уважении к полицейским.

— Внешность в мужчине не главное. В женщине, впрочем, тоже, — философски

заметил Токунага. — Красота до добра не доводит. Вон, Рёсукэ Токорода был очень даже ничего, а постоянно изменял своей благоверной. Нет, я, конечно, не считаю, что все поголовно красавцы и красавицы ветрены, но сочетание двух этих качеств часто приводит к плачевным результатам.

Такегами рассмеялся.

— Благоверной? Так вроде тоже уже никто не говорит, — поддел он коллегу.

После того как выяснилось, что у Рёсукэ Токорода был роман с Наоко Имаи, следователям пришлось заняться выяснением подробностей личной жизни убитого. В результате Харуэ Токорода, и без того шокированная смертью мужа, была вынуждена ответить на ряд довольно неприятных вопросов. То ли детектив, беседовавший с ней, проявил себя как настоящий профессионал, то ли сама Харуэ умела логично и ясно излагать суть дела, — как бы то ни было, отчет об этой встрече оказался составлен настолько продуманно и тщательно, что даже опытный Такегами удивился, когда читал его. К отчету прилагалась стенограмма показаний госпожи Токорода. Листая документы, Такегами пытался вообразить лицо этой несчастной, когда она рассказывала полицейским о своей семейной жизни. Лично он не мог не пожалеть Харуэ: на долю этой слабой женщины выпало немало испытаний, и он не мог представить, как она с ними справляется. Со стороны все происшедшее казалось ему абсолютно непостижимым и иррациональным.

«Да, — призналась госпожа Токорода, — мой муж то и дело ходил налево. За двадцать лет совместной жизни, пожалуй, не было и года, чтобы он не спутался с какой-нибудь дамочкой. Особенно ему нравились молодые красотки. Наверное, все мужчины к ним равнодушны, но в случае с моим супругом это чувство редко оставалось без ответа. Вероятно, жены в таком редко признаются, но о своем муже я могу сказать однозначно: он умел клеить девушек, как никто, был просто чемпионом по этому виду спорта. Сначала его успехи на любовном фронте, разумеется, выводили меня из себя. Однажды, когда Казуми была еще совсем крохой, я решила, что с меня хватит, забрала ее и уехала к родителям. Рёсукэ ужасно расстроился. Он приехал за мной, извинялся, каялся, молил о прощении и обещал, что впредь это не повторится. Я поверила и вернулась к нему, и он вскоре принялся за старое. Так мы и жили.

Если бы у нас почти сразу не родилась Казуми, не знаю, как бы я с этим справилась. Но, знаете... После десяти лет замужества я стала по-другому смотреть на жизнь. „В конце концов, — думала я, — Рёсукэ все равно каждый вечер приезжает домой. Даже если до этого он ухлестывает за другими, какое мне дело?“ Муж никогда не оставлял нас с дочерью без внимания, всегда заботился, дарил подарки. Со стороны могло показаться, что мы самая счастливая семья в мире. Он действительно хорошо к нам относился.

В общем, я пришла к выводу, что его романы и интрижки — это своего рода болезнь. Ни с одной из своих подружек Рёсукэ никогда не говорил по душам — он был их покровителем, помощником, старшим братом, как бы забавно это ни звучало. Думаю, он вел себя так по одной-единственной причине: ему нравилось внимание девушек, и потому он сам не мог обойти их вниманием. Вот и все. Если его очередная пассия просила его о чем-то, он не мог ей отказать. Настоящий рыцарь, ничего не попишешь.

В компании „Орион фудс“ ему неплохо платили, но состоятельной наша семья никогда не была. И в то же время я должна признать, что мой муж никогда не спускал весь свой заработок на подружек. Мы с Казуми ни в чем не нуждались. Мне очень хотелось еще

ребенка, но Рёсукэ сказал, что дети обходятся недешево, и я не стала настаивать. Разумеется, для него прибавление в семействе обернулось бы необходимостью резко сократить личные расходы, а карманные деньги были ему нужны.

В Казуми муж души не чаял. Когда она родилась, он был вне себя от счастья — все повторял, что всегда мечтал о дочке. В недавнем интервью для корпоративного журнала Рёсукэ признался, что с нетерпением ждет того счастливого дня, когда поведет дочь к алтарю.

В общем, сколько бы раз муж мне ни изменил, я точно знаю, что у него и в мыслях не было уходить из семьи. Наверняка он думал, что если я не знаю о его похождениях, то все в порядке. Разумеется, я обо всем догадывалась, но Рёсукэ это не особо тревожило. Думаю, он понятия не имел, что мне известно о его любовницах.

О Наоко Имаи мне сказать нечего. Думаю, мой супруг выбрал ее в качестве очередной пассии. Не знаю, насколько они были близки, но история о том, что поначалу они крутили роман, а потом стали просто друзьями, почти как брат и сестра, очень похожа на правду. Как я уже говорила, моему мужу был свойствен этот тип отношений.

Говорили ли мы о разводе? Никогда! Он ни разу не предлагал мне разойтись. Признаюсь, я подумывала об этом однажды, лет десять назад... Но потом, когда я поняла, что неверность мужа — это своего рода болезнь, я осознала, что не имею права бросать его. Развод не решил бы проблему.

Да, я могла бы устроить ему сцену, закатить истерику и потребовать никогда мне больше не изменить — не причинять невыносимую боль своей неверностью. Скорее всего, этим я бы сильно его озадачила. Рёсукэ, наверное, сказал бы: „Но ведь я же всегда заботился о семье“. И тут я не смогла бы ему возразить.

Наверное, я слабохарактерная и слишком добрая, но, несмотря ни на что, я не могу ненавидеть мужа. Я даже никогда не могла долго на него обижаться. Он был как ребенок, как маленький мальчик, которому я вместо матери или старшей сестры. На самом деле мы неплохо ладили. Мне казалось, что, когда мы с ним состаримся, мы будем принадлежать только друг другу, будем поддерживать друг друга, как и положено супругам.

Что обо всем этом думает Казуми? Она уже не маленькая и многое понимает. Измены отца не укрылись от ее внимания. Впрочем, у нее сейчас переходный возраст, и она в любом случае нашла бы повод для конфликтов с родителями. Девочки-подростки часто жестоки по отношению к отцам. Казуми и Рёсукэ уже два года почти не разговаривали. Муж хотел наладить отношения с дочерью, но у него ничего не получалось. Мне было жаль его, но часто он сам провоцировал ссоры. В глубине души я надеялась, что разоблачительные речи Казуми заставят его задуматься и начать анализировать свои поступки.

Да... В каком-то смысле его роман с Наоко Имаи действительно кажется мне отвратительным. Сама мысль о том, что мой муж мог встречаться с девочкой, которая годилась ему в дочери, невыносима. Однако Рёсукэ наверняка об этом не задумывался.

Казуми сердита не только на своего отца, но и на меня. Она считает, что я слишком слабовольна, что муж меня использует, а я допускаю это и прощаю ему слишком многое. Пару раз дочь даже пыталась наставить меня на путь истинный, говорила о том, что я не должна пренебрегать своим достоинством. „Во что ты превратила свою жизнь?“ — упрекала она меня. Я велела Казуми не лезть не в свое дело и пыталась объяснить, что в ее нежном возрасте ей может быть понятно далеко не все в отношениях между мужем и женой. Я надеялась, что со временем она поймет, что к чему, или хотя бы попытается понять.

Наверняка Казуми считает меня никчемной трусихой. Особенно сейчас, когда Рёсукэ больше нет... Когда мне так тяжело и так одиноко... Думаю, дочери больно видеть меня разбитой и подавленной».

Читая показания Харуэ, Накамото не мог не удивляться. Воистину некоторые женщины словно специально созданы для брака: они способны прощать мужьям любые прегрешения.

— Наверняка таких пар не так уж мало, — заметил он. — А вот дети, которые вырастают в подобных семьях, видимо, смотрят на жизнь несколько иначе.

Такегами ответил, что лично он не стал бы до конца доверять словам человека, который считает себя «слишком добрым».

Накамото расхохотался:

— Знаешь, Гами, может, ты и прав.

Обсуждать семейные проблемы с Казуми Токорода нужно было еще осторожнее. Отчет о беседе с дочерью убитого оказался довольно коротким. Стенограмма показаний начиналась так:

«Мама вам наверняка уже обо всем рассказала. Да, я знала, что мой отец постоянно зависает со всякими малолетками. Мне надо было родиться слепоглухонемой, чтобы ни о чем не догадываться. А про Наоко Имаи мне ничего не известно. Наверное, они стали встречаться относительно недавно.

С тех пор как я пошла в школу, отец начал постоянно ко мне придираться — если не верите, спросите маму, она подтвердит. Мы с ним без конца ругались. В последнее время почти не разговаривали. Стоило мне открыть рот, как он тут же набрасывался на меня. Мне попадало за все подряд: за то, что поздно прихожу домой, за то, что слишком много болтаю по телефону, за то, что я встречаюсь с Татсуей, за то, что не ценю, какой у меня отличный отец. Мой парень говорил мне, что это нормально: дескать, папа просто видит, что я выросла, и ему грустно оттого, что вскоре я покину дом и стану жить своей жизнью. Я обещала ему быть поласковее с отцом, но у меня это редко получалось.

Мне хотелось верить, что, когда я вырасту и стану самостоятельной, мы с папой обязательно научимся ладить. А пока что, вместо того чтобы без конца грызться из-за всякой ерунды, я решила немного отстраниться, перестала общаться с ним, чтобы не давать ему без конца меня доставать. Я изо всех сил старалась его игнорировать. Мне казалось, что так нам обоим будет лучше: ведь он тоже устает на работе, живет в постоянном стрессе, так зачем еще осложнять ему жизнь?»

Харуэ Токорода подтвердила, что между дочерью и отцом в последнее время шла холодная война.

Когда Казуми давала показания, она все еще жила в страхе перед загадочным преследователем, и как раз накануне этой беседы к их дому была приставлена охрана. Детектив, составлявший отчет о допросе, отметил, что свидетельница явно очень волновалась и потому могла рассказать далеко не все, что знала, так что, вероятно, следовало задать ей те же вопросы снова в более спокойной обстановке. Такегами тогда, помнится, подумал, что составитель отчета неплохой психолог. Он до сих пор не изменил своего мнения.

Постепенно неведомый преследователь растворился в воздухе, но тут выяснилось, что у Рёсукэ Токороды была виртуальная семья, с которой он проводил довольно много времени в киберпространстве. Жену и дочь убитого вновь попросили дать показания. По мнению

Харуэ, ее муж завел себе «жену» и «детей» в Интернете, потому что ему не хватало впечатлений и общения. Ведь именно для этого, собственно, ему требовались многочисленные любовницы.

«Я слышала от его коллег по отделу, что девушки и женщины, с которыми он работал, обычно называли его „папа“ или „брат“. Конечно, они не имели в виду ничего плохого. И даже если мужу на самом деле не нравилась их фамильярность, мне они вряд ли об этом рассказали бы. Рёсукэ всегда отлично ладил с коллегами, не только с женщинами, но и с мужчинами тоже. Почти все, с кем он работал, пришли на его похороны. Он заботился о своих подчиненных, старался поддерживать их во всем. Может быть, именно поэтому они называли его папой. Члены семьи, которую он завел в Интернете, наверняка очень молоды, поэтому в общении с ними муж тоже мог позволить называть себя папой».

Харуэ не верила, что виртуальная жена и дети могли заменить ее мужу настоящую семью.

Казуми придерживалась другой точки зрения. Новость об интернет-сообществе вывела ее из себя. Если неверность отца она еще могла простить, то такое гнусное предательство явно выходило за все рамки. Мысль о том, что ее родной папа играл в «семью» с незнакомыми людьми, была для нее невыносимой.

«Не знаю, что и думать. Скажу только, что этот его поступок сводит меня с ума. Может, ему было за что обижаться на нас с мамой, но ведь и он, со своей стороны, вел себя далеко не идеально. Неужели, прежде чем сделать это, он даже на миг не задумался над тем, как мерзко он поступает *по отношению к нам?* Что самое ужасное, его виртуальную дочку зовут так же, как меня. Даже если это всего лишь ник, а не настоящее имя — что с того? Вы должны обязательно найти этих людей. Я хочу понять, за что они убили отца. И мне надо знать, что он им писал».

Немного придя в себя, Казуми дала показания о том, что незадолго до убийства несколько раз видела отца в городе с незнакомыми людьми. Прежде она никогда не вспоминала ни о чем подобном.

Накамото тогда предположил, что ярость затуманила сознание девочки, так что она уже сама перестала понимать, что придумала, а что видела или слышала на самом деле. «Она говорит, что никогда не простит убийцу, но почему-то это звучит так, будто она клянется никогда не прощать собственного отца. Как бы то ни было, довольно странно, что она меняет свои показания каждые пять минут. Мне кажется, не следует принимать ее слова за чистую монету».

Такегами был согласен с другом. Именно их тогдашний разговор натолкнул Накамото на его собственную версию этого преступления, которую сейчас предстояло проверить.

«Мне кажется, Гами, — сказал тогда старый полицейский своему другу, — другие теории никуда не годятся. Подозреваемая А. точно никого не убивала».

Воспоминания Такегами прервал голос Тикако Исидзу в наушнике:

— Мы готовы. Казуми на месте. Можно приступать.

Такегами взглянул на зеркало. Разумеется, за ним полицейский ничего не увидел — перед ним было лишь его собственное отражение. Выражение лица показалось ему достаточно решительным. Пришло время действовать.

Встретившись в зеркале взглядом с Такегами, Токунага кивнул, поднял трубку телефона и сказал:

— Можете привести первого.

От кого: Мама

Кому: Казуми

Тема: Срочно!

Слышала, что случилось с Папой? Надо срочно встретиться.

От кого: Мама

Кому: Минору

Тема: Срочно!

С Папой произошло нечто ужасное. Надо встретиться.

От кого: Казуми

Кому: Мама

Тема: Признавайся

Это *ты* его убила?

В комнату вошел худощавый юноша. Белая поношенная футболка болталась на его сутулых плечах, старые потертые джинсы тоже казались великоваты. А вот кроссовки на нем были совсем новые, с яркими голубыми и желтыми полосками, и их резиновые подошвы поскрипывали при ходьбе.

Такегами встал, поздоровался с вошедшим и указал ему на стул напротив. Юноша между тем не сводил глаз с охранника, который привел его в кабинет, и даже, когда тот вышел, Такегами пришлось обратиться к допрашиваемому, чтобы привлечь его внимание:

— Присаживайтесь, пожалуйста.

Такегами вдруг понял, что очень волнуется, и немного расстроился из-за этого.

Молодой человек не двинулся с места, только смерил полицейского внимательным взглядом. Потом, покосившись на Токунагу, сидящего в углу, он стал внимательно осматривать комнату: стол, окно, стены, зеркало, оглянулся на дверь.

Если бы можно было соединить линиями все точки, на которых остановился взгляд юноши, получилась бы довольно сложная фигура — этакое созвездие, по которому полицейский с богатым опытом проведения допросов, вероятно, смог бы предсказать будущее. Такегами уже сто лет не смотрел на звезды и потому понятия не имел, как называется это созвездие. Ему было не до небесных светил, что и говорить.

— Может, все-таки присядете? — предложил полицейский, стараясь казаться дружелюбным и уверенным в себе.

Он хотел немного разрядить атмосферу, но, произнеся эти слова, тут же испугался, что они могут возыметь обратное действие. Нужно было срочно взять себя в руки.

Между тем молодой человек наконец-то соизволил заговорить.

— Это ведь кабинет для допросов? — спросил он неожиданно пронзительным голосом.

Такегами улыбнулся:

— Да, но, надеюсь, вам уже объяснили, что лично вас ни в чем не подозревают. Мы лишь хотим задать вам несколько вопросов, и, поскольку дело довольно деликатное, вас вызвали сюда, чтобы мы могли поговорить в конфиденциальной обстановке.

— В какой обстановке? — Парень, похоже, не понял слишком заумное для него слово.

— Ну, чтобы нас никто не слышал.

— А, дошло.

Юноша сел напротив, выпрямился и скрестил руки на груди.

Такегами и Токунага представились, услышав в ответ ироничное: «Весьма рад знакомству».

Парень был крайне напряжен и сосредоточен, он явно нервничал. «Его можно понять», — подумал Такегами.

— Начнем с вашего имени и адреса, — сказал полицейский, открыв папку с документами по делу, где все страницы были заполнены мелким аккуратным почерком Накамото. — Вас зовут Минору Китадзэ, верно? Вы проживаете в районе Хачиоджи...

Юноша кивнул. В каждом его жесте чувствовалась какая-то неестественность, его руки слегка подрагивали. Такегами в очередной раз про себя отметил, что парню не по себе.

— Год рождения — тысяча девятьсот восемьдесят третий. Значит, вам восемнадцать?

— Нет, семнадцать, у меня день рождения в ноябре.

— Ясно. Здесь указано, что вы безработный. Где-нибудь учитесь?

— Я бросил учебу в прошлом году.

— Вот как? Вы живете с родителями?

— Как сказать. Я снимаю квартиру неподалеку от них. Точнее, они ее мне снимают.

— В смысле, они оплачивают аренду?

— Ага.

— У вас есть какая-нибудь временная работа?

— Да, иногда что-нибудь подворачивается. Одно время я работал в ларьке и даже наполовину оплатил покупку компьютера — недостающую сумму добавил отец. — Минору выпалил все это на одном дыхании, потом испытующе взглянул на Такегами и спросил: — Господин офицер, вы, кажется, кое о чем забыли.

— О чем же? — удивился Такегами.

В зеркале он увидел, как у сидевшего за его спиной Токунаги изумленно поднялись брови.

— Разве вы не должны были сперва рассказать мне о моих правах? — ухмыльнулся Минору. — Ну, что я имею право хранить молчание? И что все, что я скажу, может быть использовано против меня в суде? И так далее, и тому подобное — по телику полицейские всегда так говорят.

Такегами от души расхохотался:

— Мы вызвали вас не в качестве подозреваемого, поэтому нет необходимости разьяснять вам ваши права. Вас ведь никто не арестовывал?

— Пока вроде нет.

— Впрочем, несмотря на это, вам все равно лучше говорить правду, иначе вы только все осложните. Если вы солжете, мы в конце концов наверняка об этом узнаем, так что вранье не в ваших интересах. Постарайтесь отвечать на мои вопросы как можно честнее и подробнее, договорились?

— Наверняка узнаете? — ехидно переспросил Минору, откидываясь на спинку стула и глядя в потолок. — Но ведь есть шанс, что и не сможете узнать?

— Да, шанс есть, но я бы вам не советовал давать ложные показания.

— Если правды никто не узнает, то какая разница?

— Разве вас не учили, что врать нехорошо?

Минору наконец немного расслабился, облокотился на стол и с любопытством поглядел на Такегами:

— Ну и шуточки у вас, господин офицер.

— Да, остроумие мне не чуждо, — парировал полицейский.

В профиль Казуми Токорода была не менее очаровательна. Сидя слева от нее, Тикако любовалась изящным контуром лба и подбородка и красивой шеей.

Как только дверь кабинета для допросов открылась, Казуми прильнула к стеклу, едва не касаясь его лбом, и, не моргая, пристально наблюдала за происходящим. Только когда Такегами с улыбкой обратился к допрашиваемому, а тот сел напротив него, скрестив руки на груди, и впервые заговорил с ним, девочка немного успокоилась и откинулась на спинку стула.

Потом она вдруг схватила сумочку и некоторое время что-то искала в ней, пока не достала мобильный телефон.

Тикако удивленно посмотрела на Казуми, и та, чувствуя на себе ее взгляд, спросила:

— Здесь ведь можно пользоваться телефоном? Мне только что пришло сообщение, я хочу на него ответить.

— Конечно ответь. Тут главное — не шуметь. Но разве это не отвлечет тебя от допроса?

— Я буду гораздо больше отвлекаться, если не отвечу, — буду все время переживать и беспокоиться из-за этого.

Похоже, девочке и впрямь не терпелось отправить свое сообщение.

— Ну тогда отвечай скорей.

Казуми принялась проворно набирать текст большим пальцем правой руки. Девушка явно знала расположение кнопок наизусть: при наборе сообщения она не сводила глаз со сцены допроса, а сама быстро печатала вслепую. Тикако приходилось пару раз видеть, как люди в метро или в кафе набивают сообщения, параллельно занимаясь какими-нибудь другими делами, но так близко она наблюдала это впервые и была весьма впечатлена.

Казуми посмотрела на телефон лишь однажды: прежде чем нажать на кнопку «Отправить», после того как закончила писать сообщение.

— Кому это ты так строчишь? — поинтересовалась Тикако, стараясь говорить как можно равнодушнее.

Однако от ее невинного вопроса Казуми почему-то сразу нахмурилась:

— Так, одному другу. — Тон у нее был не слишком вежливый.

— Мне кажется, я знаю, почему вы меня сюда вызвали, — сказал Минору и слегка повел худыми плечами. — Наверняка это связано с убийством господина Токороды. Но вы ведь вроде уже нашли преступника? Я видел репортаж в новостях.

— В новостях ведь ничего не говорилось про арест подозреваемой и предъявление обвинений? На самом деле расследование продолжается.

— Правда? Ничего себе! — как-то по-детски удивился Минору. — Я общался с Токородой только в Интернете, так что о его личной жизни мне мало что известно. Точнее говоря, я вообще почти ничего о нем не знаю.

— Так уж и ничего? — спокойно переспросил Такегами. — И это притом, что ты называл его не иначе как Папа?

Глаза у Минору слегка округлились. Потом, словно для того, чтобы справиться с удивлением, он несколько раз подряд быстро моргнул:

— Это был всего лишь ник. Токорода всегда им пользовался в Интернете.

— А ты, Минору, всегда писал под настоящим именем?

— Да, мне псевдонимы ни к чему.

— Не многие так делают, насколько я знаю.

— Возможно, но лично я не люблю притворяться.

За спиной у Такегами Токунага опять удивленно поднял брови. На этот раз это не прошло незамеченным для Минору. Парень скосился на стенографиста, смерил его презрительным взглядом и процедил сквозь зубы:

— Эй ты, умник, кончай кривляться. — И тут же как ни в чем не бывало повернулся к Такегами. — Так вот, господин офицер, как я уже сказал, убитый не особо со мной откровенничал. Мы познакомились в Интернете и некоторое время притворялись, что он мой отец, а я его сын. Это была как бы такая игра. А про его настоящую жизнь мне совсем ничего не известно.

— Нас интересует любая информация о покойном: настоящая, вымышленная — какая угодно.

— Серьезно? Ну вы даете! — Минору презрительно поджал губы. Похоже, он окончательно расслабился и уже не чувствовал себя не в своей тарелке.

— Вот ведь хам! — услышала Тикако шепот Казуми.

— Что ты сказала?

Казуми махнула рукой в сторону зеркала и возмутилась:

— Как он может так себя вести? Почему ему это позволяют? В конце концов, он же на допросе и не имеет права хамить и кривляться!

Тикако улыбнулась и попыталась успокоить девочку:

— На самом деле мальчик очень волнуется и, чтобы это скрыть, ведет себя вызывающе.

— А зачем полицейский с ним миндальничает? Мог бы и поостроже обращаться с этим придурком — наорал бы на него, стукнул бы кулаком по столу, в конце концов.

— Если бы с Минору изначально обошлись сурово, нормального разговора в дальнейшем ни за что не получилось бы, — объяснила Тикако, глядя в документы, разложенные перед ней на столе. — Ну а ты, Казуми, узнала этого человека? Ты раньше встречала Минору Китадзэ? Он похож на того, с кем ты видела отца на станции или на той парковке?

Казуми оборвала ее на полуслове:

— Пока не могу сказать. Погодите немного — я ведь еще не видела остальных.

— Да, ты права. Спешить некуда.

Казуми посмотрела Тикако прямо в глаза и спросила:

— Вы уверены, что именно этот парень был другом моего отца по интернет-сообществу?

Тикако взглянула за стекло. Такегами задумчиво тер нос. Минору ухмылялся.

— Да, без сомнения.

— Там ведь были еще двое, верно? Их всего было четверо вместе с отцом?

— Да, но мне кажется, в Интернете, кроме них, твой отец общался еще с очень многими.

Казуми отвела взгляд и задумчиво подперла рукой щеку:

— Однако больше никого не считают замешанным в этом деле? Только членов виртуальной семейки?

— Похоже на то.

— Тогда мне тоже плевать на остальных. — Казуми нахмурилась. — Я хочу увидеть тех, кого отец называл своей семьей, пусть и понарошку. Особенно мне не терпится посмотреть на «Казуми». Думаю, на моем месте вам бы тоже этого хотелось, ведь правда же? — Поскольку от Тикако ответа не последовало, Казуми повернулась к офицеру Футигами, которая сидела у двери. — Ну вы-то меня понимаете? Если бы ваш отец общался с какими-то чужими людьми, называя их при этом членами своей семьи, вам бы это понравилось? А если бы вдобавок выяснилось, что его виртуальную дочку зовут так же, как вас? Неужели вам было бы все равно? Разве вам не захотелось бы на нее взглянуть?

Футигами улыбнулась и некоторое время задумчиво молчала.

— Пожалуй, ты права. Мне кажется, я понимаю, почему ты так злишься.

Казуми огрызнулась:

— Я ни капельки не злюсь!

— Вот как?

— А с чего бы мне?

Казуми вновь схватилась за телефон и принялась набирать сообщение. Тикако и Футигами обменялись многозначительными взглядами и попытались привлечь внимание девочки к тому, что в это время происходило в соседнем кабинете:

— Казуми, помни, тебя пригласили сюда на опознание. Постарайся не забывать, зачем ты здесь. Следи за допросом как можно внимательнее, хорошо?

Такегами осторожно взял в руки очки:

— Расскажите, пожалуйста, как вы познакомились с господином Токородой.

Минору кинул на следователя испуганный взгляд:

— Я понятия не имел, что его так зовут. Честно, сперва я вообще не знал, кто он на самом деле.

— Неужели он с самого начала называл себя Папой?

— Да, если хотите знать, почему так вышло, вам лучше спросить об этом Казуми. Она заварила эту кашу.

— Казуми? Вы имеете в виду человека, который скрывается под этим именем в вашем интернет-сообществе?

— Ну да, кого же еще?

— У господина Токороды есть дочь, которую зовут точно так же. Ее имя состоит из иероглифов «одна» и «красота» и тоже звучит как Казуми.

— С ума сойти! — изумился Минору и откинулся на спинку стула.

— Вы об этом не знали?

— Ни сном ни духом. Как я уже говорил, мы лишний раз не совали нос в дела друг друга.

— Судя по вашим письмам, которые мы обнаружили в электронной почте господина Токороды, я бы не сказал, что ваше общение было уж очень формальным.

Минору бешено рванулся вперед, громко скрежетнув ножкой стула по полу.

— Вы что, хотите сказать, что старик сохранил нашу переписку? Ему реально не хватило ума удалить мои сообщения?

Такегами строго посмотрел на юношу поверх очков и кивнул:

— Все ваши письма в целостности и сохранности, будьте уверены. И их там, надо сказать, довольно много.

— Сколько? Каким временем они датированы? — Не получив ответа на этот вопрос, парень сердито забормотал: — Наверняка этот придурок просто не умел удалять сообщения. — Взглянув на Такегами, он пояснил: — Я всегда был уверен, что общаюсь с «чайником», хотя старик изо всех сил делал вид, что он с компьютером на «ты».

— На работе господин Токорода регулярно пользовался ноутбуком.

— Ну вы тоже скажете! Рабочий и домашний компьютер — две большие разницы. В любой приличной компании есть сисадмин, который устанавливает всякие программы, устраняет поломки и следит за Сетью. На собственном компьютере все приходится делать самому. — Минору вытянул шею, видимо пытаясь заглянуть в документы, лежащие перед Такегами. — Неужели в его ящике остались все мои письма?

— Похоже на то. Но у меня при себе их нет, так что зря ты пытаешься прочесть, что

написано в этих бумагах.

Минору ни капли не смутился и принялся возмущаться:

— Да как вы можете! И вообще, у меня просто в голове не укладывается!

— О чем это вы?

— Электронная почта содержит сугубо личную информацию. Как подумаю, что полиция шерстила мою переписку с Токородой, просто дурно делается.

— Извините, конечно, но такова наша работа.

Минору стал нервно теревать рукав футболки, так что она немного съехала набок и в вырезе показалась тонкая ключица.

— Казуми тоже вызвали на допрос?

Такегами не ответил.

— Наверняка вызвали. Не могли не вызвать — это ведь из-за нее все началось. Вот у нее и спрашивайте, как и зачем она это затеяла!

— Так вы говорите, она первой познакомилась с господином Токородой в Интернете?

— Да, и можете не делать вид, будто вы ничего об этом не знаете. Наверняка вам известно даже больше, чем мне. Они познакомились около полугода назад или около того.

Такегами задумчиво потер висок. Возникла короткая пауза. Потом полицейский сказал:

— Судя по переписке, вы, пожалуй, действительно общались с Папой менее активно, чем остальные члены вашей «семьи». Но это вовсе не означает, что нам неинтересно, каким образом вы оказались в этом интернет-сообществе. Нам надо знать, как вы туда попали, — расскажите, пожалуйста.

Минору перестал терзать футболку, провел рукой по волосам и переспросил:

— Как я туда попал?

Некоторое время он молчал, словно собираясь с мыслями. Такегами терпеливо ждал. Токунага, кашлянув, нарушил тишину. Минору вздрогнул, моргнул, словно в лицо ему плеснули воды, и спросил:

— А зачем вам это, господин офицер?

— Что именно?

— Ну, моя история о том, как я познакомился с Токородой и остальными. Какое отношение это имеет к убийству? Вы ведь уже нашли преступника. Мы с Казуми вообще непричастны к этому делу. — В его голосе слышалось возмущение, даже раздражение.

— Как насчет Мама? — поинтересовался Токунага. — Она тоже непричастна? Почему вы ее не упомянули?

Минору насупился:

— А его забыли спросить? Я думал, он тут, чтобы вести протокол. Господин офицер, скажите своему стенографисту, чтобы не вступал. Пусть сидит тихо и молчит в тряпочку, а то от его внезапных возгласов меня скоро удар хватит.

— Прошу прощения, — смущенно проговорил Токунага.

— Я, кажется, просил не вмешиваться! — рявкнул Минору и вскочил. — И вообще, знаете что? Вы меня все-таки вывели из себя! Зря я вообще согласился сюда прийти. Тот полицейский, которого вы за мной послали, был такой душка, просто сама вежливость. Но теперь я понимаю, что меня просто развели. Как вы вообще узнали, что я и есть тот самый Минору?

Такегами смерил его усталым взглядом, но отвечать не спешил.

— Вы нашли меня по адресу электронной почты? Но ведь интернет-провайдеры не

разглашают личные данные своих абонентов без серьезных на то оснований? Вряд ли они по первой же просьбе предоставляют полиции любую информацию на блюдечке с голубой каемочкой. Для этого наверняка нужен ордер и все такое...

— Тут вы абсолютно правы.

Минору уже и сам был не рад, что об этом заговорил, потому что умозаклучение, к которому он пришел, ему явно не понравилось.

— Что? Вы хотите сказать, суд выдал вам ордер? С какой стати? — Он затопал ногами и закричал: — Черт возьми, я ведь правда не убивал Токороду! У вас нет никаких улик против меня!

Казуми Токорода пристально следила за происходящим, положив одну руку на зеркало. Все ее тело напряглось, а на тыльной стороне ладони пульсировала жилка. Тикако старалась держать ситуацию под контролем:

— Казуми, не дави на стекло так сильно.

Девочка словно очнулась ото сна:

— Что? — Она непонимающе оглянулась.

— Лучше убери руку со стекла, иначе ты его выдавишь.

Казуми пришла в себя, выпрямилась и положила руки на колени. Посреди стекла остался едва заметный отпечаток ее ладони — как раз там, где сейчас был виден Минору.

— Ты что-нибудь вспомнила? Этот юноша тебе не знаком?

Казуми медлила с ответом, — казалось, она думала не над вопросом, а вообще о чем-то другом. Она несколько раз нервно моргнула и наконец сказала:

— Я не знаю. Что-то в нем есть такое... Он немного похож на того парня, который тогда околачивался у нас под окнами.

— Ты говорила, что трижды видела отца с незнакомыми людьми, так? Давай еще раз вспомним обстоятельства этих встреч. Один раз это случилось возле дома, другой — на платформе станции, третий — на парковке возле супермаркета, верно?

— Что? А, да, все верно.

— У супермаркета твой отец сидел в машине на водительском сиденье и разговаривал с кем-то через окно. Или я что-то путаю?

Тикако посмотрела в протоколы допросов, лежавшие перед ней на столе. Казуми придвинула стул немного ближе, стараясь заглянуть в записи.

— Ну, да, все верно. Твой отец сидел на водительском сиденье, а ты видела его собеседника или собеседницу сзади, так что даже не могла сказать, кто это был — мужчина или женщина. Насчет возраста ты тоже не была уверена, хотя вроде бы этот человек показался тебе относительно молодым.

— Мне кажется, на нем были джинсы, — пробормотала Казуми. — Потом вдруг словно опомнилась и испуганно спросила: — Я ведь этого раньше не говорила? У вас не записано?

— Нет, из одежды ты тогда упоминала только темное пальто.

— Можно взглянуть?

Казуми протянула руку к документу, но Тикако поспешно захлопнула папку и переложила ее на край стола:

— Извини, это конфиденциальные документы, имеющие отношение к расследованию уголовного преступления, поэтому я не могу их тебе показать. Кроме того, Казуми, никто не собирается тебя упрекать, если ты что-нибудь не так вспомнить или не то скажешь. Нам

всем свойственно ошибаться.

Казуми вытянула шею, заглядывая в кабинет для допросов, и очень серьезно сказала:

— Но в таком деле, как это, моя ошибка может иметь ужасные последствия.

— Вовсе нет! Никто не собирается никого арестовывать лишь на основе твоих показаний. Мы не станем взваливать на тебя такую ответственность, так что, поверь, тебе не о чем беспокоиться.

Между тем в кабинете для допросов Токунага разливал чай. Видимо, после истерики, которую устроил Минору, Такегами решил сделать небольшой перерыв. Он уговаривал допрашиваемого выпить зеленого чая и подавал ему пример, отхлебывая горячий напиток из чашки. Задумчивый взгляд Токунаги остановился на зеркале, но никаких секретных посланий тем, кто находился в соседней комнате, офицер вроде бы передавать не собирался — он немного посмотрел на собственное отражение, потом повернулся и стал глядеть в окно.

— Я... я не знаю, — бормотала Казуми. — Мне вдруг... Мне показалось, что я ничего не могу вспомнить.

— Так всегда бывает со свидетелями. Оpozнание не такое уж легкое дело.

— Вообще все эти случаи, когда я видела отца с незнакомыми людьми... Я уже не могу понять, были они на самом деле или нет... Может, мне это все показалось... Когда меня допрашивали сразу после убийства, я не могла вспомнить ничего необычного. Но меня столько раз вызывали на допросы и столько раз просили подумать, не замечала ли я чего-нибудь особенного в поведении отца, что в конце концов я уже и сама поверила, что замечала. Может, я все это просто придумала и, если бы мне не задавали постоянно одни и те же вопросы, я бы ничего такого никогда не вспомнила и не рассказала.

Тикако погладила расстроенную девочку по плечу:

— Знаешь, некоторые члены оперативной бригады именно так и думают.

— Правда?

— Да, они считают, что ты слишком разволновалась из-за того своего преследователя, а потом стала рассказывать о том, как видела отца с незнакомыми людьми, только потому, что полицейские слишком настойчиво допрашивали тебя и маму, и ты решила, что должна им хоть чем-нибудь помочь.

Плечи Казуми дрогнули.

— Вы серьезно?

— Да, вполне. Именно поэтому кое-кто из следователей был против того, чтобы проводить опознание с твоим участием. Многие полагают, что все это уж слишком.

— Это действительно так? — Казуми повернулась к офицеру Футигами.

Та кивнула.

— Если бы ты не согласилась принять участие в процедуре опознания, мы не стали бы проводить этот допрос. Ты в любой момент можешь остановить то, что происходит, — для этого тебе достаточно сказать лишь слово. Ну, так что? Заканчиваем на этом или продолжаем опознание?

Впервые за этот день во взгляде Казуми мелькнуло сомнение. Некоторое время она обдумывала ответ.

— Хочешь закончить опознание и пойти домой? Вне зависимости от твоего решения мы будем продолжать расследование — об этом можешь не беспокоиться. Решай!

Тикако положила руку на спинку стула Казуми. Офицер Футигами встала и направилась

к двери. Девочка мотнула головой, словно стараясь прогнать навязчивые тревожные мысли:

— Нет, я хочу побыть здесь еще немного.

— Ты уверена?

— Да, я в порядке. Должна же я, в конце концов, отвечать за свои слова.

— Не слишком терзайся по этому поводу.

— Я же сказала, что я в полном порядке! — раздраженно огрызнулась Казуми. —

Сколько можно повторять!

Тикако улыбнулась:

— Ясно. Тогда, пожалуй, продолжим. Похоже, у них там как раз завершилось чаепитие.

Такегами протирал очки носовым платком. Минору Китадзё вроде бы немного успокоился и снова сел на свое место.

— Детектив Исидзу, скажите, а Казуми тоже будут допрашивать? — спросила девочка. — Она ведь здесь? Когда ее приведут?

— Когда и если сержант Такегами сочтет это нужным.

— Скорей бы уже... — Казуми повернулась к зеркалу и сказала грозным голосом: — Мне надо посмотреть на нее! Передайте ему, пожалуйста, что я хочу ее видеть!

От кого: Минору

Кому: Казуми

Тема: Пора завязывать

хватит строить из себя маленькую невинную девочку. пора с этим завязывать. сколько можно?

От кого: Мама

Кому: Папа

Тема: Спасибо

Спасибо тебе за письмо, которое ты прислал сегодня утром! У меня от него на душе целый день было светло и радостно.

Знаешь, я иногда сама не понимаю, как появилась наша семья. Не понимаю и не хочу понимать, я и так слишком счастлива.

Конечно, я слышала о том, что многие заводят в Сети друзей, но мне никогда и в голову не приходило, что там можно найти *семью*. Кстати, мне сегодня пришло письмо от Казуми — я зашла в чат, и мы с ней немного поболтали. Кажется, они с Минору опять поссорились. Разумеется, родители обязаны мирить детей, поэтому я попыталась утешить дочку как смогла, но, мне кажется, ты тоже должен найти время поговорить с ними обоими об их взаимоотношениях. Надеюсь, твой рабочий день был удачным и ты не слишком устал. Увидимся завтра.

До встречи!

Вновь водрузив очки на нос, Такегами продолжил задавать вопросы:

— Насколько я знаю, вы вчетвером общались не только в Сети, но и вживую, верно?

Кажется, на интернет-жаргоне это называется «офлайн-тусовка» или «встреча в формате 3D», как-то так?

Минору Китадзё ответил не сразу. Немного выпустив пар, покричав и поскандалив, он теперь успокоился и вновь пристально наблюдал за Такегами, стараясь контролировать собственные слова и эмоции. Не отрывая взгляда от стола, он задал встречный вопрос:

— Вы что, господин офицер, тоже круглосуточно торчите в Сети?

— Нет, только иногда читаю электронную почту, а вообще я в этих делах не очень смыслю.

— Странно, только что сыпали гиковскими словечками — неужто всю ночь зубрили, готовясь к нашей встрече?

— Я что-то не то сказал?

— Нет, все верно вы сказали. Мы действительно один раз встречались в режиме офлайн — собирались вчетвером на семейный совет.

— Когда это было?

— В начале апреля. Числа третьего или четвертого. Кажется, в первую субботу месяца.

— В субботу было третье апреля. А через три недели господина Токороды не стало. Какое совпадение! Вы, видимо, тоже удивились, когда узнали об убийстве?

Минору насупился и, кажется, про себя выругался:

— Еще как удивился! А вы как думаете? Может, вы и не в курсе, господин офицер, но лично я в этом убийстве не замешан. Когда я услышал новости, я чуть с ума не сошел. — Выпалив все это на одном дыхании, юноша обиженно уставился на Такегами, пытаясь понять, что значит выражение его лица. — Только не говорите мне, что вы и об этом узнали из электронной почты Токороды.

Такегами принялся искать что-то в папке с документами:

— Поскольку вы уже однажды встречались и вообще достаточно хорошо знакомы, думаю, вы не станете возражать, если я сейчас приглашу сюда Казуми?

— Сюда? Прямо сейчас?

— Вы против?

— Нет, но...

— Вы ведь сами мне только что говорили, что, если я хочу узнать о том, как возникла ваша виртуальная «семья», мне лучше расспросить ее. Мне кажется, с вами ей будет не так страшно.

— Откуда такая забота?

— Ну, вы ведь оба несовершеннолетние, — ответил Такегами, не слишком искренне улыбаясь. — Так что с вами нужно обращаться помягче.

Токунага поднял трубку телефона и отдал распоряжение. Почти тут же раздался стук в дверь и в кабинет вошел полицейский. Он принес раскладной стул и поставил его рядом с Минору. Парень немного подвинулся в сторону.

— Прошу вас, заходите и присаживайтесь.

В комнату медленно вошла девушка. Высокие каблочки ее черных лакированных

босоножек звонко застучали по полу.

Такегами замер от удивления: девушка невероятно походила на Казуми Токорода.

Хотя при более подробном рассмотрении становилось ясно, что, вообще-то, они достаточно сильно отличаются как фигурой, так и чертами лица, между ними несомненно было что-то общее. Обе носили обтягивающую одежду, подчеркивавшую стройную фигурку. Обе, с точки зрения Такегами, слегка злоупотребляли косметикой, хотя и, безусловно, неплохо умели ей пользоваться. Они были почти ровесницы — виртуальная «Казуми» оказалась всего на год старше настоящей. Они носили похожие прически, красили волосы в каштановый цвет. Даже украшения у них казались одинаковыми: подвеска на груди у вошедшей девушки была почти такая же, как у дочки Токороды, — видимо, последний писк моды и предел мечтаний всех нынешних старшеклассниц.

В кабинете сильно запахло духами.

— Садитесь, пожалуйста, — предложил Такегами и тут же поспешно отвернулся и чихнул.

Минору прыснул в кулак:

— Не стоило обливаться парфюмом с головы до ног, детка. Теперь тут не продохнуть.

Девушка не отреагировала на его шутку. Она по-прежнему неподвижно стояла у двери, вцепившись обеими руками в черную сумочку и словно заслоняясь ею от всех, кто был в кабинете.

— Рицуко Кавара, если не ошибаюсь? — ласково обратился к ней Такегами. — Большое спасибо, что согласились прийти. Присаживайтесь. Не беспокойтесь, вам нечего бояться.

Что-то в его словах и интонации показалось Токунаге забавным, и он еле слышно хихикнул.

Рицуко Кавара осмотрелась и, кажется, немного успокоилась.

— Здравствуйте, — сказала она еле слышно.

Почему-то ее приветствие прозвучало неуместно. Постояв и помолчав еще немного, девушка наконец нашла в себе решимость сесть.

Такегами представился и еще раз объяснил, зачем пригласил сюда ее и Минору.

Рицуко поставила сумочку на колени и принялась нервно ее теревать, потом вдруг прервала Такегами на полуслове:

— Знаете, мне очень жаль господина Токороду. Но я должна сразу вам сказать, что не причастна к его убийству. — Ее тихий голос контрастировал с яркой, почти вызывающей внешностью. — И мне вообще кажется странным, что нас вызвали на допрос. Мы ведь ничего плохого не сделали!

Пока она говорила, ее руки ни секунды не лежали спокойно — она словно сопровождала собственные слова одной ей понятным сурдопереводом, ловила их, как первые снежинки, теребила и мяла длинными нервными пальцами.

— Мне очень жаль, что из-за визита в участок вам пришлось отпроситься с уроков, — извинился Такегами. — Дело в том, что нам понадобилось как можно скорее собрать вас вместе и выслушать ваши показания, а кое-кому из вас в эти выходные нужно уехать.

— Кое-кому? — хором переспросили Рицуко и Минору.

Дальнейшая их реакция была несколько различной.

— Вы имеете в виду Маму?

— Неужто эта сучка тоже приперлась?

— Сучка? — удивился Такегами.

Рицуко с укором посмотрела на Минору, а тот в ответ скорчил рожу:

— Хватит строить из себя невинную дурочку. Ты отлично знаешь, что я терпеть не могу эту стерву!

Рицуко промолчала.

— Ты ведь тоже думаешь, что это сделала она? — не унимался парень. — Эта сволочь и не на такое способна. Ты ведь писала ей, что подозреваешь ее. Она мне потом жаловалась, я помню. Ох, и развлекся же я тогда, притворяясь, будто ее утешаю.

— Перестань пороть чушь! — резко одернула его Рицуко.

Ее веки, покрытые ярко-голубыми тенями, дрогнули.

Минору ухмыльнулся:

— А ты, однако, очень смелая, малышка, — возьми да и спроси ее в лоб: мол, не ты ли, Мама, случайно, *прихлопнула* Папу?

(«Это *ты* убила его?»)

Рицуко не сдержалась и крикнула:

— Нет! Все было не так!

Казуми Токорода придвинулась к стеклу так резко, что едва не опрокинула стул, на котором сидела. Тикако вовремя подхватила спинку стула и поставила его на место.

— Ой, простите, — смутилась Казуми, — нам ведь нельзя шуметь.

— Ничего страшного. Тут можно делать что угодно, в соседнем кабинете все равно ничего не будет слышно.

— А, ну тогда ладно.

Казуми поправила выбившуюся прядь, потом склонила голову набок, оценивающе глядя на девушку, вошедшую в кабинет для допросов:

— Так вот она какая, Казуми.

— Ага.

— На самом деле ее зовут по-другому. Зачем она назвалась моим именем?

— Думаю, ее об этом обязательно спросят.

В кабинете для допросов Такегами изо всех сил старался успокоить Рицуко, которая махала руками, кричала и требовала, чтобы ее немедленно отпустили домой. Минору скучающе развалился на стуле, вытянув ноги и глядя немигающим взглядом в зеркало. На какое-то мгновение Тикако показалось, что он смотрит ей в глаза.

— Ну и придурок! — пробормотала Казуми.

В ее голосе чувствовалась ненависть, причину которой Тикако не могла понять, как ни старалась.

Между тем Такегами удалось убедить Рицуко не уходить. Девушка вытерла слезы и села на стул.

— Она специально давит на жалость, — заявила Казуми. — Думает, если распустил нюни, ей сразу поверят. Ничего удивительного, мужчины постоянно ведутся на такое.

— Полицейских не так легко разжалобить и одурачить, — осторожно возразила Футигами.

Но Казуми оказалось невозможно переубедить.

— С чего вы взяли? Полицейские ведь тоже люди. Наверняка к ним довольно просто найти подход.

— Может, ты и права, — согласилась Тикако. — Но сержант Такегами — крепкий

орешек, так что на его счет можешь не беспокоиться.

— Это еще почему? — Казуми недоверчиво посмотрела на Тикако.

— У него дочь почти такого же возраста, так что, думаю, девочка-подросток вряд ли обведет его вокруг пальца.

— Еще как обведет! Думаете, он хорошо знает собственную дочь?

Тикако оказалось нечем крыть.

В кабинете для допросов Такегами уточнял полное имя Рицуко, ее домашний адрес, название школы, где она учится, и прочие персональные данные. Казуми не сводила глаз с девушки и, кажется, пыталась запомнить каждое ее слово. Потом она вдруг опять схватилась за телефон и принялась набирать очередное сообщение.

Тикако посмотрела на Футигами. Молодая коллега ответила ей многозначительным взглядом.

— Вы оба очень расстроены и встревожены, — прокашлявшись, сказал Такегами. — Пожалуйста, постарайтесь немного успокоиться. Возможно, нам действительно следовало выбрать другое место для этой встречи. То, что мы с вами беседуем в кабинете для допросов, вовсе не означает, что вас подозревают в совершении преступления. Поймите, для того чтобы найти убийцу господина Токороды, нам нужно как можно больше узнать обо всех, с кем он общался.

Минору выпрямился, положил ногу на ногу и выжидающе посмотрел на полицейских. Рицуко в очередной раз вытерла слезы и опять судорожно вцепилась в свою сумочку.

— Рицуко, я хотел бы кое о чем у вас спросить, — обратился к девушке Такегами.

Та сразу побледнела и еще сильнее стиснула сумочку, так что костяшки пальцев побелели от напряжения.

— Минору утверждает, что вы раньше всех стали общаться с господином Токородой в Интернете. Это правда?

Рицуко злобно посмотрела на Минору и еле заметно кивнула.

— Когда именно и при каких обстоятельствах вы с ним познакомились? Кажется, вы не так уж давно пользуетесь компьютером?

Некоторое время Такегами ждал ответа. Рицуко упорно молчала, поджав губы. Как раз тогда, когда он решил переформулировать вопрос, она вдруг заговорила:

— Компьютер появился у меня около года назад.

— Вам его подарили родители?

Рицуко поправила каштановую челку и помотала головой:

— Он, в общем-то, не совсем мой. Мама купила его для себя.

— Вот как? Она увлекается современными технологиями?

— Я бы так не сказала, — резко возразила Рицуко. — Лично мне кажется, она приобрела его, чтобы повыпендриваться перед знакомыми. Ей нравится пускать людям пыль в глаза, хвастаться и болтать всякий вздор. Тут ей, видимо, вздумалось притвориться знатоком Интернета и компьютерным гением. Ей всегда надо быть на шаг впереди всех.

— Но если она занялась этим лишь год назад, вряд ли можно считать ее слишком прогрессивной — можно даже сказать, она поздновато взялась за дело, ведь Интернет довольно давнее изобретение.

— Да, я знаю. Сейчас объясню. Дело в том, что у одной из маминых знакомых появился свой сайт о садоводстве, и мама, разумеется, сразу тоже захотела заняться веб-дизайном,

чтобы составить конкуренцию подруге. Взрослые иногда ведут себя хуже маленьких! Мама купила компьютер и некоторое время пыталась разобраться, как с ним работать, но потом, осознав, сколько времени и сил нужно для того, чтобы всем этим заниматься, она забросила свое новое хобби.

— И в результате компьютер достался вам?

Рицуко кивнула:

— Друзья рассказали мне, сколько всего прикольного в Интернете.

— Прикольного?

— Не знаете, что такое Интернет?

— Знаю, просто хотелось бы уточнить, как конкретно ты им пользуешься. Ищешь информацию на интересующие тебя темы в поисковых системах? Скачиваешь музыку? Строишь фильмы? Или еще что-нибудь?

— Ну, я почти никогда не ищу там что-то определенное. Просто перехожу со страницы на страницу, с сайта на сайт, просматриваю блоги — это все равно что листать журнал, только интереснее, потому что в Интернете больше разнообразия. Там есть возможность не просто получать информацию, а наблюдать за реальными людьми и их общением. Конечно, поначалу я просто читала чужие посты и наблюдала за тем, что происходит в чатах, — сама ничего не постила.

— Не... что?

Минору посмотрел на Такегами с жалостью и легким презрением и пояснил:

— Постить — значит размещать собственные сообщения на форумах, в гостевых и чатах.

— Понял. Значит, вы просто читали материалы разных сайтов, как журнал или газету, так? — уточнил полицейский. — Кстати, у вас есть мобильный телефон?

Рицуко кивнула и с раздражением покосилась на него:

— А какая разница?

— Ну, можете считать меня несовременным, но лично мне всегда почему-то казалось, что девушка и компьютер — вещи несовместимые. Ведь нынче, чтобы послать другу сообщение или даже письмо по электронной почте, достаточно мобильного.

Рицуко улыбнулась, словно почувствовала облегчение оттого, что в вопросе Такегами не было подвоха.

— Понимаете, через телефон Интернетом пользоваться гораздо дороже. К тому же счет за компьютер оплачивают родители, как и все остальные коммунальные счета, а за телефон я должна платить сама.

— Родители не разрешают вам тратить лишнего?

— Мягко сказано. Они постоянно меня контролируют, без конца цепляются, требуют, чтобы я на всем экономила. Жмоты, вот они кто!

Отец Рицуко работал в офисе, мать была домохозяйкой. Такегами полагал, что они должны были баловать свою единственную дочку и ни в чем ей не отказывать, однако, по видимому, он ошибся.

— Хм... жмоты, говорите? Вам, наверное, приходится нелегко, если родители не позволяют тратить много на одежду и украшения?

— Нет, насчет одежды все не так плохо. Мы с мамой иногда ходим по магазинам, и она покупает мне все, что я захочу.

— Очень щедро с ее стороны, не находите?

— Она сама обожает шопинг и из-за собственной слабости не может отказать мне в моих просьбах. К тому же она то и дело надевает мои вещи.

— Вот как?

— Да, она частенько ходит в рестораны и на концерты с друзьями, а красивые шмотки нынче недешево стоят, знаете ли.

— То, в чем вы сегодня, вам тоже купила мама?

Рицуко оглядела себя и ответила:

— Да, все, кроме подвески.

Подвеска была очень похожа на ту, которую Такегами до этого видел на шее у Казуми Токорода.

— Такие украшения сейчас в моде?

— Такие? — Рицуко взяла в руку подвеску и посмотрела на нее. — Понятия не имею. И вообще, мне как-то все равно. Я просто увидела эту штучку в витрине универмага и купила, потому что она мне понравилась.

— Ясно, — сказал Такегами и подпер голову рукой. — Теперь, пожалуй, вернемся к тому, о чем мы говорили ранее. Итак, вы сказали, что сначала в Интернете вы лишь читали материалы различных сайтов. Почему вы решили начать участвовать в чатах и форумах?

Рицуко почему-то посмотрела на Минору, словно ожидая помощи или совета. Интересно, о чем она хотела его спросить? Парень рассеянно разглядывал свои кроссовки и не обращал на нее никакого внимания.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

— Потому что я люблю кино, — ответила девушка.

— При чем тут кино?

— Сейчас объясню. Я случайно набрела на один форум киноманов, и мне там очень понравилось. Все участники оказались такие милые! В общем, я запостила там небольшое сообщение об одном фильме.

— Когда это случилось? Хотя бы приблизительно?

— Месяца через два после того, как у меня появился компьютер.

— Стало быть, где-то в конце июня. Десять месяцев назад.

— Десять? — неуверенно переспросила Рицуко и опять вопросительно посмотрела на Минору.

На этот раз даже он заметил ее взгляд.

Такегами решил с этим разобраться:

— Минору что-то об этом знает?

— Что? Нет, конечно. Почему вы спрашиваете?

— Вы все время на него так смотрите, будто ожидаете, что он вам подскажет ответы на мои вопросы, — сказал Такегами и улыбнулся.

— Ничего подобного, — отрезал Минору. — Все дело в том, что она дико не уверена в себе. Вечно что-то мямлит, распускает нюни и ждет, кто бы ее защитил и утешил.

— Неправда... — тихо сказала Рицуко.

Девушка побледнела, вновь занервничала и принялась теревить сумочку. Минору презрительно посмотрел на нее. В его взгляде чувствовалась злоба, почти ненависть. Он подчеркнуто громко вздохнул, повернулся к Такегами и стал рассказывать:

— Есть такой сайт для любителей фильмов, называется «Киноостров любви». Это не то чтобы официальный сайт какого-нибудь кинотеатра или компании — его создатели сами

фанаты этого дела и обожают ходить на всякие интересные показы, а потом выкладывают материалы об этом на своем узле. Может, видели когда-нибудь по телевизору рекламу лотереи, в которой победителям достаются билеты в кино?

— Да, что-то такое припоминаю. Кажется, видел рекламные открытки — их вечно раздают на улицах. Вроде бы такую открытку требовалось отправить по какому-то адресу, чтобы принять участие в розыгрыше призов?

— Точно. Так вот, один из создателей этого сайта постоянно играет в эту лотерею и бесплатно ходит на разные кинопоказы. Он просто помешан на фильмах. После каждого сеанса на его страничке появляется рецензия: о чем кино, стоит ли смотреть и все такое. Кинокритик из него, конечно, никудышный, зато сайт регулярно обновляется и там постоянно появляются свежие материалы о новых фильмах. В общем, многие заходят туда, читают рецензии, делятся мнениями в комментах.

— Все понятно.

— Этот сайт не для серьезных специалистов в области кино, а для обычных любителей, так что на тамошнем форуме можно болтать о чем угодно: о новых фильмах, о пунктах видеопроката, о кинотеатрах — что в голову взбредет. — Минору откинулся на спинку стула и вытянул ноги. — Я иногда заходил на этот сайт. Рицуко рассказывала мне, что именно там, на форуме, она познакомилась с Папой. Но вы, наверное, хотите об этом услышать от нее самой? Вам ведь не нужны показания с чужих слов, господин офицер?

— Верно, — согласился Такегами. — Он повернулся к Рицуко и мягко попросил: — Не могли бы вы об этом рассказать? Минору утверждает, что вы познакомились с господином Токородой на сайте «Киноостров любви», это правда?

— Да...

— Хватит ломаться! Ишь принцесса выискалась! — рявкнул Минору и ткнул девушку локтем в бок.

Сумочка едва не соскользнула с ее коленей — Рицуко вовремя ее подхватила.

— Я не ломаюсь, — проговорила она еле слышно. — Но... я боюсь, что, если расскажу правду, все будут думать, что я чокнутая.

— Это вряд ли, — спокойно ответил Такегами, — полицейские так часто имеют дело с настоящими чокнутыми, что вам придется нас очень сильно удивить, чтобы мы причислили вас к этой категории. — Встретив недоверчивый взгляд девушки, он обернулся к коллеге. — Верно я говорю?

— Скорее да, чем нет, — уклончиво ответил Токунага.

— Какая застенчивая принцесса! Подумать только! — продолжал издеваться Минору.

— Перестань ее поддевать, — остановил его Такегами. — Разве ты не видишь, до какого состояния ее довел?

Воодушевленная этой защитой и поддержкой, Рицуко перестала теревить сумочку, выпрямилась и придвинула стул поближе к столу, таким образом немного сократив расстояние между собой и Такегами.

— Господин офицер, вы, случайно, не смотрели фильм «Любовь Катюши»?

Такегами помотал головой:

— Я редко хожу в кино.

— Я туда тоже почти не хожу. Его показывали по спутниковому телевидению. Это китайский фильм. Он не предназначался для массового показа, поэтому его не многие видели, зато следующий фильм того же режиссера был номинирован на приз Национальной

академии, я недавно видела его в телепрограмме.

— Судя по названию, это, наверное, любовная мелодрама?

— Отчасти да, но на самом деле этот фильм о семье. Его главная героиня — девушка из Шанхая. Мать ее жениха умирает и оставляет ей в память о себе красивую диадему. При жизни мать всегда была против их отношений, однако, несмотря на это, почему-то подарила ей свое любимое украшение. Девушке это кажется странным, и вместе с молодым человеком они начинают собирать информацию о прошлом его матери. В конце концов они узнают, что на самом деле эта женщина была его приемной матерью, и решают найти его настоящих родителей.

— Интересный сюжет.

— В результате выясняется, что диадема первоначально принадлежала родной матери этого юноши. После долгих приключений они наконец понимают, почему приемная мать была против их отношений. — Рицуко выпалила все на одном дыхании, потом вдруг замолчала, прикрыла ладонью рот. В свете ламп блеснул бледно-розовый лак на ногтях с изящным маникюром. — Раньше я не смотрела китайских фильмов, а этот мне очень понравился. Когда он закончился, я долго сидела и думала о своей семье, о том, что почти ничего не знаю о своих родителях. Ведь все папы и мамы когда-то были молоды, но их детям ничего не известно о том времени: им никогда ничего не рассказывают, даже если они расспрашивают. Прежде я как-то не задумывалась о том, какими были мои родители до того, как я появилась на свет, как они жили, прежде чем поженились. Ну и все такое.

— Ты, кажется, говорила, что вы вместе с мамой ходите по магазинам. Вы ведь с ней при этом разговариваете? Наверное, ты могла бы спросить у нее о том, что тебя интересует?

Рицуко покачала головой:

— С ней невозможно говорить ни о чем серьезном. Она отказывается обсуждать со мной подобные темы. — Девушка, кажется, справилась со страхом и смущением — теперь она говорила прямо и откровенно: — Так уж сложилось. Мы с родителями живем вместе, но при этом остаемся чужими друг другу. Отец постоянно занят, он почти не бывает дома, а мама слишком увлечена своими делами. Она готова болтать со мной о моде, о жизни звезд эстрады и кино, о чем угодно — только не о том, что для меня действительно важно. После школы я хотела поступить в хороший частный колледж — я рассылала заявки и собиралась пройти по конкурсу без экзаменов: у меня неплохие отметки в аттестате и я могла бы получить положительные рекомендации от учителей. Но тут вмешалась мама и сказала, что мое будущее за меня решит мой куратор. По ее мнению, я должна поступать туда, куда он скажет, — и все тут.

Пару раз я обращалась к ней за советом, делилась своими бедами, рассказывала о разговорах с друзьями, о переживаниях, но она меня никогда не слушала. Как только я начинала ей говорить о какой-нибудь проблеме, у нее на лице сразу появлялось скучающее выражение. Она контролирует мои расходы только потому, что должна давать мне карманные деньги из семейного бюджета, то есть чем больше тратится на меня, тем меньше достается ей. Если мама видит у меня какую-нибудь дорогую вещь, она сразу поднимает крик, но, стоит мне сказать, что это подарок друга или подруги, она сразу успокаивается и говорит: «Ну что ж, довольно мило». И все. Вот почему дома мне всегда одиноко. И, думаю, не только мне. Папа наверняка тоже одинок. Да и мама тоже.

— Твои родители ладят между собой?

— Скажем так, они никогда не ссорятся. Но это потому, что им давно плевать друг на

друга. Тот фильм, «Любовь Катюши», заставил меня задуматься над тем, что происходит в нашей семье. Я впервые поняла, что, видимо, когда-то было время, когда мои родители любили друг друга. Сейчас им нет до меня дела, но, когда я родилась, они, должно быть, во мне души не чаяли. Что случилось со всеми нами? Зачем нужна семья? Кто мои родители? Что я для них значу? В общем, мне было над чем подумать.

Девушка поделилась своими мыслями на форуме сайта «Киноостров любви» и тут же получила множество самых разных откликов.

— Я впервые поняла, как это здорово, когда ты говоришь что думаешь и тебе отвечают, а не просят тебя отстать, как моя мать. Когда я писала свое сообщение, я не была уверена, что меня воспримут серьезно. А тут вдруг оказалось, что многие думают так же, как и я, и переживают то же, что и я. Мне открылся новый мир человеческих отношений. — Глаза у Рицуко заблестели. — Я писала на форуме о том, о чем никогда никому не говорила. Жаловалась на свое одиночество, на равнодушие родителей. Меня жалели и утешали, советовали смотреть веселые и добрые фильмы, просили не сдаваться, несмотря ни на что, — в общем, это правда было здорово... — Лицо девушки прояснилось, она впервые улыбнулась.

— Вы зарегистрировались на том сайте под ником «Казуми»?

— Да, это был мой ник с самого начала.

— Почему вы выбрали это имя? Для интернет-ника оно кажется несколько примитивным.

— В детстве так звали мою лучшую подругу. Ее имя состояло из иероглифов «мир» и «красота». Ее семья переехала в Осаку, когда мы были в четвертом классе.

— Ты выбрала это имя, потому что тебе нравилось, как оно звучит?

— Не только поэтому, — серьезно ответила Рицуко. — Когда я была маленькой, я восхищалась Казуми. Я мечтала быть такой, как она, я хотела *стать* ею. Она была классная! Такая милая, добрая и веселая — лучше всех! Ее все обожали. Когда я приходила к ней в гости поиграть в куклы, ее мама всегда угощала меня чем-нибудь вкусненьким.

Минору хмыкнул:

— Ну, что я вам говорил? У нее целые стада тараканов в голове!

Проигнорировав его замечание, Такегами спросил:

— Никаких других причин для выбора именно этого имени у вас не было?

— Нет.

— Значит, тот факт, что у господина Токороды есть дочь по имени Казуми, — это случайное совпадение?

Рицуко насупилась и кивнула:

— Да, совпадение. Странно получилось, правда? Все началось как раз из-за этого совпадения.

Под ником «Казуми» Рицуко периодически изливала свою душу на форуме сайта «Киноостров любви» и иногда болтала в чате с другими его посетителями: она писала о том, как ей не хватает уверенности в себе, как ей надоела школа, как ей нужны настоящие друзья, как ей хочется любви и понимания. Она писала, что мечтает встретить любимого человека. Писала, что боится будущего. Жизнь казалась пустой и бессмысленной, и ей не оставалось ничего другого, как писать об этом.

Поговорить о проблемах ей было по-прежнему не с кем, родители все больше отдалялись от нее. Отец пропадал на работе, мать жила собственной жизнью. Со стороны

отношения Рицуко с матерью могли показаться дружескими, но в них не было ни теплоты, ни искренности, ни душевной близости — так, пустая болтовня, за которой мать пряталась от дочери, потому что так казалось удобнее. Бедную девочку никто не хотел выслушать и понять.

— Помню, однажды я написала на форуме: «Мне нигде нет места, я везде лишняя». И мне действительно так казалось. В трудный момент многие постарались поддержать меня, утешить, дать дружеский совет. Среди них был и Папа. Его сообщение начиналось так: «Привет, Казуми, это я, твой папа». — На глазах у Рицуко заблестели слезы. — Он писал: «Я недавно узнал, что ты бываешь на этом форуме, зашел, прочитал твои посты и, если честно, очень удивился. Я и представить не мог, насколько тебе плохо. Мне так жаль...» — Голос Рицуко дрогнул. Она словно заранее отрепетировала эту сцену. — Вот такое сообщение он мне написал. Я была так счастлива! Если честно, я тогда чуть не зарыдала от радости!

Такегами надул щеки и резко выдохнул:

— В общем, насколько я понимаю, вы восприняли это сообщение очень эмоционально. Почему? Вы решили, что вам написал отец?

— Нет, мне такое и в голову не приходило!

— В самом деле?

— Ну конечно. Так не бывает — ни в Интернете, ни в жизни.

— Неужели это в принципе невозможно? — спросил Такегами, обращаясь к Минору. — Разве не могут родители и дети случайно оказаться на одном и том же форуме или в чате? Почему нет?

Минору посмотрел на него с нескрываемой жалостью:

— Во-первых, люди в Интернете пользуются никами вместо настоящих имен, так что они вряд ли могут сразу узнать друг друга.

— Но ведь в этом сообщении говорилось прямо: «Это я, твой отец».

— Кто угодно мог такое написать. И если говорить о данном конкретном случае, это ведь *оказался вовсе не ее отец*, так? Это был господин Токорода.

Такегами не нашел что возразить, но от сомнений так и не избавился. Если девушка с первой секунды знала, что ей пишет не отец, — если у нее на этот счет не возникало даже тени сомнения, — почему тогда это сообщение вызвало у нее такую бурю эмоций?

— Я понимаю, что вас смущает, господин офицер. Но вы должны знать, что в Интернете все постоянно выдают себя не за тех, кто они есть на самом деле, — там никто не говорит правду и никто никому не верит.

— Так оно и есть, — подтвердила Рицуко. — Именно поэтому первое сообщение от Папы на форуме произвело настоящий фурор. Многие участники принялись возмущаться, упрекать Папу, что он морочит мне голову. Некоторые советовали мне не обращать на него внимания, не связываться с ним, не позволять ему играть на моих чувствах.

Такегами многозначительно сказал:

— Однако вы их, по-видимому, не послушались.

Рицуко тут же призналась:

— Разумеется! Их мнение было мне безразлично.

Детектив Токунага настолько заинтересовался, что опять забыл о своих обязанностях и задал вопрос:

— А что вы ему ответили?

Рицуко ответила не раздумывая и с явной гордостью:

— Я написала, что счастлива вновь обрести отца и что отныне буду делиться с ним всеми своими переживаниями, мечтами и мыслями. Я обещала быть ему лучшей дочерью на свете. Что-то в таком духе. — Взгляд девушки затуманился. Она словно впала в транс.

Минору покосился на нее с отвращением. Токунага переводил взгляд с него на его соседку, сравнивая столь непохожие выражения их лиц.

— Так вы обрели виртуального отца?

— Да, разве это не чудо?

— Вам не показалось, что это как-то слишком хорошо, чтобы быть правдой?

— А какая разница? Я чувствовала себя счастливой и не видела в этом ничего плохого. Какое мне было дело до того, возможно ли такое в реальной жизни? Скажу прямо, мне вообще ни до чего не было дела!

— Ясно... Но не вы ли не так давно опасались, что, выслушав вашу историю, мы сочтем вас чокнутой? Помните?

Рицуко вздрогнула и бросила сердитый взгляд на Токунагу:

— Я просто не хотела, чтобы вы плохо обо мне думали.

— С чего бы вдруг? — удивился он.

— А вам-то вообще какое дело? Вам, кажется, положено сидеть тихо и записывать показания? Так сидите и пишите — и не лезьте куда не просят!

— Прощу прощения, — пробормотал с виноватой улыбкой Токунага.

Такегами снял очки, тщательно протер их и снова надел.

— Думаю, другие члены форума на сайте «Киноостров любви» не слишком одобрили ваше поведение, когда вы отказались следовать их разумным советам и проигнорировали все их замечания?

— Да, некоторое время они доставали меня, но я считаю, у них не было права вмешиваться в наши отношения.

— Вам виднее.

— Папа и Казуми нашли друг друга. У меня появился отец, пусть и виртуальный. Я всегда мечтала о таком папе. А если мечта сбылась, стоило ли обращать внимание на мнение каких-то абсолютно чужих людей?

Девочка нашла настоящего отца, который всегда готов был выслушать ее, дать совет, помочь, утешить, разделить радость, — он всегда находил нужные слова, всегда знал, чего она от него ждет.

Ну и что, что на самом деле Папа тоже был ей чужим человеком? Это не имело никакого значения, по крайней мере для Рицуко.

— Я велела всем оставить нас в покое. В конце концов от нас отстали.

— Безнадежный случай! — сказал Минору, одной рукой показывая на Рицуко, а другой крутя пальцем у виска. — Думаю, на том форуме все решили, что если малышка хочет поиграть в эту глупую игру, значит так тому и быть.

Блаженная улыбка на лице Рицуко вдруг сменилась ехидной ухмылкой.

— Так подумали все, кроме тебя, верно?

Минору хохотнул, скорчил рожу, потом резко распрямил ноги. Не успел он возразить Рицуко, как та уложила его на лопатки очередным откровением:

— Не прошло и пары недель, как к нашей с Папой переписке присоединился мой младший брат Минору.

На несколько секунд в кабинете стало совсем тихо.

— Я просто решил немного поразвлечься, — проворчал Минору.

Он ссутулился, скрестил руки на груди и принялся качать ногой.

— Эта дурочка так увлеклась — от ее душещипательной писанины с души воротило, и я решил стать ложкой дегтя в их бочке отвратительно приторного меда.

Рицуко расхохоталась:

— Врешь! Тебе просто стало завидно!

— Завидно? Да чему тут завидовать?

Минору слегка привстал со стула, так что Такегами пришлось жестом остановить его и попросить сесть на место:

— А ну успокойтесь! Оба!

Минору опомнился, посмотрел на Такегами, сел и тихо извинился.

— Вам не за что просить прощения. Просто постарайтесь по возможности держать себя в руках. Кстати, Рицуко, к вам это тоже относится.

Улыбка тут же исчезла с лица Рицуко. Девушка встала и демонстративно отодвинула стул как можно дальше от Минору.

— Значит, вы представились младшим братом Казуми и присоединились к ее переписке с Папой?

Немного помедлив, Минору кивнул.

— И это все по-прежнему происходило на форуме сайта «Киноостров любви»?

— Ну да...

— Вы разместили там свое сообщение?

— Ага.

— И что вы написали?

Рицуко едва не опередила Минору с ответом, так что Такегами на этот раз пришлось жестом остановить ее, заставив замолчать. Минору наморщил лоб и задумался, глядя прямо перед собой. Потом сказал:

— Кажется, я написал что-то об одном из фильмов, который тогда показывали в кино, потому что эти двое обсуждали их недавний поход в кинотеатр.

— Вы говорите о Казуми и Папе?

— Да. Уже не помню, о каком фильме шла речь. Кажется, это была какая-то новая мелодрама с Де Ниро. Забыл название. — Минору расправил плечи и немного помолчал, потом продолжил: — Я написал что-то в таком духе: «Эй, вы, сладкая парочка, как насчет остальных членов вашей семьи? Неужто вы забыли о малыше Минору?»

— И что они вам ответили?

— Ну... «Привет, Минору!» и все такое.

— Я написала: «Мы давно тебя сюда звали, ты сам отказывался». А Папа добавил: «Значит, Минору, теперь и ты здесь с нами. Втроем нам будет веселее». Из любопытства многие на форуме за нами наблюдали. Появление нового члена семьи вызвало еще больший интерес.

Такегами обратился к Рицуко:

— Все так и было?

— Почти. Он только не прав насчет фильма — там снимался не Де Ниро, а Кевин Спейси, ему еще за это дали «Оскара».

Токунага опять подал голос:

— Кажется, речь о «Красоте по-американски»?

— Точно! Вы любите кино, господин офицер?

Не ответив на вопрос, Токунага заметил:

— Это ведь фильм о том, как распалась семья.

Такегами между тем продолжал допрос:

— Вы действительно вместе ходили в кино на «Красоту по-американски»?

— Нет, — печально вздохнула Рицуко. — Вы все еще не понимаете, наше знакомство долгое время оставалось исключительно виртуальным. Я понятия не имела, с кем на самом деле общаюсь.

— Тогда зачем вы писали о совместном походе в кино?

— Это была такая игра: мы понимали друг друга с полуслова, думали об одном и том же, и нам это очень нравилось. Накануне Папа написал мне по электронной почте, что посмотрел кино «Красота по-американски», и посоветовал мне на него сходить. Я этого фильма еще не видела, но читала о нем в журналах, — в общем, я соврала ему, ответив, что мне это кино тоже понравилось. Тогда он запостил на нашей страничке форума «Киноостров любви» сообщение о том, что мы с ним вместе ходили в кино. — Она насмешливо посмотрела на Такегами. — Видите, как все просто!

«Просто-то оно, может, и просто, но нормальному человеку не совсем понятно», — подумал полицейский.

— Ни вас, ни господина Токороду не удивило, когда на форуме вдруг объявился Минору и тоже назвался членом вашей семьи?

— Я, если честно, удивилась, а Папа — нисколько.

— Откуда вы знаете?

— Он мне потом сам сказал.

— На семейном совете?

— Ага. Папа сказал, что, когда он решил сыграть на форуме эту роль, он предполагал, что рано или поздно к нашей семейной идиллии могут присоединиться другие персонажи. Господин Токорода считал, что это даже забавно, — по его мнению, чем больше семья, тем лучше. — Рицуко вопросительно взглянула на Минору. — Кажется, он так говорил? Ты ведь должен помнить — ты тоже там был.

Минору проигнорировал ее вопрос. Выдержав паузу, он вдруг угрюмо проговорил:

— Подумать только, во что я влип! Решил немного позабавиться, присоединившись к виртуальной «семейке», а в результате оказался в полицейском участке! Это ж надо быть таким придурком!

— Нет, ты не придурок, — мягко возразила Рицуко. — Просто тебе одиноко.

Минору резко повернулся к ней и сердито хмыкнул, но Рицуко, видимо, ничего не заметила — она была слишком увлечена собственной речью:

— Мы все очень одиноки. Нас никто не понимает, в реальной жизни нам не с кем поделиться своими мыслями и чувствами — мы уже и сами не знаем, кто мы и зачем живем, и поэтому нам не по себе. Нам нужен хоть кто-нибудь. Вот почему ты написал Папе — ты ждал, что он заменит тебе отца, которого тебе так не хватает. Ты присоединился к нам вовсе не потому, что решил поиздеваться надо мной. Сколько бы ты ни строил из себя крутого

парня, меня ты все равно не проведешь.

Минору посмотрел в потолок, потом снова перевел взгляд на Рицуко. Его светло-карие глаза гневно засверкали.

— Эй, ты! А ну перестань! Я такую душеспасительную ерунду на дух не переношу... Это ж надо... Какая чудовищная чушь! — Минору говорил прерывисто и то и дело переводил дух. — Кто я такой? Я тебе отвечу. Чтобы разобраться в себе, мне не нужен Интернет. Это у тебя мозги набекрень, вот и придумываешь всякое.

Рицуко выслушала его тираду с невозмутимым спокойствием. В ее взгляде читалась жалость.

— Ты можешь изображать из себя крутого сколько угодно — я ничего не имею против. Ты настолько одинок, что просто не в силах вести себя по-другому. Ты не можешь себе позволить быть искренним, быть самим собой. Именно поэтому даже после нашей встречи офлайн, когда выяснилось, что на самом деле мы ровесники, несмотря ни на что, я продолжала считать тебя своим младшим братом. Я до сих пор так считаю. — Последнюю фразу она произнесла особенно ласковым тоном.

Вскрикнув от боли, Казуми Токорода посмотрела на правую руку и сказала:

— Черт, я сломала ноготь!

Тикако взглянула на пострадавший палец. Длинный красивый ноготь надломился с одного края. Аккуратный маникюр на остальных пальцах смотрелся безупречно, но не покрытый лаком ноготь казался хрупким и беззащитным.

— Наверное, придется его срезать? Сейчас найдем ножницы.

Офицер Футигами направилась было к столу, но Казуми помотала головой:

— Нет, я не хочу его отстригать. У вас, случайно, не найдется лейкопластыря, чтобы пока что заклеить палец?

Офицер Футигами отправилась на поиски аптечки. Тикако вполглаза наблюдала за тем, что происходило в это время в кабинете для допросов. Рицуко и Минору продолжали препираться. Он все пытался ее переубедить, а она смотрела на него немного свысока, как старшая сестра, и учила его жизни.

— Перестань разговаривать со мной как с малолетним идиотом! Хватит строить из себя всезнайку!

— Ты должен научиться слушать и слышать других!

Казуми Токорода, засунув поврежденный палец в рот, пристально смотрела на ссорящихся. Тикако про себя отметила, что у Минору и Рицуко все эмоции читаются на лицах. В отличие от них, Казуми все это время сохраняла невозмутимое спокойствие. В ее взгляде отражались лишь зеркальные блики и больше ничего. Она смотрела на этих двоих, разыгрывающих роли брата и сестры, с полным равнодушием.

— Ну как, ты что-нибудь вспомнила? — осторожно спросила Тикако. — Может быть, их жесты или голоса показались тебе знакомыми? Может, ты уже видела этих людей где-нибудь раньше? Ничего не прояснилось?

Не поворачивая головы, Казуми что-то пробормотала в ответ. Не разобрав слов, Тикако переспросила:

— Что ты сказала?

— Кажется, я узнаю его... — Казуми показала пальцем на Минору и добавила вполголоса, менее уверенно: — Он похож на того парня, с которым я видела отца на

парковке возле супермаркета.

Тикако принялась листать протоколы предыдущих допросов:

— Ты говорила, что тогда не слышала их голосов, верно? И что находилась довольно далеко.

— Да, все правильно. Но я видела, как он жестикулировал и как вел себя во время разговора. Помните, недавно этот парень сделал вот так. — Тут Казуми положила обе руки на стол и оперлась на них, словно собираясь встать. — Он наклонился, слегка сгорбился, а потом принялся орать на полицейского. — Казуми изобразила, как Минору кричал на Такегами по поводу того, что у полицейских нет причин подозревать его в убийстве. — Когда этот парень так сделал, я его сразу узнала. Он вел себя точно так же, когда разговаривал с отцом через окно машины, и тогда я его видела почти в той же позе, понимаете?

— Да, конечно.

— Кстати, я тогда вроде бы говорила вам, когда именно видела их на парковке. Сейчас уже забыла, не напомните?

Казуми опять попыталась подсмотреть, что написано в протоколе, лежащем на столе перед Тикако. Та осторожно придвинула папку к себе и спросила:

— Какое это имеет значение?

— Ну, мне просто интересно, это было до или после их первой встречи офлайн.

— Просто интересно?.. А какая, собственно, разница?

— Мне кажется, разница есть. Если я видела их до первого семейного совета, значит Минору лжет, потому что на самом деле он знал отца еще до того, как все они встретились вместе.

— Верно, — кивнула Тикако. — В этом смысле, безусловно, очень важно точно знать, когда именно ты видела отца с незнакомыми людьми. Ты совершенно права.

Казуми нахмурилась:

— Так почему же вы до сих пор болтаете со мной, вместо того чтобы немедленно все выяснить и проверить?

Тикако проигнорировала эту явную грубость и постаралась ответить как можно вежливее:

— Дело в том, Казуми, что, рассказывая нам о тех трех странных случаях, ты не смогла назвать нам точных дат. Может, у тебя тогда в памяти все перепуталось...

— Я точно помню, что говорила вам, когда это произошло.

— Ты сказала только, что все это произошло за последние полгода, так что мы располагаем лишь весьма приблизительной информацией...

— Неправда, в каждом случае я говорила гораздо более определенно, я же помню!

Офицер Футигами вошла в кабинет и протянула Казуми упаковку лейкопластыря. Девушка между тем так увлеклась перепалкой с Тикако, что даже не взглянула на Футигами — на автомате протянула руку, взяла пластырь и зажала его в кулаке.

— Казуми, милая, — постаралась ее успокоить Тикако, положив ей руку на плечо, — не надо так беспокоиться! Мы знаем свое дело и сможем связать концы с концами, уж поверь! Сегодня нам нужно, лишь чтобы ты сказала нам, не похож ли кто-нибудь из этих людей на тех, с кем ты видела своего отца. Посмотри на них как следует, прислушайся к их голосам, может быть, ты еще что-нибудь вспомнишь. Больше нам от тебя пока ничего не нужно.

Казуми стряхнула ее руку с плеча. Она достала из упаковки полоску пластыря и

принялась заклеивать палец.

— Мне очень жаль, — сказала Тикако. Эти слова вырвались у нее сами, помимо воли, — она действительно искренне жалела Казуми.

Девушка подозрительно посмотрела на нее, кое-как намотав пластырь на кончик мизинца:

— Жаль? Это еще почему?

— Я сожалею, что мы заставили тебя через это пройти.

Казуми вздрогнула и отвела глаза:

— Я в полном порядке.

— Да, я знаю, ты очень сильная. Но тебе, должно быть, сейчас очень больно. Любому на твоём месте было бы больно.

По ту сторону зеркала Минору угрюмо смотрел в окно, в то время как Рицуко о чём-то вдохновенно рассказывала полицейским, уже не обращая ни малейшего внимания на своего виртуального «брата».

— Душу невозможно разглядеть сразу, господин офицер, — доказывала девушка. — Когда люди встречаются, они видят лишь лица друг друга. Внешность ничего не значит. Родство душ — вот что важно. Но как его достичь? Когда я смеюсь, мои друзья и родители думают, что я счастлива. Они понятия не имеют о том, что на самом деле я всего лишь притворяюсь, стараюсь казаться такой же, как все, прячу свои настоящие мысли и чувства и ни с кем ими не делюсь... Никому нет до меня дела... Меня даже за человека не считают... Родители смотрят на меня как на предмет мебели... Зато в Интернете все по-другому. Там я могу излить душу, поделиться переживаниями — и меня обязательно выслушают и поймут...

В очередной раз водрузив очки на нос, Такегами сидел не шевелясь и внимательно слушал эту пламенную речь.

— Терпеть не могу таких зануд! — прошипела Казуми.

— Каких — таких?

Казуми махнула рукой в сторону виртуальной «Казуми»:

— Ну, вот таких, которые без конца треплются о родстве душ, самопознании и прочей бредятине. Уши в трубочку сворачиваются.

Тикако улыбнулась. Казуми продолжала хмуриться, хотя реакция Тикако ее, похоже, немного успокоила — девушка восприняла ее улыбку как знак примирения и немного расслабилась.

— Знаете, эта «Казуми» ужасно похожа на моего отца. Неудивительно, что они так поладили. Наверняка у папы с ней нашлось больше тем для разговоров, чем со мной за всю мою жизнь. Теперь я уже ничему не удивляюсь.

— Но ты ведь по-прежнему злишься на него за то, что он завел себе в Интернете виртуальную семью?

— Как же мне не злиться? По-вашему, у меня нет для этого повода?

«Кажется, Казуми наконец-то говорит искренне», — заметила Тикако.

— Моя мама не умеет злиться — ей это вообще не свойственно. Знаете, что она мне сказала, когда узнала, что отец завел в Интернете другую семью? «Наверное, твоему папе было одиноко. Наверное, он нуждался в тех людях, потому что получал от них то, чего не мог получить от нас. Видимо, мы его не понимали». — Девочка мастерски изобразила плачущие интонации матери и даже скопировала ее скорбное выражение лица. — По мне, так она сумасшедшая. Как можно быть такой доверчивой и мягкосердечной? Неужели в

сложившихся обстоятельствах моя реакция действительно кажется вам странной? Скажите, детектив Исидзу, вы считаете меня злой и жестокой?

Между тем псевдо-Казуми в кабинете для допросов продолжала делиться своими сокровенными тайнами с Такегами. Настоящая Казуми смотрела на нее немигающим и, казалось, равнодушным взглядом.

— Знаете что? — вдруг сказала она. — Я почти уверена, что, если бы отца не убили, он наверняка рано или поздно сделал так, чтобы мы с мамой узнали о его виртуальной семье. Он специально так поступил бы, чтобы дать нам понять, как одиноко ему было с нами и мы его не ценили. Непременно выяснилось бы, что это мы виноваты в том, что папе пришлось играть в семью с незнакомыми людьми. Он только и делал, что жаловался: «Ах, на меня никто не обращает внимания!» Чаты, форумы и электронная почта — это его новые игрушки; до того как они появились, он без конца выкидывал разные другие фокусы, не упуская возможности при случае причинить нам боль.

Тикако робко переспросила:

— Фокусы? Ты считаешь, это подходящее слово для того, что сделал твой отец?

Казуми ответила не задумываясь:

— Да, вполне подходящее. Поверьте, уж я этих его фокусов за свою жизнь навиделась.

— За шестнадцать лет?

— Я давно в курсе папиных интрижек с молоденькими красотками. Я знаю, что он менял их как перчатки и без конца находил себе все новых и новых. А настоящая причина его донжуанства состояла в том, что он не мог жить спокойно: он всегда хотел быть главным героем драмы и разыгрывал эти драмы без конца, показывал свои фокусы всем подряд, никак не мог остановиться.

Когда я была маленькая, он меня очень любил, называл своим сокровищем, своей маленькой принцессой. Я его просто обожала, и ему очень нравилось заботиться о своей малышке. Мило, правда? Вся проблема в том, что на самом деле папа любил не меня, свою дочь, а саму идею дочерней и отцовской любви. Пока я была маленькой и беспрекословно слушалась его, он души во мне не чаял. Он играл со мной, как с куклой.

Наверняка мама вам про это рассказывала. Я почти уверена, что, когда я родилась, отец на какое-то время даже прекратил ходить налево. Мы стали настоящей семьей. Думаю, мама должна была заметить разницу. Впрочем, никаких выводов она из этого не сделала. Не знаю, может, отец как раз взял ее в жены потому, что у нее такой покорный и тихий нрав, а может, это он превратил ее в столь безответное и жалкое существо. — Казуми возвела глаза к потолку и изо всех сил сжала кулаки. — К счастью, я не такая, как она. Клянусь небом, я никогда и никому не позволю вытирать о меня ноги. Разве я могла смириться с эгоистичными выходками отца? Разумеется, я напрямую высказывала ему все, что о нем думаю. И конечно, ему это очень не нравилось. Папочке хотелось, чтобы его доченька подольше была маленькой глупышкой, чтобы она слушалась его, боготворила его, а потом выросла и обязательно стала такой, какой он мечтал ее видеть.

— А о какой дочери он мечтал, как ты думаешь?

В ответ на вопрос Тикако Казуми резко повернулась к зеркалу и показала на девушку в кабинете для допросов. Рицуко в это время как раз произносила очередную проповедь о родстве душ и мировой гармонии, мало отличавшуюся от ее предыдущих рассуждений.

— Полагаю, идиотка вроде этой отца вполне бы устроила. Он наверняка вел бы с ней долгие разговоры о поисках себя, о потребности в любви и понимании, о необходимости

найти свое место в жизни. Папе нужен был кто-нибудь, кто не мог бы существовать без него, кому становилось бы страшно и одиноко в его отсутствие и кто всей душой стремился бы быть с ним. К сожалению, я выросла слишком сильной и самостоятельной. Я хотела быть ему дочерью, а не любимым животным или предметом обстановки. Я не собиралась от него зависеть! Вот еще!

В наушниках у Такегами раздался голос Тикако:

— Как насчет небольшого перерыва? Похоже, Казуми немного устала.

Полицейский жестом остановил разглагольствования Рицуко:

— Я понимаю, о чем вы говорите. А сейчас, если вы не против, давайте вернемся непосредственно к теме нашего разговора.

— Что вы имеете в виду? — обиделась девушка. — Я и так говорю по теме. Я рассказываю вам о том, как появилась наша «семья» и как мы...

— Да, да, все понятно. Предлагаю сделать небольшой перерыв. Полицейские участки, конечно, не слишком славятся своим гостеприимством, но на чашку кофе, я думаю, мы вправе рассчитывать. Надеюсь, вы не возражаете?

Казуми отказалась взять у офицера Футигами платок, чтобы вытереть слезы. Вместо этого она достала из сумки пачку бумажных салфеток. Она расплакалась впервые с момента появления в участке.

— Простите, я вышла из себя.

— Ничего страшного, можешь не извиняться, — ответила офицер Футигами, рассеянно глядя сквозь зеркало на тех, кто был в комнате для допросов.

— Хочешь пить? Я могу тебе тоже чего-нибудь принести. Как насчет диетической колы?

Казуми улыбнулась:

— Неужели у вас здесь есть кола?

— Конечно есть. В конце коридора стоит автомат с газировкой.

Тикако одобрительно кивнула.

К тому времени как офицер Футигами отправилась за колой, Казуми уже почти успокоилась. От слез у нее немного размазалась тушь, но девушка не стала поправлять макияж.

— Казуми, о чем ты мечтаешь? Чем хочешь заниматься в будущем?

— Почему вы спрашиваете?

— Просто так. Ты кажешься такой решительной и целеустремленной. Многие твои сверстники ведут себя как дети, но ты совсем другая. Наверняка у тебя есть какие-нибудь планы на жизнь.

Поразмыслив пару секунд, Казуми ответила:

— Когда я вырасту, я больше всего на свете хочу стать независимой.

— Найти хорошую работу и все такое?

— Да, я хочу полностью себя обеспечивать.

— Мне кажется, нынче об этом мечтают очень многие девушки.

— В ваше время, наверное, было по-другому?

— Да, сейчас у девушек гораздо больше возможностей, чем было в свое время у нас. Я оказалась в полиции случайно. В юности я вовсе не мечтала о финансовой независимости — мне пришлось пойти работать, потому что так сложились обстоятельства.

— Значит, вам повезло. Когда обстоятельства все решают за нас, так гораздо легче. Я даже немного завидую вам, если честно. — Сделав это признание, Казуми усмехнулась. — Кто знает, может быть, если бы я была вашей сверстницей, ничего подобного со мной бы не случилось.

«Чего именно „не случилось“?» Тикако оставила этот вопрос при себе и постаралась как можно аккуратнее вернуться к обсуждению прежней темы:

— Само собой, нет ничего предосудительного в том, что нынешние девушки хотят реализовать свой потенциал и обрести финансовую независимость. Каждая эпоха диктует свои правила, верно?

Казуми покачала головой:

— Я не совсем это имею в виду. Мне нужна не только финансовая независимость — я хочу быть полностью свободной. Вы только что сказали, что у девушек вашего поколения выбора не было, а вы стали работать в полиции, потому что так сложились обстоятельства.

Тикако действительно никогда не могла себе позволить выбирать свое будущее, решать, чем она хочет и чем не хочет заниматься. *Свобода выбора* казалась ей непозволительной роскошью. Однако при этом ей никогда и в голову не приходило, что младшему поколению это отсутствие выбора может показаться желанным и что ровесница ее дочери однажды будет с завистью рассуждать о том, как, должно быть, легко жилось Тикако в те далекие времена.

— Я просто не хочу уподобиться собственной матери, — прямолинейно заявила Казуми. — Не хочу, как она, привязаться к одному мужчине, висеть у него на шее всю жизнь и пить из него кровь по капле, как блоха. Не желаю блуждать в тумане, жить чужой жизнью! Ни за что этого не допущу!

— Ты когда-нибудь говорила об этом с матерью?

Казуми удивленно уставилась на Тикако:

— Нет, конечно! Я бы никогда не посмела ей такое сказать!

— Ты боишься ее обидеть?

— Думаете, зря боюсь?

— Может, и зря. Может, у твоей матери совсем другой взгляд на вещи.

— Не говорите ерунды, — наморщила нос Казуми. — Если бы у мамы была собственная точка зрения хоть по какому-нибудь поводу, мне кажется, она не стала бы мириться с тем, что ее собственный муж изменяет ей направо и налево.

«Замкнутый круг, — подумала Тикако, — а в его центре — гнев Казуми и ее боль».

— Отец обожал читать мне нотации, считая себя многоопытным мудрецом. При этом ему и в голову не приходило обратить внимание на собственную жену, задуматься над тем, как он с ней поступает: ведь он постоянно предавал ее, а она ему все прощала и оставалась с ним, несмотря ни на что. Я смотрела на своих родителей и думала: «Что, черт возьми, они творят? Как они могут так жить?» Это всегда было выше моего понимания.

— Знаешь, детям часто трудно разобраться в отношениях своих родителей.

Взгляд Казуми немного просветлел.

— Как-то раз она мне тоже сказала что-то в этом духе.

— Кто, твоя мать?

— Да. Однажды после очередной отвратительной выходки отца я посоветовала ей подать на развод... Мне тогда, кажется, было лет четырнадцать.

— Ты уже тогда знала об изменах отца?

— Разумеется! Он ведь даже не пытался ничего от нас скрывать. Его любовницы регулярно названивали ему домой.

— Что тебе ответила мать?

— Она сказала, что дети не должны советовать родителям разводиться, что у отца много положительных качеств, что они по-прежнему муж и жена и никто не имеет права вмешиваться в отношения супругов, — все проблемы они должны решать только между собой. — Казуми принялась теребить край пластыря, которым был обмотан ее палец. — Я тогда подумала: «Вот это да! Можно подумать, мне все происходящее доставляет удовольствие. Не хотите, чтобы я вмешивалась, — не буду. Посмотрим, что из этого выйдет».

Тикако улыбнулась:

— Ты просто слишком мала, чтобы понять маму.

— Вы что, имеете в виду, что я пойму ее, когда сама выйду замуж? — Казуми закрыла глаза от ужаса и отвращения. — Так вот знайте, этому не бывать! Ни за что на свете! Я никогда не соглашусь стать чьей бы то ни было женой!

Конечно, в Казуми говорил подростковый максимализм. Она искренне верила в свое категоричное заявление со всей горячностью молодой души. Но, даже принимая во внимание особенности возрастной психологии, Тикако не могла не сделать один важный вывод: все трое членов семьи Токорода — Рёсукэ, Харуэ и Казуми — были несчастливы в основном по одной-единственной причине: их характеры оказались настолько несовместимы, что даже узы крови не могли удержать их вместе, и со временем семейное родство превратилось для них в тяжкое бремя, которое каждый из них нес как мог, страдая и заставляя страдать остальных.

Возможно, в будущем все могло бы наладиться: через некоторое время Казуми стала бы жить отдельно от родителей, а на расстоянии им всем наверняка оказалось бы легче поддерживать нормальные отношения. Только вот будущего у семьи Токорода уже не было.

Автор: Папа

18/09 00:19

Тема: Это я, твой папа

Привет, Казуми, это я, твой папа. Ты, наверное, удивлена? Не знаю, веришь ты мне или нет, но это правда я. Вчера я случайно узнал, что ты тоже бываешь на этом сайте.

Вот так совпадение!

Похоже, ты здесь уже со многими подружилась. Я вижу, что ты не боишься делиться своими самыми сокровенными мыслями и чувствами. И я наконец-то понял, что у тебя на душе.

Казуми, я искренне сожалею, что до сих пор мы с тобой не очень-то ладили. Если честно, я просто не понимал тебя, и вот теперь я наконец во всем разобрался. Я обещаю, что отныне мы с тобой будем больше общаться и даже постараемся подружиться. Может быть, когда-нибудь ты меня простишь за мои ошибки. Ты простишь меня, Казуми? Ты примешь своего раскаявшегося блудного отца?

Тикако постучала в дверь и вошла. Харуэ Токорода по-прежнему сидела за столом, на котором были разложены вещи ее мужа. Она подняла усталый взгляд на Тикако. Глаза вдовы покраснели от слез, в руке она сжимала платок.

— Ну как вы тут? — осторожно осведомилась Тикако. — Все уже разобрали?

— Да, — кивнула Харуэ и встала, торопливо вытирая глаза платком. — Простите, что я так долго провозилась. На меня вдруг нахлынули воспоминания...

Вещи, которые прежде ворохом лежали на столе, теперь были аккуратно разложены. Харуэ рассортировала их.

— Вот это — личные вещи мужа. А здесь то, что нужно вернуть в офис его компании.

Среди прочих мелочей на правой половине стола оказался какой-то шнур. Харуэ взяла его и спросила:

— Я подумала, что это ему тоже, скорее всего, выдали на работе, хотя я не уверена...

— Похоже на блок питания для ноутбука.

— Да, точно!

— У вашего мужа ведь был ноутбук?

— Да, но здесь его нет.

— Видите ли, он нам все еще нужен для проведения расследования. Тот, кто решил вернуть кабель без ноутбука, либо слишком ответственно подошел к своему делу, либо начисто лишен здравого смысла. — Тикако грустно усмехнулась.

Харуэ улыбнулась ей в ответ.

— Я совсем ничего не понимаю в технике, — призналась вдова. — Видно, это не для меня. Муж пытался научить меня пользоваться ноутбуком, но вскоре понял, что я безнадежна. Сам он заинтересовался компьютерами сравнительно недавно: молодые коллеги поначалу помогали ему разобраться, что к чему, но это уязвляло его самолюбие, так что в конце концов Рёсукэ решил завести ноутбук и освоить его самостоятельно.

Тикако тут же вспомнила замечание Минору насчет того, что господин Токорода лишь притворился, что он на «ты» с компьютером.

— Ваш супруг посещал компьютерные курсы?

— Нет, что вы, муж ни за что бы туда не записался. Он накопил целую гору книг по этой теме и поначалу просиживал у монитора ночи напролет.

— Когда это было, не припомните?

— Дайте подумать... Пожалуй, около двух лет назад.

Харуэ взяла со стола книгу, лежавшую среди прочих вещей, которые нужно было вернуть компании «Орион фудс». Судя по обложке, это был справочник начинающего пользователя сети Интернет.

— Вот, смотрите, тут стоит печать производственного отдела компании. Видимо, муж взял книгу в корпоративной библиотеке и забыл вернуть.

— Ну что ж, бывает.

Харуэ осторожно положила книгу на стол.

— Я хотела спросить, не найдется ли у вас, случайно, какого-нибудь пакета или коробки, чтобы сложить вещи? — спросила она.

Тикако пообещала раздобыть что-нибудь.

— К вам сюда кто-нибудь заходил? — поинтересовалась она.

— Да, молодая сотрудница принесла мне кофе. Почему вы спрашиваете?

— Да так. Мне не хотелось, чтобы вам здесь кто-нибудь мешал, — вот и все. К сожалению, процедура опознания, похоже, затягивается и Казуми придется задержаться здесь еще на какое-то время. Вы ее подождете?

Задав этот вопрос, Тикако посмотрела Харуэ прямо в глаза. Она хотела знать, сможет ли Харуэ выдержать ее взгляд.

Женщина не отвела глаза. Она смотрела на нее абсолютно спокойно — в ее взгляде читалась лишь забота о дочери.

— Я могу подождать? — спросила она.

— Разумеется. Я постараюсь найти для вас какое-нибудь место поуютнее.

— Меня вполне устроит этот кабинет. Я пока что могу упаковать вещи, но...

— Но?..

— Но неужели вы действительно думаете, что показания Казуми могут помочь следствию?

Тикако жестом пригласила Харуэ сесть. Осунувшаяся от горя женщина медленно и тяжело опустилась на стул.

— Вы по-прежнему об этом беспокоитесь? Я ведь вам уже сказала, что никто не собирается возлагать на вашу дочь ответственность за опознание преступника. Да, ее показания могут нам пригодиться, но мы ни в коем случае...

Харуэ замотала головой и прервала ее:

— Да-да, я все понимаю. Просто... Я даже не знаю, как сказать... Видно, материнскому сердцу не прикажешь...

Женщина явно хотела выговориться: эмоции переполняли ее и ей было нужно, чтобы кто-нибудь ее выслушал. Тикако терпеливо ждала.

— Пока я сидела тут и в очередной раз обдумывала все случившееся, я вдруг поняла, что вообще не верю Казуми — не верю тому, что она рассказала, ни единому ее слову.

— Как так?

— А вот так. Я не могу поверить в то, что она несколько раз видела мужа в компании незнакомых людей... Не один раз, а много раз... Мне кажется, она обозналась... Ей показалось... Ведь по поводу преследователя она тоже оказалась не права?

Тикако медленно кивнула:

— Я понимаю. Вас только это тревожит?

— Из-за ее рассказней о том, что за ней следят, полицейским пришлось охранять наш дом — мне до сих пор стыдно, как подумаю об этом. А теперь она опять якобы что-то вспомнила... Понимаете, если бы Казуми просто давала показания, я так не беспокоилась бы, но тут ведь речь идет об опознании возможных преступников... Вы наверняка потратили столько времени и сил, чтобы все это организовать, и, если в конце концов опять выяснится, что дочь солгала, я сгорю со стыда.

— Не переживайте, госпожа Токорода. Проведение расследований — наша работа, и мы обязаны рассмотреть все возможные версии, вне зависимости от того, насколько они надежны. Мы выполняем свой долг.

Произнося эту речь, Тикако вновь постаралась взглянуть в выражение лица Харуэ. И вновь ей не удалось заметить никаких признаков лжи или лицемерия. Похоже, женщина действительно говорила то, что думала.

«Быть матерью — печальная участь, — подумалось вдруг ей. — Мы, матери, не можем не грустить. Рано или поздно дети покидают нас. Дети перестают в нас нуждаться». Тикако захотелось поделиться этой мыслью с Харуэ, но она усилием воли подавила эмоции и ничем не выдала себя.

— Пойду поищу какую-нибудь коробку, чтобы вы могли сложить в нее вещи, — сказала она и направилась к выходу.

Коря себя за слабость, Тикако вышла в коридор: меньше всего на свете ей хотелось, чтобы Харуэ заметила, что с госпожой офицером что-то не так.

Когда раздался телефонный звонок, Минору и Рицуко подпрыгнули от неожиданности. Такегами несколько удивила столь нервная реакция.

Детектив Токунага взял трубку, поприветствовал собеседника, потом взглянул на Такегами.

— Да, Гами здесь, — сказал он.

Такегами сперва решил было, что звонят ему, но потом понял, что их вместе с Токунагой куда-то вызывают.

— Мы оставим вас здесь на некоторое время, — сказал он абсолютно спокойным голосом. — Думаю, без нас вам будет даже лучше.

Минору ехидно ухмыльнулся:

— Думаете нас провести? Мы же не маленькие — и ежу понятно, что вы будете за нами наблюдать.

Когда Такегами вышел, Рицуко спросила шепотом:

— Зачем им за нами наблюдать? Нас что, в чем-то подозревают?

Выйдя из кабинета, Токунага жестом велел Такегами следовать за ним. Они быстро зашагали по коридору и, свернув за угол, тут же натолкнулись на детектива Акидзу, который явно их там поджидал.

— Ну наконец-то! — недовольно проворчал он.

Акидзу распахнул дверь ближайшего кабинета, пригласил их войти и сам торопливо зашел следом. Странное тесное помещение, в котором они оказались, было полным-полно каких-то непонятных приборов и приспособлений.

— Что, черт возьми, происходит? — не выдержал Такегами. — Что-нибудь с Накамото? Его состояние ухудшилось? — Здоровье друга беспокоило его в первую очередь.

— Нет, не волнуйтесь, Нака чувствует себя так же, — поспешил успокоить его Акидзу. — Вас вызвали не поэтому.

— Они нашли! — сказал Токунага.

— Что именно? — спросил Такегами, прищурившись.

— Нашли куртку цвета «синий миллениум»!

Акидзу бросил сердитый взгляд на Токунагу:

— Эй, какого черта? Я сам хотел ему все рассказать. Зачем ты испортил мне все удовольствие?

— Перестань пороть чушь! — оборвал его Такегами. — Где именно ее нашли?

Акидзу гордо расправил плечи, свысока посмотрел на Такегами и важно сказал:

— Неподалеку от станции «Коэнджи». Там есть небольшой боулинг-центр, который недавно разорился и закрылся, — называется «Камикита боулинг». Куртку нашли в мусорном контейнере на заднем дворе этого центра.

Такегами попытался осознать полученные сведения и связать все воедино: «Коэнджи», боулинг-центр, мусорный контейнер...

— Заведение закрылось месяца три назад из-за проблем с кредиторами. Здание стояло заброшенным, а всякий мусор бывшие владельцы выгребли на задний двор и сложили в контейнер. Сегодня утром новые хозяева принялись прибирать территорию и... — Акидзу выдержал эффектную паузу. — И натолкнулись на ярко-синюю куртку. Она была вся в крови и, скорее всего, после стольких дней воняла как не знаю что. Сначала уборщики просто глазели на нее, раскрыв рот, а потом кто-то из них вспомнил, что видел в новостях репортаж об убийстве в Сугинами. В общем, у них хватило ума позвонить в полицию.

— Пока нашлась только куртка? Других улик нет?

— Нет, но судебные эксперты уже с ней работают.

— К мусорному контейнеру можно пробраться с улицы?

— Хм... Помойка находится позади боулинг-центра, от улицы ее отделяет железный забор. Мне кажется, любой мог забросить куртку в контейнер через забор.

Такегами медленно кивнул.

Токунага скрестил руки на груди и сказал:

— Мне кажется, это случилось как нельзя вовремя, правда? Пока, конечно, не совсем понятно, чем все обернется, но, по-видимому, упорство Накамото все же будет вознаграждено.

Такегами в задумчивости потер подбородок.

— Что ты собираешься делать, Гами?

— Думаю, тут не мне решать.

— Перекидывать ответственность на чужие плечи не в твоём стиле, — возмутился Акидзу. — Ты ведь не какой-нибудь слабак. За это я тебя и уважаю.

— Если честно, я трус до мозга костей. Симодзима что-нибудь говорил по этому поводу?

— При мне он упорно делал вид, что у него очень важный телефонный разговор, — буквально приклеился к аппарату намертво. А как допрос?

— Мы решили сделать перерыв. Акидзу, будь добр, позови Тикако Исидзу. Она сейчас, скорее всего, с женой убитого в переговорной на первом этаже. А я пока переговорю с Симодзимой.

— Будет сделано, — отрапортовал Акидзу и тотчас удалился.

Такегами и Токунага вышли в коридор.

— Вернись, пожалуйста, в кабинет, — попросил коллегу Такегами, — и ничего им не говори. Футигами тоже пока незачем знать.

— Понял.

— Никуда не выпускай их. Я рассчитываю на тебя.

— Не беспокойтесь, я не подведу.

Такегами направился в кабинет начальства. По дороге он встретил офицера Футигами. Девушка явно куда-то торопилась.

— Я в курсе последних новостей, — сказал он ей. — Случайно, не знаете, где Симодзима?

— У начальства.

В безупречно прибранном кабинете Тачикавы, кроме самого шефа, заседали еще капитан Симодзима и капитан Камия. С порога Такегами услышал слова Камия,

повторявшего недавнюю мысль Токунаги:

— Кажется, находкой этой куртки судьба решила вознаградить Накамото за упорство. Чего-чего, а упорства ему не занимать.

— Да уж, это случилось как нельзя вовремя — лично мне до сих пор не верится, — ответил Такегами. — В остальном все пока идет по плану...

Симодзима казался спокойным:

— Ну и как оно?

— Пока ничего определенного сказать не могу.

Тут вмешался Тачикава:

— Почему тогда вы говорите, что все идет по плану? Вы проторчали там уже два часа — и все без толку. Сейчас, когда у нас эта куртка, может, стоит остановить эксперимент?

— Если после нахождения куртки ситуация так резко изменилась, разумеется, можно прервать допрос, — согласился Такегами и осторожно поинтересовался: — А как подозреваемая А. восприняла новость?

— Мы ей пока не сообщили. Поскольку нам пришлось привлечь криминалистов, журналисты уже наверняка узнали о происшедшем, но еще не успели раструбить об этом. Сейчас три часа. Скорее всего, у нас есть время до выхода в эфир вечерних новостей. Не думаю, что из-за этого сообщения каналы станут прерывать другие передачи и транслировать экстренные репортажи.

— Подозреваемая А. может случайно узнать об этом от репортеров, которые постоянно крутятся вокруг нее.

— Это довольно легко устроить, чтобы посмотреть на ее реакцию. Что до экспертизы, то я не особо жду ее результатов, ведь куртку, как известно, нашли в мусорном баке. Да, на ней сохранились пятна крови, но никаких волос и отпечатков пальцев там, скорее всего, обнаружить уже не удастся. Можно попробовать по серийному номеру на ярлыке получить информацию о поставщике, партии товара, магазине и в конце концов выйти на покупателя, но для этого понадобится время.

Перебив остальных собеседников, Симодзима обратился к шефу:

— Если подозреваемая А., узнав о куртке, сразу не признается в убийстве, вряд ли можно считать, что в целом ситуация кардинально изменилась, ведь улики против нее у нас, в общем, не прибавилось.

Эти слова обрадовали Такегами. Симодзима, похоже, не собирался так легко отказываться от их общего плана:

— Подозреваемая А., случайно, не упоминала станцию «Коэнджи» в своих показаниях?

— До сих пор нет, насколько я знаю. Вам это название тоже не попадалось в бумагах по делу?

— Нет. Как вы думаете, стоит рассказать допрашиваемым о том, что куртка нашлась?

Шеф хотел было что-то сказать, но Симодзима опередил его:

— Разумеется! Думаю, это моментально сработает.

Тачикава в задумчивости наморщил лоб:

— Мне кажется, риск слишком велик. Даже если в результате вам удастся что-то выяснить, после предъявления обвинения адвокаты из нас всю душу вытрясут за применение недозволённых мер ведения следствия.

— Но мы же не собираемся никому лгать, так что проблем в суде у нас из-за этого не возникнет. Куртку ведь на самом деле нашли.

— Да, но...

— Мы хотим добиться признания. Даже более того, нам нужно, чтобы убийца сам сдался властям и раскаялся в содеянном, — ровным голосом констатировал Такегами. — Суперинтендант Касаи одобрил наш план, имея в виду именно такую цель.

— Вообще-то, я в курсе.

— Теперь, когда куртка нашлась, у нас гораздо больше шансов вывести преступника на чистую воду. Пожалуйста, позвольте нам продолжать.

Тачикава покраснел от напряжения:

— Но ведь мы по-прежнему не вычеркнули А. из списка подозреваемых? Почему тогда вы так уверены в своей правоте?

— Разумеется, я не могу ни в чем быть полностью уверен. Но тем больше у нас причин для того, чтобы попытаться как следует во всем разобраться.

— Думаю, к его мнению стоит прислушаться, — неожиданно произнес женский голос за спиной у Такегами.

Он обернулся. В дверях стояла Тикако Исидзу:

— Прошу прощения за вторжение. Я постучала, но, похоже, никто не слышал.

— Как там госпожа Токорода?

— Вроде бы ничего. Она решила дождаться Казуми.

— Хорошо, что она не присутствует при допросе.

— Она очень переживает за дочь. — Тикако посмотрела в глаза Такегами. — Я слышала новости про куртку. Я тоже считаю, что нам нужно действовать быстро и попытаться воспользоваться сложившейся ситуацией, чтобы узнать правду. Пожалуйста, позвольте нам довести дело до конца.

Такегами и Тикако одновременно поклонились шефу. Они понимали, что дальше убеждать его бессмысленно, оставалось лишь покорно ждать его решения. Даже если их непосредственный начальник не возражал против продолжения допроса, действовать вопреки приказу шефа полиции они не могли. Потом их за это точно бы наказали.

Тачикава сердито забормотал:

— Эта ваша операция под прикрытием мне очень не нравится.

Всем собравшимся позиция шефа была изначально ясна, и лишний раз напоминать об этом не имело особого смысла. Такегами и Тикако стояли склонив голову, не смея поднять глаза на начальство.

— Впрочем, пожалуй, бросать начатое на полпути все же не стоит, — уступил наконец Тачикава.

— Конечно, нужно довести дело до конца, — поддакнул Симодзима.

— Если в результате ничего не получится, мы поднажмем на подозреваемую А. и добьемся от нее признания, верно я говорю?

Тикако облегченно вздохнула. Такегами взглянул на часы: четверть четвертого. Пора снова приниматься за дело. Токунага там, наверное, уже с ума сходит.

Когда они вышли в коридор, капитан Камия вполголоса спросил Такегами:

— Ты еще не связывался с Тории?

— Пока нет. И от него тоже никаких новостей. Я велел ему оставаться на посту как можно дольше.

Детектив Тории служил в четвертом подразделении, которым руководил капитан

Камия, но на время проведения операции его передали в распоряжение Такегами и велели выполнять его поручения.

— Когда новость о куртке распространится, Тории, скорее всего, понадобится поддержка. Он не слишком сообразителен и во внештатной ситуации может наломать дров.

Детектив Тории в общем и целом был неплохой парень, хоть и жуткий тугодум. Из-за своей замедленной реакции он уже несколько раз вляпывался в разные неприятности. Зная за собой эту слабость, Тории, однако, всегда искренне хотел исправиться и загладить свою вину. Чтобы помочь бедолаге избавиться от дурной славы, Такегами решил дать ему шанс проявить себя.

— Может, послать Акидзу ему на подмогу?

— Этот задира его со свету сживет — своими шуточками он уничтожит остатки самооценки Тории, а заодно и провалит дело. Лучше я ему помогу, — решил Камия. — Быстрее и эффективнее все делать самому.

Такегами усмехнулся:

— Не бойтесь напрасно потерять время?

Уголки рта у Камия слегка дрогнули.

— Ты правда думаешь, что все наши усилия впустую?

— Нет, но еще буквально полчаса назад я сильно сомневался в нашей правоте. Честно говоря, если трезво взглянуть на имеющиеся факты, до сих пор до конца непонятно, насколько обоснованна гипотеза Накамото.

— Шефу, однако, ты об этом почему-то не сказал? Как это похоже на тебя, Гами! Узнаю твой осторожный оптимизм!

— На самом деле я согласен с тем, что вы сказали в кабинете начальства.

— По поводу того, что упорство Накамото наконец вознаграждено?

— Да, ведь действительно... Сколько времени мы искали эту куртку, и все напрасно. А тут вдруг она сама появляется из ниоткуда, причем в самый решающий момент! Как тут не поверить в Провидение!

— Возможно, ты и прав, — кивнул Камия и задумчиво улыбнулся. — Но если ты помнишь, на повышении квалификации инструктор говорил нам, что вера в сверхъестественное способна затуманить ум и навести на ложный след, а потому полицейским от нее только вред. Имей в виду!

— В последний раз меня отправляли повышать квалификацию лет десять назад. Зато за долгое время службы я очень многому научился у Накамото.

Капитан дружески похлопал его по плечу и сказал:

— Ладно, будем на связи, если что.

Камия отправился по своим делам.

— Пожалуй, нам тоже пора? — занервничала Тикако.

Она, безусловно, очень повзрослела, если не сказать — постарела, но в ее голосе и улыбке сохранилось что-то неуловимое, постоянно напоминавшее Такегами о далеком прошлом.

От кого: Мама

Кому: Папа

Тема: Спасибо за вчерашний вечер

Спасибо, что позвал меня вчера посмотреть новый дом. В какой-то момент я даже

представила, что мы с тобой и впрямь собираемся приобрести его, чтобы потом вместе там жить, — у меня стало так радостно на душе! Надеюсь, вскоре мы сможем продать старый дом и обязательно придумаем, как выплатить кредит, так что не переживай!

Знаешь, мне всегда было ужасно одиноко, и я не особо надеюсь на то, что в ближайшем будущем моя жизнь кардинально изменится. Именно поэтому ты мне так дорог, и именно поэтому мне так хорошо, когда мы с тобой проводим время вместе.

Я постараюсь не слишком тебе докучать, и я правда не хочу, чтобы у тебя были из-за меня проблемы. Однако, если ты сочтешь возможным когда-нибудь снова встретиться со мной, я буду очень рада.

Когда Такегами вошел в кабинет, Рицуко Кавара истерично хохотала. Минору Китадзё смотрел на нее с нескрываемым отвращением. С таким выражением лица он казался взрослым не по годам.

— Господин офицер, мне кажется, ваш подчиненный точно хочет моей смерти, — заливаясь диким смехом, едва выговорила Рицуко и показала рукой на Токунагу.

Тот сидел за столом с самым серьезным выражением лица.

— Простите, я, кажется, вошел без стука, — извинился Такегами.

Он сел за стол и надел очки. В наушнике раздался голос Тикако:

— Ну как? Продолжаем допрос? Казуми просит по возможности сделать так, чтобы Рицуко Кавара развернулась к нам спиной, наклонилась и шепотом вам что-нибудь сказала. Сумеете это проверить?

Такегами едва заметно кивнул и сразу перевел взгляд на папку с документами, лежавшую перед ним на столе.

— Так на чем мы остановились? — деловито осведомился он. — До сих пор мы с вами говорили только о трех членах вашего виртуального семейства: Папе, Казуми и Минору. — Он посмотрел на допрашиваемых, словно пытался что-то угадать по выражению их лиц. — Итак, вы втроем заходили на разные интернет-сайты, болтали на форумах и в чатах и обсуждали самые разные темы, но, насколько я знаю, этим дело не ограничивалось?

— Зачем вы нас об этом спрашиваете? Вы ведь изучили ноутбук господина Токорода вдоль и поперек и лучше нас знаете, чем мы занимались и чем не занимались! — огрызнулся Минору. — Что за дурацкая привычка у легавых задавать вопросы, ответы на которые им отлично известны?

— Мы переписывались по электронной почте и создали специальную интернет-страницу о нашей семье, куда, кроме нас, никто не имел доступа, а еще мы довольно часто чатились, ну, то есть обменивались сообщениями в режиме онлайн, — пояснила Рицуко. — Господин Токорода, наш Папа, завел для нас эту страничку и специальный чат.

— Когда это было?

— Когда? Минору, ты ведь должен помнить! — Рицуко слегка наклонилась вперед и тихо сказала: — Я не помню, честное слово.

Минору некоторое время обдумывал ответ.

— Кажется, Папа сделал это вскоре после нашего знакомства. Думаю, дело было где-то в конце октября.

— И с тех пор господин Токорода администрировал ваш сайт и чат?

— Да, но я не думаю, чтобы это стоило ему больших денег. В Сети полно бесплатных доменов.

— Значит, в определенном смысле Интернет стал «домом» для вашей «семьи»?

— Да, точнее и не скажешь.

— Теперь расскажите мне, пожалуйста, как к вам присоединилась Мама.

Рицуко как-то сразу погрузилась и, странно покосившись на Минору, ничего не ответила. Ее виртуальный Брат, казалось, не обратил на ее многозначительный взгляд особого внимания — он смело посмотрел прямо в глаза Такегами и сказал:

— Она как-то раз случайно забрела на нашу интернет-страницу.

— Это как?

— Ну, видимо, искала что-то в Сети. Наверное, набрала в поиске слово «семья» и оказалась на нашем сайте. Знаете, как это бывает, когда наступает Рождество и всем так хочется душевного тепла... — Минору пожал плечами и вдруг вызывающим тоном добавил: — Почему бы вам не узнать у нее самой? Она ведь тоже наверняка здесь. Хватит, черт возьми, тянуть кота за хвост — коту же больно!

— Пожалуй, вы правы. Мне действительно лучше расспросить Маму обо всем лично. Вы ведь согласны присутствовать при нашей беседе?

— Прошу прощения, господин офицер... — голос Рицуко дрожал от волнения, — как Минору уже говорил, лично я подозреваю эту женщину в убийстве...

Такегами терпеливо ждал, что девушка скажет дальше.

— Сразу после гибели господина Токороды я получила от нее письмо, в котором говорилось, что с Папой произошло нечто ужасное. И мне сразу подумалось, что, видимо, Мама его убила. Я до сих пор так думаю. Это ужасно... — Рицуко всхлипнула.

— И вы написали Маме ответ, спросив у нее, не она ли убила Папу?

Девушка вздрогнула:

— Почему-то когда вы об этом сейчас так просто и прямо говорите, сложившаяся ситуация кажется особенно отвратительной.

— Скажем так, ситуация не то чтобы отвратительная, но действительно довольно непростая.

— Да, мне было так сложно поверить в случившееся, что я потеряла голову и написала то сообщение, не задумываясь...

— Мы, знаете ли, не особо ладили, — вдруг вмешался Минору, словно решив вступить за Сестру. — В наших отношениях не все было гладко, причем с самого начала. Впрочем, вы ведь и сами об этом знаете? Вы читали нашу переписку и наверняка в курсе всего.

— Мы заметили, что вы, Минору, реже всех писали письма другим членам «семьи», — ответил Такегами, глядя в свои записи. — Сами посудите. Мы прочитали все ваши сообщения, начиная с того, которое вы отправили Казуми в январе, и заканчивая тем, которое было адресовано Маме двадцать шестого апреля, то есть всего за день до убийства Токороды. Вы написали последнее письмо около полудня — видимо, во время обеденного перерыва...

— Вам оно видней, — пожал плечами Минору.

— Господин Токорода поддерживал активную переписку с Мамой и Казуми, а вам, Минору, он посылал сообщения относительно редко — и с каждым месяцем все реже и реже.

— Дело в том, что мне быстро надоела эта дурацкая игра, — пояснил Минору. Потом добавил: — Я ведь не какая-нибудь девчонка вроде вон этой, чтобы бежать плакаться кому попало в Интернете, потому что жизнь дерьмо.

— Никому я не плакалась! — огрызнулась Рицуко.

— Хоть игра вам и надоела, на семейный совет третьего апреля вы все-таки пришли, не так ли?

— Это была наша первая встреча офлайн. Она же оказалась и последней. Да, я пришел на семейный совет. Из чистого любопытства. Очень хотел узнать, как выглядят члены нашего виртуального семейства в реальной жизни. Потому и пошел.

Такегами внимательно посмотрел на Минору из-под очков. Под его взглядом парень

сьежился и заерзал на стуле. Он положил ногу на ногу, потом опять поставил их рядом, потом вытянул их перед собой, громко скрипнув стулом.

— Пожалуй, я попрошу вас обоих на некоторое время покинуть кабинет. Мне нужно поговорить с Мамой наедине, чтобы сперва узнать ее версию происшедшего. Потом я снова приглашу вас сюда. Не возражаете, если какое-то время вам придется подождать в соседнем кабинете?

Рицуко сделала страшную гримасу:

— Эта стерва наверняка всякого про нас наплетет. Думаю, будет лучше, если мы будем при этом присутствовать.

— Я бы хотел сначала услышать ее показания.

Такегами пригласил охранника, чтобы тот проводил Рицуко и Минору в кабинет по соседству. Минору вышел в коридор первым, слегка шаркая ногами. Девушка последовала за ним, как вдруг Такегами окликнул ее:

— Рицуко, можно вас на секунду?

Она подошла к столу. Такегами жестом показал ей наклониться поближе и прошептал:

— Скажите мне, пожалуйста, только тихо: вы боитесь Минору Китадзё?

Рицуко испуганно уставилась на полицейского, потом шепнула в ответ:

— Да, если честно, то немного боюсь.

— Вы считаете его причастным к убийству?

— Ну, я...

— Я хочу, чтобы вы постарались не разговаривать с ним, пока будете в другом кабинете. Там с вами будет охранник, так что не бойтесь Минору и ничего ему не говорите, договорились?

— Договорились.

Рицуко кивнула и быстро вышла из кабинета, словно больше не могла там находиться.

Тикако внимательно следила за выражением лица Казуми. Девушка пристально смотрела сквозь зеркало на свою виртуальную тезку, время от времени покусывая губы.

— Знаете, мне кажется, я вспомнила, — пробормотала она наконец. — Думаю, именно ее я видела со спины на парковке возле супермаркета.

— Значит, это был не Минору Китадзё?

— Нет. Его я, возможно, видела на станции, хотя в этом я не уверена. Мне издали было не слишком хорошо видно, так что, может быть, на платформе с папой стоял кто-нибудь из коллег или соседей. Отец всегда активно участвовал в общественной жизни нашего района, его многие знали...

— Казуми!

Какое-то время девушка не реагировала, как будто не к ней, а к кому-то другому только что обратились по имени. Выражение ее лица стало совсем бессмысленным, взгляд блуждал по сторонам. Наконец она, собравшись с силами, вернулась к реальности и отреагировала на реплику Тикако:

— Что?

— Мне кажется, ты устала.

— Я? Нисколько! — Казуми поправила челку, упавшую на глаза, и решительно заявила: — Все в полном порядке. Я досмотрю допрос до конца. Пусть детектив немного поторопится и скорее позовет Маму.

Девушка потянулась к сумочке и достала оттуда щетку для волос. От резкого движения мобильник, лежавший у нее на коленях, соскользнул на пол. Казуми поспешно подняла его и крепко сжала в левой руке, а правой принялась быстрыми, сильными и даже какими-то агрессивными движениями расчесывать волосы.

Глядя, как красавица нещадно терзает свою шевелюру, Тикако с легким сочувствием заметила:

— Мы тебя здесь держим целый день — Татсуя, наверное, с ума сходит от беспокойства. Он знает, где ты?

Рука с расческой тут же замерла. Помедлив немного, Казуми ответила:

— Он недавно присылал мне сообщение.

— А, так это ему ты отвечала, — улыбнулась Тикако. — Теперь я понимаю, почему тебе так не терпелось отправить сообщение. Письмо от любимого человека может кого угодно заставить позабыть обо всем на свете.

Казуми молча закончила причесываться и принялась чистить щетку, извлекая застрявшие в ней волосы и бросая их на пол, видимо по привычке.

— Мне казалось, Татсуя днем на работе? — спросила Тикако для поддержания беседы.

— Да, он продавец в продуктовом магазине, — коротко ответила Казуми.

— Я думала, он работает на заправке.

— Он оттуда недавно уволился.

— Правда? Кто-то из моих знакомых говорил мне, что за ночные смены в магазине платят больше.

— По ночам Татсуя работает в другом месте.

— В баре, если не ошибаюсь? Какой он у тебя работающий!

— Хочет поскорее накопить денег, чтобы открыть собственное дело.

— Я об этом не знала, — сказала Тикако. Повернувшись к офицеру Футигами, она спросила: — Ты в курсе?

— Да, Казуми мне как-то говорила. Кажется. Татсуя хочет открыть кофейню или что-то вроде этого?

Девушка убрала щетку в сумочку и закинула ногу на ногу.

— Ему нужно сперва получить лицензию и набраться опыта. А еще понадобится довольно крупная сумма денег для залогового депозита.

— Ты собираешься ему помогать?

— Наверное, когда-нибудь это будет наш семейный бизнес, но пока что мне нужно закончить колледж. — Казуми накрутила прядь волос на палец и капризно сказала: — Вся эта болтовня не имеет никакого отношения к делу. Может, уже продолжим?

От кого: Рёсукэ Токорода

Кому: Йоши Мита

Тема: Прости

Мне ужасно жаль, но нам, видимо, придется отложить нашу встречу, назначенную на послезавтра. Как насчет следующей недели, например вечером 30 апреля?

Прости, мне действительно очень жаль, что так получилось. Я знаю, как непросто тебе было написать мне. Извини меня, пожалуйста.

— Садитесь, пожалуйста, — пригласил Такегами.

Женщине, появившейся на пороге, было около сорока. В строгом костюме болотно-зеленого цвета она казалась совсем худой и бледной. Минимум макияжа. На шее — нитка искусственного жемчуга. Наверное, так вполне подобало бы выглядеть какой-нибудь мамаше, явившейся в школу на родительское собрание.

— Спасибо.

Скошенный подбородок, бледные губы, глаза как щелки. Не красавица, что и говорить.

— Йоши Мита, если не ошибаюсь?

— Да, это я.

— Проживаете по адресу... префектура Сайтама, город Токорозава...

Такегами назвал улицу, номер дома и квартиры — женщина кивала на каждое его слово.

— Вы живете одна?

— Да.

— Не замужем?

— Нет.

— Работаете на предприятии «Чизука-электроинструмент»? Насколько я понимаю, тут указан адрес центрального офиса компании? — Такегами протянул ей какой-то документ.

— Да, это адрес главного управления в Токио. Я работаю в отделе персонала.

В отличие от Минору и Рицуко, Йоши Мита с самого начала держалась достаточно уверенно, как подобает взрослому человеку. Она не теряла самообладания, говорила спокойным, негромким голосом, тщательно подбирая слова. Явно сказывалась выучка офисного сотрудника, привычного к долгим официальным беседам по телефону.

— Чем занимается ваш отдел?

— Мы решаем кадровые вопросы, обрабатываем платежные документы по сверхурочным, рассматриваем запросы на предоставление жилья сотрудникам компании.

— Ясно. То есть в основном вы имеете дело с сотрудниками своего предприятия?

— Да. Мне кажется, кадровики везде занимаются приблизительно одним и тем же. — Тень улыбки скользнула по лицу Йоши.

Такегами пристально посмотрел ей в глаза и не мог про себя не отметить безусловного умения этой женщины накладывать макияж — ненавязчивый и почти естественный.

— Вы давно там работаете?

— Почти пятнадцать лет.

— Стало быть, вы опытный и незаменимый сотрудник?

Йоши Мита ничего не ответила и опустила глаза. Ее руки спокойно лежали на коленях. Такегами заметил аккуратный маникюр и оригинальное кольцо с небольшим камнем, похожим на яшму, на безымянном пальце правой руки.

— Извините, пожалуйста, — робко обратилась к следователю Йоши, — я хотела бы уточнить. Меня действительно вызвали сюда сегодня в связи с убийством Рёсукэ Токороды? — Ее голос при этом звучал спокойно и официально, будто она разговаривала не с полицейским, а с каким-нибудь банковским клерком или с одним из своих клиентов.

— Да, именно так.

— Тогда скажите, пожалуйста, вы подозреваете меня в совершении этого преступления?

Мне будет предъявлено обвинение?

— Почему вы так думаете?

Йоши Мита огляделась по сторонам:

— Мы ведь с вами находимся в кабинете для допросов?

— Да, вы правы.

— Я думала, полиция допрашивает только подозреваемых.

— Вовсе нет.

Краткость ответов Такегами, казалось, произвела неоднозначное впечатление на женщину. Она уже не выглядела такой спокойной и невозмутимой, как в начале беседы. Впрочем, именно этого Такегами и добивался — в интересах дела нужно было во что бы то ни стало заставить допрашиваемую утратить контроль над ситуацией.

— Когда мне пришла повестка из полиции, я... позвонила одному знакомому...

— И?..

— Я подумала, что, возможно, мне понадобится адвокат.

— Вы пригласили адвоката на сегодняшнюю встречу?

— Я его еще не наняла. Но мой знакомый сказал, что даст мне координаты хорошего юриста, если будет нужно.

Такегами молча пристально посмотрел на Йоши. Теперь она уже явно нервничала: то сжимала пальцы в замок, то разжимала, торопливо облизывала губы, часто моргала. Наконец женщина нашла в себе силы взглянуть на Такегами:

— Мне кажется, я знаю, почему вы меня подозреваете.

— Да? И почему же?

Йоши подняла правую руку и положила ее на сердце, словно собираясь в чем-то поклясться. Потом опять отвела глаза и затараторила:

— Мы с господином Токородой просто дружили. Я познакомилась с ним в Интернете. Поскольку вы вышли на меня, думаю, вы изучили нашу переписку.

— Самым тщательным образом, — ответил Такегами, снимая очки и потирая переносицу. — Нам также известно, что в Интернете у вас была виртуальная семья.

Йоши Мита прикрыла глаза:

— Стало быть, Казуми и Минору... Ну да, конечно, их вы тоже наверняка вызвали на допрос...

Такегами ничего не ответил.

Йоши еле слышно проговорила:

— Но ведь эти двое уверены, что я убила господина Токороду. Наверняка они вам так и сказали.

— От них самих я ничего подобного не слышал. Но, насколько я знаю, в ответ на письмо, которое вы послали Казуми сразу после того, как узнали о гибели господина Токороды, она напрямую обвинила вас в убийстве, верно?

Йоши закрыла лицо руками.

Казуми Токорода тем временем опять схватила телефон и принялась не глядя строчить очередное сообщение. Выражение лица у нее при этом было встревоженное и напряженное. Отправив послание, она не мигая уставилась на дисплей аппарата.

Тикако терпеливо подождала, пока Казуми не закончит возиться с телефоном, а потом спросила:

— Опять пишешь ему?

— А? — Казуми вздрогнула от неожиданности, словно вопрос Тикако застал ее врасплох. — Да. Извините меня. Я просто не хочу, чтобы Татсуя волновался. Вы ведь меня понимаете?

В кабинете для допросов Йоши Мита по-прежнему сидела, закрыв лицо руками. Такегами молча смотрел на нее.

— Теперь ты знаешь, как выглядят все трое, — произнесла Тикако.

Казуми взглянула на Маму еще раз:

— Эта на первый взгляд кажется вполне уравновешенной.

— Да, мне кажется, она могла бы быть хорошей матерью.

— Пожалуй. Она, конечно, явно не в папином вкусе, но для их игры в дочки-матери, думаю, трудно было бы найти кого-нибудь лучше. А в Интернете к тому же внешность не так уж и важна. — Казуми вдруг скорчила ехидную рожицу. — Наверняка синие чулки, вроде этой Йоши, ловят кайф от общения в Интернете, потому что там их никто не знает и не видит. Я уверена, что в Сети у нее совсем другой имидж, — там она вся такая уверенная в себе, раскрепощенная, ну, вы меня понимаете? — Не дождавшись от Тикако ответа, девушка немного помолчала, а потом спросила: — И долго он собирается молча любоваться ее страданиями? Она ведь, кажется, плачет?

Такегами прокашлялся и обратился к Йоши:

— С вами все в порядке?

Женщина подняла голову, одной рукой слегка прикрывая глаза. Уголки ее губ подрагивали.

— Я хотел бы задать вам несколько вопросов, если вы не против, — продолжал Такегами. — Насколько мне известно, вы случайно наткнулись на сайт виртуальной семьи, которым к тому времени уже активно пользовались остальные ее члены, верно?

Йоши кивнула несколько раз подряд.

— Когда это произошло?

— В конце прошлого года. Где-то в середине декабря.

— Вы им сразу написали?

— Нет... Какое-то время я просто следила за их перепиской... Наверное, с неделю.

— Взяли на себя роль «молчаливого наблюдателя»?

— Да, пожалуй, так. Я просто читала их сообщения.

— Вам понравился сайт и вы решили присоединиться к общему веселью?

Йоши отвела руку от глаз — стало видно, что у нее слегка размазалась тушь.

— Я бы, пожалуй, не назвала это весельем...

— Что вы думали об этих людях? Вы поверили в то, что это на самом деле папа с дочерью и сыном?

— Разумеется, нет. — Женщина устало покачала головой. — Я с самого начала знала, что это лишь игра.

— Почему вы так решили?

— Потому что это было слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Такегами хмыкнул:

— Не совсем понимаю, что вы имеете в виду.

Йоши слегка откинулась на спинку стула.

— Я прочел все сообщения на том сайте, просмотрел форум и не нашел там ничего, что заставило бы меня подумать, будто члены этой семьи на самом деле — абсолютно чужие друг другу люди, — сказал Такегами. — Насчет писем, которые вы слали друг другу по электронной почте, я этого, конечно, сказать не могу: там все кое-где перебарщивали и переигрывали, но в целом...

Йоши перебила его:

— Господин Токорода и я... мы...

— Мы поговорим о ваших отношениях чуть позже. Сейчас я хотел бы знать, почему вы сразу решили, будто отношения между этими троими «слишком хороши, чтобы быть правдой».

— Наверное, догадалась по содержанию их переписки... По манере...

— А если точнее?

— Ну, например, — Йоши возвела глаза к потолку, видимо припоминая точные формулировки, — когда Казуми пожаловалась Папе, что ее средний балл успеваемости за год понизился, Папа ей сразу ответил и принялся ее утешать. Его письмо было проникнуто теплотой и заботой. Дочь написала ему, что ее вызвали на педсовет, а он ответил, что если там речь пойдет о ее планах на будущее и поступлении в колледж, то он непременно хотел бы присутствовать. А теперь подумайте сами, бывают ли в природе такие идеальные отцы?

— Ну, я не знаю. На свете всякое случается, все люди разные. Я бы не слишком удивился, если бы выяснилось, что некоторые родители на самом деле любят и понимают своих детей.

— Да, чудеса иногда имеют место быть, но тем не менее! — В голосе Йоши послышались нотки раздражения. — Пожалуй, мне вам даже и не объяснить. Если вы сами не чувствуете, насколько фальшиво звучит каждое слово и каждая строка в этих сообщениях, мне вряд ли удастся вас переубедить.

— Как бы то ни было, вас эти трое явно заинтересовали, — невозмутимо продолжал Такегами, — и вы решили присоединиться к ним, взяв на себя последнюю оставшуюся роль — роль Мамы. Вы ведь, кажется, так и представились с самого начала?

— Да.

— И вы ничем не дали остальным понять, что вступаете в игру, полностью осознавая, что все это понарошку?

— Так оно и было.

— Что вы написали в первом сообщении?

— Кажется, что-то в таком духе: «Ну и ну! А я-то все ломала голову, почему это вас всех в последнее время от компьютеров за уши не оттащишь? Вот вы, оказывается, чем занимаетесь! Я тоже, пожалуй, к вам присоединюсь, если вы не против».

— Ваше сообщение ведь тоже довольно трудно принять за чистую монету, вам не кажется?

— Я и не собиралась никого обманывать. Говорю вам, на этом сайте все были подчеркнуто милыми и любезными друг с другом, и как раз эта чрезмерная душевная теплота казалась неестественной и фальшивой. Они меня сразу приняли в «семью», ответили мне: «Мам, мы тебя давно ждали!» — и все такое. Никто не верил в реальность этих отношений — и именно поэтому мы так увлеклись нашей игрой.

— Неужели игра может заменить реальность?

— Пожалуй, да.

Такегами оперся локтями на стол и слегка наклонился вперед:

— Но ведь в реальной жизни вы тоже встречались, не так ли? Третьего апреля все члены вашей семьи впервые увидели друг друга. Так ведь было дело?

Йоши заметно помрачнела.

— Если ваша виртуальная игра так забавляла вас, даря вам радости, недоступные в реальной жизни, почему вы вдруг решили встретиться? Разве личное знакомство не покончило бы с анонимностью всех героев игры, лишив ее загадочности и непредсказуемости и ограничив ваше воображение?

Йоши сжала пальцы в кулаки и стиснула зубы. Когда она вновь заговорила, от напряжения ее голос зазвучал на тон выше, чем раньше:

— Мы решили, что игру пора заканчивать, и именно поэтому захотели встретиться.

Такегами удивленно поднял брови:

— Однако, насколько я знаю, после вашего семейного совета игра не закончилась. Вы продолжали слать друг другу сообщения, не так ли? Господин Токорода, например, написал письмо Казуми, что семейный совет ему очень понравился и что надо бы опять как-нибудь договориться о встрече.

Йоши смутилась.

— Лично мне никто об этом не писал, — уклончиво ответила она. — Я видела на форуме сообщение Казуми о том, как она была рада всех видеть, и только.

— Вы уверены, что кто-то, кроме вас, собирался прекратить эту «игру», как вы выразились?

— Почему вы думаете, что только я этого хотела? Что вы вообще такое говорите? В чем вы меня обвиняете? — Правой рукой она принялась тереть лацкан пиджака.

— Мне кажется, вы мечтали закрутить роман с господином Токородой. Возможно, вам это даже удалось. Вы хотели стать его любовницей, верно?

У Йоши задрожали губы. Она испуганно уставилась на Такегами:

— Вы наверняка сами знаете ответ на свой вопрос.

— Казуми и Минору мешали вам сблизиться с Токородой, а вы стремились быть с ним, только с ним, ведь так?

Йоши опустила голову.

Такегами продолжал наступление:

— Рёсукэ Токорода был женат. Он не собирался разрушать свою семью ради вас, и вы это отлично понимали. Вы ездили с ним смотреть на новый дом, который он собирался купить вместо старого, чтобы потом переехать туда с женой и дочкой. И на следующий день после поездки вы написали ему письмо, в котором говорилось, как вам понравился вечер накануне, как вам было радостно, когда вы представили, что выбираете дом, чтобы жить там вместе с господином Токородой. Разве не так? И именно в том недостроенном доме, который вы тогда посетили, вскоре произошло убийство. Именно там ваш возлюбленный умер от многочисленных ножевых ранений.

Йоши по-прежнему молчала.

— Вы, наверное, мечтали разрушить все преграды, отделяющие виртуальный мир от реального. Вы хотели на самом деле быть его женой. И как только ваши намерения, точнее, ваши злые умыслы стали очевидны для прочих членов «семьи», Минору принялся насмеяться над вами и постепенно стал отдаляться от остальных. Он все реже писал на

форуме и слал сообщения. Вы, я думаю, это тоже заметили?

Йоши несколько раз нервно моргнула и опустила глаза. В остальном ее лицо сохраняло неподвижность маски.

— А Казуми спросила вас, не вы ли убили господина Токороду, потому что тоже отлично знала, что вас уже давно не удовлетворяют все эти виртуальные игры в дочки-матери. Да, Минору и Казуми подозревают вас в убийстве. Я только что говорил с ними в этом самом кабинете, и они обо всем мне рассказали. Они оба считают, что вы могли убить Рёсукэ Токороду и Наоко Имаи, девушку, с которой у вашего кумира был роман.

— Я никого не убивала! — сказала Йоши, не поднимая глаз. Она продолжала судорожно моргать. — Я бы ни за что не смогла убить господина Токороду, а Наоко Имаи я вообще никогда в жизни не видела.

Такегами подождал, пока женщина не придет в себя. Он немного полистал протоколы, порылся в своих папках, достал какой-то лист бумаги, прочел написанное на нем и продолжил допрос уже гораздо более спокойным и выдержанным тоном:

— Где вы встречались третьего апреля?

— Что, простите?

— Где проходил ваш семейный совет?

Йоши потребовалось какое-то время, чтобы понять, что допрос перешел на следующий этап.

— Мы сперва договорились встретиться на станции...

— У восточного выхода из станции «Синдзюку» в два часа, если не ошибаюсь?

— Д-да... Вы ведь наверняка читали нашу переписку и в курсе всего. Мы обсуждали место и время встречи в чате.

— В качестве опознавательного знака каждый из вас должен был нести в руке интернет-журнал, так?

— Ага.

— Но вы ведь не могли долго стоять у выхода из станции и болтать? Наверное, вы куда-нибудь пошли все вместе?

— А, вот вы о чем... Да, мы отправились в какую-то кофейню...

— Не помните, как она называлась?

— Нет. Нас туда пригласил господин Токорода. Это совсем недалеко от станции.

— Вы туда пошли все вчетвером?

— Да, все вместе.

— И как вам оно?

— Вы о чем?

— Ну, как вы себя ощущали в «семейном кругу»? Что вы почувствовали или подумали, когда встретились с теми, с кем до тех пор общались лишь в Интернете? Тяжело вам с ними было или, наоборот, легко?

— Да, я поняла ваш вопрос... — Йоши кивнула и почему-то облегченно вздохнула. — Минору и Казуми оказались совсем юными — я поняла, что и впрямь им в матери гожусь.

— А как вел себя господин Токорода? Как он отнесся к тому, что вы захотели сблизиться с ним и на самом деле стать его женой?

Йоши промолчала.

— Вы сразу понравились друг другу и поняли, что могли бы быть отличной парой? По крайней мере, вам хотелось бы верить, что он тоже так подумал?

— Господин офицер, мне кажется, вы задаете слишком много навоящих вопросов, пытаюсь добиться от меня желаемого ответа.

— Разве?

— Конечно. Вы ведь хотите, чтобы я признала, что так оно и было на самом деле. Вы хотите, чтобы я сказала, что мечтала завести роман с господином Токородой. Разве не этого вы добиваетесь?

Такегами проигнорировал ее замечания. Он медленно перевернул страницу и задал следующий вопрос:

— Двадцать первого апреля вам пришло письмо от господина Токороды. Он написал вам с работы и попросил перенести вашу встречу на следующую неделю, на тридцатое апреля.

Йоши заерзала на стуле:

— Да, я помню это письмо, хотя точных дат, разумеется, не помню, так что вряд ли могу однозначно подтвердить эту информацию.

— В этом письме было кое-что гораздо более значимое, чем дата его отправки, — продолжал Такегами. — Дело в том, что господин Токорода впервые написал вам под своим настоящим именем и адресовал его вам, Йоши Мита. Папа и Мама перестали существовать. Вы стали самими собой. С чего бы вдруг?

Йоши отодвинула стул, на котором сидела, немного подальше от стола, словно хотела убежать от вопроса, который ей, похоже, не понравился.

— Не знаю. Видимо, он так написал, потому что к тому времени мы уже знали настоящие имена друг друга. Если честно, я тогда не обратила на это особого внимания.

— Не обратили внимания? А лично я решил, что это письмо ознаменовало начало новой стадии отношений между вами — реальных отношений между Рёсукэ Токородой и Йоши Мита.

— Мне кажется, вы сделали слишком далеко идущие выводы.

— Двадцать третьего апреля у вас с ним было назначено свидание, не так ли?

Женщина опять промолчала.

— На этот раз ни о каком семейном совете речь уже не шла?

Йоши пробормотала что-то нечленораздельное.

— Что? Простите, я не понял, что вы сказали.

— Я сказала: это не ваше дело!

Такегами решил, что пора снова менять тактику:

— Хорошо, давайте вернемся к событию, которое произошло третьего апреля. Вам понравилось, как прошла встреча с членами «семьи»?

— В целом да.

— И после семейного совета вы ездили с господином Токородой смотреть строящийся дом, в котором потом произошло убийство?

— Да... К сожалению, я не помню точно, когда это было.

— Стройка, куда вы ездили, находится всего в десяти минутах ходьбы от старого дома господина Токороды. На машине или на велосипеде там вообще рукой подать. Вы не боялись наткнуться на его жену или дочь?

— Ну, мы ведь встретились в рабочий день вечером. Это не то что я взяла бы и увела его из семьи в субботу или в воскресенье.

— Странная логика.

— Я всего лишь сопровождала его, ничего более. Господин Токорода сказал мне, что очень щепетилен в выборе недвижимости. Он хотел посмотреть на свой новый дом в разное время суток, при разной погоде, в разное время года. Он часто навещался на стройку. Иногда заезжал туда по пути с работы. Когда я получила от него письмо, в котором говорилось, что он снова туда собирается, я попросилась с ним.

— В котором часу это было? После осмотра стройплощадки вам ведь было нужно вернуться на станцию «Сугинами» и потом доехать до Токорозавы.

— Было не так уж поздно. Кажется, около девяти.

— Значит, кто-нибудь из прохожих или тамошних жителей мог видеть вас вместе?

Голос Йоши вновь зазвенел от злости:

— Ну и что в этом такого? Мне нечего стыдиться!

Такегами молча смотрел на женщину до тех пор, пока она не успокоилась. Потом ровным тоном спросил:

— Вы не будете против, если я сейчас приглашу сюда Минору и Казуми?

— Все это очень и очень странно, — пробормотала настоящая Казуми.

— Что именно? — спросила Тикако, немного развернувшись к ней.

— Да вы только посмотрите на нее! — Девушка показала на Йоши по ту сторону зеркала. — По мне, так эта особа гораздо больше похожа на убийцу, чем та несчастная девчонка, которой вот-вот предъявят обвинение. Вы со мной не согласны? Те двое тоже считают, что она во всем виновата. И до сих пор никто как следует не проработал эту версию. А между тем бедная подозреваемая А. безрезультатно отбивается от папарацци, которые ей буквально проходу не дают.

Тикако посмотрела на ту, кого так яростно обвиняла Казуми. В профиль Йоши Мита казалась еще невзрачнее — особенно портила дело скошенная линия подбородка.

— Полиция действительно считает эту женщину непричастной к делу? Или ведется какое-то тайное расследование, результаты которого пока не разглашаются?

— Кажется, до сих пор ее причастность к преступлению не доказана.

— То же самое можно сказать и о подозреваемой А.

— Да, но в отличие от нее Йоши Мита не была знакома с Наоко Имаи.

— Наверняка отец рассказывал ей о своей малолетней пассии, — хладнокровно заметила Казуми. — Думаю, она знала о Наоко с его слов. Они ведь проводили время вдвоем. К тому же ездили в тот дом, где произошло убийство. Наверное, папа ей нагрубил или как раз тогда и рассказал о своей молоденькой подружке.

— Казуми! — Тикако прервала разглагольствования девушки и внимательно посмотрела на нее.

Та замолчала, но не повернулась к ней, продолжая разглядывать Йоши.

— Ты действительно веришь, что твой отец мог так поступить?

— Как поступить?

— Ну, рассказать этой женщине о том, что у него роман с Наоко Имаи.

— Я бы не удивилась, если бы он это сделал, — сквозь зубы процедила Казуми. — Я прямо вижу, как эта старая дева липнет к моему папаше, а его передергивает от ее объятий и он, чтобы отделаться от нее, говорит, что у него уже есть одна любовница и больше ему пока не надо. Наверняка так все и было.

— И ты считаешь, что после этого Йоши Мита решила избавиться от соперницы?

— Неплохо соотносается для сотрудника полиции.

— Но если даже все было именно так, зачем эта женщина, разделавшись с Наоко, убила еще и твоего отца? Причем как раз тогда, когда после стольких испытаний путь к счастью с ним для нее оказался свободен?

— Наверное, папа отшил ее.

— Ты имеешь в виду, что он отказался быть с ней?

— Да, именно это я и имею в виду. Он отшил эту каргу. Ему всегда нравились девчонки помоложе. На такую старушку он бы второй раз и не взглянул. — Казуми пренебрежительно махнула рукой. — Папин отказ наверняка окончательно снес бедняге крышу. Она-то ведь, дура, думала, что наконец-то нашла себе любовника, — злобно нахмурившись, ехидничала Казуми. — Прикидывалась несчастной, чтобы ее пожалели: «Ах, мне всегда было ужасно одиноко!» Ежу понятно, что, когда у нее появился шанс заполучить мужчину, хотя бы и женатого, она пустилась во все тяжкие и окончательно потеряла голову.

— Но ведь, если это правда, твоя мать могла стать ее следующей жертвой? — тихо сказала Тикако.

Казуми моргнула:

— Что?

Она наконец развернулась к Тикако и удивленно воззрилась на нее.

— Допустим, Йоши расправилась с Наоко, чтобы быть с твоим отцом. Но после этого у нее на пути к счастью с любимым явно оставалось еще одно препятствие: его жена, госпожа Токорода. Твоя мать.

— Пожалуй, вы правы, — пожала плечами Казуми.

В вырезе ее топа мелькнули изящные ключицы.

— Может, ей и впрямь грозила опасность.

— Ты так спокойно об этом говоришь?

Девушка отвела глаза.

— Но ведь ничего страшного не произошло? — попыталась оправдаться она. — Кстати, а где сейчас мама?

— Она ждет тебя внизу.

— Скажите ей, что она может меня не ждать. Пусть идет домой. — Казуми взглянула на дисплей телефона, видимо, чтобы узнать, который час. — Ой, уже совсем поздно! Полпятого. Кажется, я устала. Сколько еще будет продолжаться допрос?

— Нам нужно понять, что ты думаешь по поводу Йоши Мита. Ты ее где-нибудь уже видела? Она похожа на кого-либо из тех, с кем ты встречала отца?

На лице Казуми отразилось искреннее удивление. По-видимому, девушка совсем позабыла о том, зачем она, собственно, была сюда приглашена.

— Ах да, вы же меня как раз за этим позвали. — Она подошла к зеркалу. — Знаете, на ее счет я совсем не уверена. Мне почему-то кажется, что тогда, под окнами нашего дома, я видела женщину, похожую на Йоши, но, *возможно*, мне это только кажется, потому что я слышала то, что она только что рассказывала. Понимаете, о чем я?

«А эта красотка неплохо соотносается!» — с восхищением подумала Тикако.

— Думаю, вне зависимости от того, опознаю я ее или нет, если она убила отца, вскоре все выяснится, ведь правда? Похоже, она на грани нервного срыва — вот-вот во всем сознается. Если честно, поначалу мне казалось, что этот сержант слишком добродушен и не сможет ничего добиться от допрашиваемых, но в итоге, надо сказать, он сумел-таки найти

подход к этим странным типам. В общем, не так уж он и плох!

— Это ты о Такегами?

Тикако попыталась улыбнуться, но улыбка вышла какая-то неубедительная. Глядя на четко очерченные пухлые губки красавицы Казуми, она пыталась представить, как с этих же самых губ, искривленных ненавистью и злобой, совсем недавно слетали слова: «Я убью того, кто это сделал! Клянусь, я отомщу за смерть отца!»

От кого: Казуми

Кому: Минору

Тема: Как дела?

привет, минору, как дела? я до сих пор не могу прийти в себя. ты, случайно, не общался с мамой? она совсем чокнулась и ненавидит нас. я с ней больше не разговариваю и на письма ее отвечать не собираюсь.

папы нет уже тринадцать дней. как летит время! мне до сих пор не верится. знаешь, чем я занимаюсь? отмечаю в календаре крестиком каждый день, который прошел без него и прошел впустую, потому что его убийца до сих пор не найден. все время хочется плакать, хотя в моей жизни с виду вроде бы все как прежде: иногда мне даже кажется, что, если я напишу папе письмо, как в старые добрые времена, он мне обязательно ответит. господин токорода действительно очень много для меня значил! он был моим *папой*. я так рада, что нашла его. правда, нам было весело всем вместе? неужели это конец? за что мне это — я же вроде не сделала ничего плохого? я не знаю, кто убил папу, но это однозначно не я и не ты. вот насчет мамы я не уверена...

ответь мне, пожалуйста. я писала тебе вчера и позавчера тоже, а ты куда-то пропал, мне одиноко и страшно. может, встретимся?

От кого: Минору

Кому: Казуми

Тема: Прощай

имей в виду, я пишу тебе в последний раз — впредь больше писать не намерен. думаю, мама злится, потому что легавые, похоже, всерьез взяли ее в оборот. она сказала мне, что ты наплела им всякого, наврала про нее с три короба, нафантазировала такого, чего и близко не было. в общем, у нее зуб на тебя, а не на меня; так что насчет «ненависти к нам» — это ты зря обобщаешь. ненавидит она только тебя. усекла?

мама говорит, что, когда токороду убили, она была в осаке на повышении квалификации. в общем, у нее алиби, и она по-любому вне подозрений. вот только из-за постоянных повесток в полицию и вызовов на допросы ее начальство теперь косо смотрит на нее и, возможно, ей грозит увольнение, чему она, само собой, не особо рада. она сказала мне, что надеялась избежать скандала, ведь ее имя не было предано огласке в газетах и телерепортажах, но в конце концов выяснилось, что ее компания слишком дорожит своей репутацией, чтобы позволить сотруднику, заподозренному в убийстве, сохранить должность и продолжить работать как ни в чем не бывало. лично мне все это до смерти надоело. ты читаешь газеты? нынче они опять пишут, что основная подозреваемая — эта некая А. уж не знаю, кто она. как бы то ни было, наверняка ее скоро арестуют, и дело с концом.

не могу сказать, что испытывал к токороде такую же щенячью любовь и преданность, как ты. девчачьи сантименты мне не свойственны, как ты знаешь, и я всегда относился к

папе со здоровым скептицизмом. я с самого начала честно писал ему все, что о нем думаю, так что, мне кажется, вполне имею право продолжать говорить правду о нем и после его смерти.

что до подозреваемой А., то мне ее немного жаль. бедная дуручка, попалась ни за что ни про что! смотри, будь осторожнее, не то и тебя ждет ее участь. отныне не желаю иметь с тобой ничего общего. история казумы и ее младшего братца минору подошла к концу. прощай!

Не успели Казуми и Минору занять свои места в кабинете для допросов, как зазвонил телефон. После второго звонка Токунага взял трубку:

— Гами, это вас.

Такегами подошел к его столу, миновав троих допрашиваемых, и ответил:

— Слушаю.

— Это я, Тории, — донесся сквозь помехи знакомый голос. — Хотел тебе кое-что сообщить.

— Давай, — ровным тоном ответил Такегами. — Что там у тебя?

С Тории они заранее договорились, что в том случае, если Такегами будет неудобно разговаривать, он пожалуется на боль в животе и под этим предлогом прервет беседу. Тории, однако, несмотря на отсутствие условного сигнала, быстро зашептал в трубку:

— Накамото был абсолютно прав! Парень вот-вот обделается от страха!

— Ясно. — Голос Такегами звучал спокойно и бесстрастно, хотя внутри у него все переворачивалось от волнения. Нужно было держать себя в руках, не давать воли эмоциям.

Такегами почувствовал на себе подозрительные взгляды Рицуко, Минору и Йоши. «Интересно, какое сейчас выражение лица у Казуми Токорода там, за двусторонним зеркалом? Что она чувствует, наблюдая эту сцену?» — подумалось полицейскому.

— Камия сказал, что куртку нашли. Репортеры вроде еще об этом не пронюхали. По крайней мере, по радио в новостях не говорили, так что, скорее всего, мой подопечный пока тоже не в курсе.

— Скорее всего.

— Твоя тройца тоже ничего не знает?

— Нет.

— Скоро им расскажешь?

— Да.

— Если парень дернется, дам знать.

— Понял. — Такегами положил трубку и вернулся на свое место.

Рицуко Кавара испытующе посмотрела на него и спросила:

— Какие-нибудь новости по нашему делу?

Такегами надел очки и строго сказал:

— Вообще-то, нам есть еще чем заняться, кроме расследования обстоятельств смерти господина Токорода.

— Да-да, конечно, — понимающе кивнула она и принялась болтать ногами, как маленькая девочка.

Такегами показалось, что, несмотря на всю свою кажущуюся непосредственность, Рицуко нервничает больше остальных и может в любой момент сорваться.

Атмосфера в кабинете для допросов накалилась. Такегами казалось, что воздух обрел вес и давит на него каждой своей молекулой. Его словно заперли в помещении, доверху набитом влажной липкой ватой. Чтобы выбраться, нужно было во что бы то ни стало держаться.

Йоши Мита неприязненно взглянула на своих «детей» и демонстративно отодвинулась от них подальше. Она расположилась немного в стороне, повернувшись к ним боком.

Минору Китадзё смерил ее презрительным взглядом и, насупившись, спросил Такегами:

— Ну как, вам удалось добиться от нее признания?

Йоши вскочила как ужаленная. Ее дорогой клатч соскользнул с коленей, упал и растянулся. Из него высыпались всякие мелочи: кошелек, мобильник, записная книжка в розовой обложке... Сконфузившись так, словно окружающие увидели не содержимое сумочки, а нижнее белье ее обладательницы, женщина принялась торопливо заталкивать все обратно.

— Вы в порядке? — осведомился Такегами.

— В-вроде да... — запинаясь, ответила она.

Полицейский подождал, пока женщина не сядет на место, и продолжил допрос:

— Непохоже, чтобы вы друг по другу особенно соскучились.

На его замечание никто не отреагировал.

— Теперь, когда все в сборе, я хотел бы поделиться с вами последними новостями.

Все трое насторожились и не без интереса посмотрели на него.

— Мы нашли куртку цвета «синий миллениум».

На лицах собравшихся отразилось неподдельное изумление. Все они были по-настоящему сильно удивлены.

Такегами посмотрел на Минору Китадзё поверх очков и продолжил свой монолог:

— Вы наверняка слышали в телерепортажах, что полиция ищет эту редкую импортную вещь, которую, по-видимому, носил убийца Наоко Имаи и Рёсукэ Токороды. До сих пор в нашем распоряжении были лишь волокна материи, найденные на телах жертв, и мы не знали, во что именно был одет преступник: в жилет или куртку. Теперь мы точно знаем, что это куртка.

— Почему вы *мне* все это говорите? На что вы намекаете? — возмутился Минору, вскакивая со стула.

— Я рассказываю об этом всем здесь присутствующим.

— Черта с два! Вы смотрите в упор на меня! Как будто женщины не носят куртки. Еще как носят!

Выдержав эффектную паузу, Йоши Мита не преминула заметить:

— Разумеется, носят, только вот та канадская фабрика, на которой была сшита куртка, специализируется на производстве мужской одежды. Об этом говорили в новостях.

— А тебя вообще не спрашивали! — гаркнул Минору и со злости изо всех сил пнул стул, так что тот перевернулся и с грохотом упал.

Такегами не двинулся с места. Он продолжал сидеть и молча наблюдал за происходящим, будто не собираясь вмешиваться. Вместо него вмешалась Рицуко Кавара:

— А ну прекратите! Перестань, Минору, прошу тебя! — Она бросилась к «брату», обняла его и, давась слезами, проговорила: — Не обращай на нее внимания — не позволяй ей манипулировать тобой! Ей нравится мучить людей — такая уж она уродилась, не стоит ей подыгрывать.

— Если уж речь зашла об игре, то ты тоже мастерски играешь свою роль, — парировала Йоши. — Строишь из себя наивную дурочку. Ах, вы только посмотрите, что за ангел наша Казуми! Как мастерски она льет крокодиловы слезы и изображает саму невинность!

Рицуко бросилась на обидчицу, явно собираясь ее ударить. Тут Такегами понял, что пришло его время, и сказал:

— Найденная куртка испачкана кровью. Скорее всего, это кровь господина Токороды.

Рицуко тут же опомнилась, оставила Йоши в покое и вернулась на свое место. Минору поднял упавший стул, с грохотом поставил его и тоже сел.

— Я думаю, это наверняка кровь Токороды, — задумчиво повторил Такегами. — Его ведь ударили ножом двадцать четыре раза, если вы помните.

— Где... ее нашли? — дрогнувшим голосом спросила Рицуко.

Вместо того чтобы ответить, Такегами опять в упор поглядел на Минору.

— Я вам уже говорил, что мне ничего об этом не известно! Хватит на меня пялиться! — Минору опять занял оборонительную позицию и явно намеревался сражаться до конца.

— Я не «пялюсь», как ты выражаешься, и не подозреваю никого конкретно.

Такегами откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди и посмотрел на всех троих допрашиваемых по очереди.

— У криминалистов есть такое выражение: «разговорить улики». Может, слышали? — спросил он. — Да будет вам известно, что улики и впрямь умеют говорить, да еще как. О чем они только не рассказывают нашим экспертам! Теперь, когда куртка у нас, мы быстро доберемся до убийцы.

Кто-то громко сглотнул.

— Однако вы можете помочь нам и сэкономить наше время. Если кто-нибудь хочет мне еще о чем-нибудь сообщить, сейчас самый подходящий момент. — Такегами взглянул на часы. — Жду ровно три минуты.

Минутная стрелка только что миновала двенадцать. «Что ж, тем легче засечь время».

В кабинете повисло тягостное молчание.

— П-почему вы спрашиваете нас всех троих сразу? — спросила Рицуко дрожащим голосом. — Зачем вам эта очная ставка?

Такегами снова посмотрел на часы:

— Тридцать секунд прошло.

Минору скорчил такую физиономию, что Такегами едва не рассмеялся.

— Эй, вы что? Вы за кого нас принимаете? Думаете, мы втроем замочили Токороду?

— Чушь какая! — крикнула Рицуко и в ужасе обхватила голову руками. — Неужели вы правда так думаете? И поэтому вы вызвали нас сюда всех разом?

— Шутки в сторону, офицер! — рявкнул Минору. — Кончайте уже этот спектакль! Вы все тут в полиции окончательно сдурели!

Такегами не сводил глаз с циферблата:

— В вашем распоряжении еще минута.

Казуми Токорода сидела неподвижно, прикрыв ладонью рот.

— Это что, правда? — спросила она, не убирая руки ото рта.

Тикако ответила не сразу, и тогда Казуми кинулась к ней и схватила ее за руку:

— Скажите же, неужели это правда? Куртку действительно нашли?

— Да, похоже на то, — невозмутимо ответила Тикако. — Нам недавно об этом сообщили.

— Ту самую куртку, в которой был убийца, когда совершал преступления?

— Да, она вся в крови.

Офицер Футигами подошла к девушке и заботливо спросила:

— Казуми, что с тобой?

— Мне... нехорошо...

Казуми тяжело опустилась на стул. Челка упала на глаза.

— Я просто представила... кровь... Какой ужас... Когда это случилось? В новостях уже говорили об этой находке?

— Думаю, телевизионщики сейчас как раз готовят репортажи о происшедшем для вечерних новостей.

Неподвижным бессмысленным взглядом Казуми уставилась в пространство перед собой. Потом, словно приняв какое-то решение, она быстро поднялась, сделала несколько шагов по комнате, но ноги у нее подкосились — девушка присела и схватилась за голову:

— Мне плохо... Сейчас стошнит...

Тикако склонилась над ней, принялась гладить по спине, ладонью чувствуя сбивчивый ритм дыхания несчастной. Чего бы сейчас не отдали полицейские, чтобы узнать, какие мысли роятся в голове этой хрупкой девушки, какие чувства ее терзают!

Казуми, однако, явно предпочитала держать свои соображения при себе. Она сидела на корточках, тяжело дыша и закрыв лицо руками. Ей нужно было во что бы то ни стало собраться с силами. Тикако хотела предложить ей сознаться прямо сейчас, мысленно убеждала: «Хватит уже! Не надо все еще усложнять! Игра окончена».

Прошло около минуты. Наконец Казуми поднялась, взяла сумочку и сказала офицеру Футигами:

— Мне нужно в туалет.

— Ты помнишь, куда идти, или тебя проводить?

Девушка возмущенно вскинула брови и довольно резко ответила:

— Обойдусь без конвоя!

Казалось, она готова закричать.

Офицер Футигами удивленно уставилась на нее и сделала успокаивающий жест. Осознав свою ошибку, Казуми смутилась:

— Ой, простите.

— Ничего. Дамская комната в конце коридора, за углом, справа.

— Да, я помню.

За дверью раздался удаляющийся неровный стук каблучков.

— Как-то это все жестоко, — пробормотала Футигами, опустив глаза в пол.

Тикако сидела молча и ждала, что еще скажет собеседница, но фраза осталась без продолжения. Поразмыслив, Футигами сказала:

— Прости, кажется, я не должна была этого говорить.

— Да ладно, у меня тоже паршиво на душе от всего этого.

Тикако поднялась, кивнула Футигами и вышла в коридор, услышав, как ее партнерша говорит в микрофон:

— Казуми отправилась в дамскую комнату, детектив Исидзу за ней проследит.

Тикако сегодня специально надела тапочки на резиновой подошве, чтобы можно было передвигаться бесшумно. Единственным звуком, который сейчас нарушал тишину в коридоре, был громкий взволнованный стук ее собственного сердца.

Не дойдя до дамской комнаты, Тикако на всякий случай остановилась возле двери той каморки, в которой Такегами проводил рекогносцировку около часа назад. Прислушалась. Разумеется, в незнакомом здании Казуми вряд ли решилась бы спрятаться за первой попавшейся дверью, но на всякий случай требовалось все проверить. В каморке было тихо. Тикако отправилась дальше.

Туалеты на этом этаже были небольшие. Раковины находились почти у самых дверей, а чуть дальше — пара кабинок. Тикако ожидала найти Казуми в одной из них, но сначала прошла на лестницу проверить, нет ли там девушки. Лестница оказалась пуста, только откуда-то снизу доносился громкий шум голосов. Там — управление дорожной полиции, полно инспекторов в форме, снующих туда-сюда. Вряд ли Казуми решится туда пойти.

Вернувшись к двери дамской комнаты, Тикако прислушалась. Изнутри не доносилось ни звука. Она немного приотворила дверь и заглянула внутрь. Из кабинки справа послышался знакомый голос:

— В любом случае нам не о чем беспокоиться, понял? — Казуми говорила с кем-то по телефону. Она явно спешила закончить разговор, но при этом очень хотела успокоить и приободрить собеседника. — Ты в магазине? Если увидишь новости, старайся держать себя в руках и не показывай виду, что тебя это касается. Говорю тебе, все будет нормально. Обещаю. Понял меня? Ты понял? Послушай, не делай глупостей, пожалуйста. Держись ладно? — Голос девушки дрожал — она была готова заплакать. — Обещаешь? Полицию я беру на себя, не беспокойся. Они ни о чем не подозревают. Я уверена. Они думают, это сделали те трое. Да, меня сюда вызвали для опознания возможных преступников. — Казуми старалась говорить тихо, но от волнения не могла себя контролировать.

«Это жестоко. Пожалуй, да, — думала Тикако. — Но ведь убиты два человека. Разве двойное убийство — это менее жестоко?»

Если сейчас не принять меры, могут еще погибнуть люди. Тикако вдруг вспомнила тонкие пальчики Казуми, энергично набирающие сообщения... Есть ли другой способ противостоять злобе и ненависти этой девушки?

«Что более, а что менее жестоко?»

Тикако мысленно адресовала этот вопрос Накамото. Она представляла его не лежащим в реанимации без сознания, а таким, каким он был при их первой встрече, когда их представили друг другу в управлении на том совещании, где Накамото впервые озвучил свою теорию. «Браво! — восхищенно подумала она тогда, выслушав его. — Отличный план!» Что изменилось с тех пор?

Убедив себя таким образом в собственной правоте, Тикако аккуратно прикрыла за собой дверь дамской комнаты и отправилась обратно.

— Казуми говорит по телефону, — раздался в наушниках у Такегами знакомый голос Тикако. — Вне всяких сомнений, она рассказывает о случившемся. Все идет точно по сценарию Накамото.

Такегами нахмурился, и все трое допрашиваемых тут же, как по команде, выпрямились и уставились на него.

— Я отправила офицера Футигами проследить за дверью в туалет. Когда они с Казуми вернутся, я дам вам знать.

Такегами развернулся лицом к зеркалу и одобрительно кивнул, а потом сказал Токунаге:

— Свяжись с Тории. Надо сообщить ему, что Казуми Токорода сейчас говорит по телефону.

Тории ответил сразу:

— Это ты, Гами?

— Что там у тебя?

— Объект скрылся в служебном помещении и пока не выходил оттуда. Насколько я понял, ему кто-то позвонил и он ушел поговорить по телефону.

— Ему позвонила Казуми. Из служебки есть другой выход?

— Не беспокойся, все под контролем. В этом магазине стены стеклянные, так что ему негде спрятаться — он от нас не уйдет.

— Смотрите не вспугните его.

— Мы сама незаметность.

— И никакой самодеятельности! Поосторожнее там с ним.

— Гаами! — возмутился Тории. — За кого ты меня принимаешь? Я уже многому научился на горьком опыте. Можешь на меня положиться.

— Смотри у меня! Если мы из-за тебя запорем это дело сейчас, когда оно уже почти выгорело, как мы потом будем смотреть в глаза Накамото? — Такегами повесил трубку и отер пот со лба. — Похоже, нервы сдают — я весь в испарине, — пожаловался он Токунаге.

— Да ладно, пока держишься молодцом. Человек-кремень!

— Ты все шутишь! Как только тебе удастся сохранить душевное равновесие!

— А мне-то что? У меня в этом спектакле роль даже не второго, а самого что ни на есть заднего плана. — Улыбнувшись, Токунага посмотрел на Такегами. — А здорово Накамото это все придумал, правда, Гаами?

— Похоже на то.

— Все прошло как по маслу. Удивительно, насколько предсказуемы современные дети!

— Потому что, в конце концов, что бы там они ни натворили, они все-таки дети.

Токунага наморщил нос и спросил:

— Детей вроде обижать нехорошо? А мы тут, можно сказать, организовали избиение младенцев.

Такегами ничего не ответил. Глядя на его помрачневшее лицо, Токунага сказал:

— Я зря это сказал. Прощу прощения.

— Проехали. Главное сейчас — довести дело до конца.

Такегами оглянулся на троицу, сидевшую у стола. Три пары глаз, серьезных и усталых, смотрели на него.

Казуми Токорода вернулась в комнату за зеркалом, громко хлопнув дверью. Офицер Футигами вела ее под руку, а девушка вырывалась и всячески выражала недовольство.

— Тебе лучше? — спросила Тикако.

— Я хочу домой, — заныла Казуми, избегая смотреть ей в глаза. — Я хотела пойти домой, но ваша коллега не пустила меня!

Тикако приобняла девушку и попыталась усадить ее на стул, но та ни в какую не хотела повиноваться:

— Говорю вам, с меня хватит! Я не могу больше на это смотреть!

— Почему? Что случилось? — Тикако испытующе заглянула ей в глаза. — Из-за чего ты так расстроилась?

Заботливый и в то же время настойчивый тон Тикако в конце концов подействовал на Казуми. Она немного успокоилась и расслабилась.

— Я плохо себя чувствую, меня подташнивает. Мне надо домой. — На лбу у девушки выступили капельки пота. Руки дрожали. — Я представила себе куртку, измазанную в крови, — и мне стало плохо. Дышать нечем. Не могу здесь больше находиться!

— Хорошо, я сейчас пошлю за твоей мамой. Она придет, и вы вместе отправитесь домой.

— Не надо ее звать!

— Я схожу за госпожой Токорода, — участливо предложила Футигами и вышла в коридор, словно радуясь возможности оставить Казуми и Тикако.

Молодой сотруднице наверняка было очень больно смотреть на все происходящее, и Тикако могла ее понять. Футигами действительно приходилось тяжелее всех, ведь она так много времени провела с Казуми и сделала все, чтобы заслужить расположение и дружбу девушки.

— Я вызову машину, и вас отвезут домой. Подожди немного.

Из кабинета для допросов донесся голос Йоши Мита. Казуми даже не взглянула в сторону зеркала: она встала лицом в угол, обхватив себя за плечи обеими руками.

Тикако решила понаблюдать за происходящим в кабинете для допросов.

— Итак, вы не добились от нас никаких признаний, — говорила Йоши. — Несмотря на это, вы все равно нас в чем-то подозреваете?

— Вы могли дать нам три минуты, три часа или три дня — нам вообще без разницы! — иронично заметил Минору, качая ногой. — Лично я знать ничего не знаю об этой куртке.

— Я тоже, — подхватила Рицуко.

— Наверняка у кого-нибудь еще были мотивы убить господина Токороду, — сказала Йоши. — Насколько я знаю, семейка у него та еще. Он мне говорил, что дома чувствует себя как в морозилке. — Женщина грустно вздохнула.

— Ну да, ну да... И именно поэтому ты решила, что Токорода разведется с женой и предложит тебе руку и сердце, — поддел ее Минору. — Надо же быть такой идиоткой! Все женатые мужчины обещают своим любовницам золотые горы. В твоем возрасте пора бы уже об этом знать!

Йоши бросила на него гневный взгляд:

— Можно подумать, Токорода только мне жаловался на свое семейство! Вы ведь сами слышали, он всем нам об этом говорил тогда, в кафе.

— Ну и что, что говорил. Лично мне гораздо лучше запомнились твои душещипательные истории о том, как тяжело быть одинокой и никому не нужной.

— Прекрати издеваться надо мной!

— А не то что? Что ты мне можешь сделать?

Такегами взял со стола стопку документов и грохнул ими об стол, а потом сделал вид, что просто выравнивает таким образом края папок.

Минору кивнул в его сторону:

— Гляди, ты даже господина офицера вывела из себя!

— Я хочу, чтобы вы кое-что уяснили. — Йоши приподнялась со стула и подалась в сторону Такегами, видимо таким образом пытаясь привлечь к себе его внимание. — Рёсукэ Токорода очень страдал от одиночества. Я тоже чувствовала себя никому не нужной, поэтому мы с ним отлично понимали друг друга. Наша игра в «семью» много значила для нас. Мы воспринимали ее всерьез.

Минору отчаянно замотал головой, но Йоши продолжила, не обращая на него внимания:

— Рёсукэ был очень несчастен. Его дочь и жена не понимали его. Он жаловался мне, что его семейная жизнь напоминает ему бесконечный спектакль, а ему давно надоело притворяться. Он говорил, что не знает, для чего и как ему жить дальше. Господин Токорода относился ко мне с особенной теплотой, у нас с ним были очень близкие отношения, потому что я была Мамой в его виртуальной семье. А эти двое разозлились на меня, когда поняли, что Папа стал уделять им меньше внимания после того, как я появилась на сайте и в его жизни.

Рицуко толкнула Минору локтем в бок:

— Во дает! Похоже, у нашей Мамы крыша окончательно съехала. Это ж надо нести такую чушь!

— Замолчи, маленькая дрянь!..

С перекошенным от злости лицом Йоши метнулась к Рицуко. Громко заскрежетали по полу ножки металлических стульев.

Минору вскочил, чтобы разнять Маму и Сестру.

— Немедленно прекратите! — крикнул Такегами.

Все трое замерли на месте. В кабинете стало совсем тихо.

И вдруг из угла раздался громкий стук — это детектив Токунага уронил ручку. Он виновато посмотрел на всех, извинился и полез за ней под стол.

Потом в кабинете повисло неловкое молчание. Рицуко Кавара по-детски хихикнула.

— Этот следователь такой забавный! — сказала она Минору. — Просто клоун какой-то!

На несколько мгновений опять воцарилась тишина, которую вскоре нарушил вой далекой сирены. Звук постепенно усиливался, — видимо, полицейская машина направлялась в участок из Сибуи. Автомобиль остановился под окнами, сирена затихла.

— Похоже, произошло очередное преступление? — осведомилась Рицуко. — Весело тут у вас, я гляжу. Может, уже отпустите нас и займетесь чем-нибудь другим?

— Точно, — поддержал ее Минору. — Теперь, когда у вас есть куртка, что вам надо от нас? Вы же сами сказали, что эта новая улика поможет вам очень быстро найти настоящего преступника.

Детектив Токунага набрал какой-то номер и спросил:

— По какому поводу, собственно, сирена? Мы тут едва не оглохли. — Выслушав краткий ответ, он сказал: — Все понятно. — Потом Токунага положил трубку и сказал Такегами: — Они уже здесь.

— Кто *они*? — не унималась Рицуко. — Какие еще преступления вы расследуете, господин офицер? Вы специализируетесь на убийствах?

— К вашему делу это отношения не имеет, — ответил Такегами. — Неужто убийства Рёсукэ Токороды вам недостаточно? Сейчас в первую очередь необходимо отыскать виновного в этом преступлении.

Йоши довольно манерно положила ногу на ногу и сказала:

— Если хотите знать мое мнение, то лично я думаю, что Рёсукэ убила жена. — Она вдруг посерьезнела и продолжила с явной злобой в голосе: — Наверняка его зарезала жена. Больше никому. К тому же свидетели, кажется, сообщали, что с места преступления доносились женские крики.

— Сообщали, — подтвердил Такегами. — И вы всерьез в это верите?

— Да, верю, — коротко ответила Йоши и посмотрела в потолок. — Кто еще, кроме жены, мог так сильно ненавидеть господина Токороду и Наоко Имаи, чтобы решиться на столь ужасное преступление? Мне кажется, больше ни у кого мотива не было.

— Так уж и ни у кого?

— Господин офицер, я понимаю, что вы сочувствуете этой женщине, потому что ее муж ей изменял и, в общем, сам в какой-то степени оказался виноват в случившемся. Однако мне кажется, что, когда брак разваливается, обе стороны несут за это одинаковую ответственность.

— Лично я тоже не считаю, что Токорода сам был во всем виноват, — вмешался Минуру.

Не обращая внимания на его комментарий, Йоши продолжала свой монолог, глядя прямо в лицо Такегами:

— Точно вам говорю: Токороду убила жена. Сначала она задушила Наоко Имаи, а потом поквиталась с мужем, зарезав его ножом. Судя по тому, что она нанесла ему так много ран, наверняка она была вне себя от злости.

— Вам не кажется, что, если бы госпожа Токорода решила убить мужа, она, скорее всего, сделала бы это дома?

— Вовсе не обязательно. Может, она следила за мужем, а когда он остановился у стройплощадки, воспользовалась моментом и напала на него. Совершив убийство, эта злодейка кинулась домой — там ведь совсем недалеко. Говорю вам, она запросто могла это все повернуть.

— Пожалуй. Однако, насколько я понимаю, ваша гипотеза целиком основывается на предположении, что госпожа Токорода была не в себе и действовала в состоянии аффекта, так?

— Не совсем. Моя гипотеза подтверждается фактами. — В голосе Йоши зазвучали металлические нотки. — Господин Токорода рассказал нам кое-что на семейном совете. Эти двое там тоже были, так что они подтвердят. — Йоши кивнула в сторону Казуми и Минуру. — Папа тогда сообщил нам, что за ним следят.

— Следят? — Лицо у Такегами вытянулось от удивления.

— Да, он сказал, что повсюду чувствует за собой слезку и подозревает в этом собственную дочь.

— Казуми?

— Да. Токорода назначил нам встречу третьего апреля на два часа, потому что как раз в это время и в этот день у его дочери в школе был какой-то серьезный экзамен, который она ни за что не могла пропустить, а значит, не смогла бы увязаться за ним.

Рицуко и Минору переглянулись.

— Это правда? — спросил Такегами.

— Вообще, да, — сказал Минору.

— Папа упоминал об этом, — подтвердила Рицуко. — Когда мы встретились на станции, он очень нервничал. Он тогда сразу нам пожаловался, что дочь везде ходит за ним хвостом и он не знает, как от нее отвязаться. Ему очень не хотелось, чтобы Казуми видела нас вместе.

Рицуко в задумчивости посмотрела на руки:

— Помню, я тогда подумала: «Похоже, Папе приходится несладко с такой чокнутой дочуркой». Девушка реально не в себе?

Такегами проигнорировал ее вопрос и снова обратился к Йоши:

— Допустим, Казуми Токорода действительно следила за отцом. Это ее личное дело. Не понимаю, почему это дает вам основания подозревать ее мать в убийстве ее отца?

— Ну как же вы не понимаете! — раздраженно сказала Йоши. — Госпожа Токорода наверняка заставила дочь следить за мужем!

— Прямо скажем, далеко идущее умозаключение!

— Если вы всерьез так считаете, то вы плохо знаете женщин. Госпожа Токорода, скорее всего, давно знала, что муж ей изменяет. В глубине души она терпеть его не могла, хотя и продолжала прикидываться всепрощающей душой. Имидж доброй самаритянки не позволял ей самостоятельно вести слежку за супругом, так что пришлось ей натравить на него дочку. — Йоши была явно убеждена в собственной правоте. Она, по-видимому, давно все обдумала и теперь уверенно излагала собственную версию: — Малышка Казуми стала орудием мести в руках матери. В таких делах дочери всегда заодно с мамами. Наверняка девочка не гнушалась также читать папины письма и копаться в его компьютере. Господин Токорода говорил мне, что давно подозревает это, но не делает ничего, чтобы ее остановить, потому что ему интересно наблюдать реакцию дочери. Он слишком много позволял своей малышке Казуми.

Как бы не веря собственным ушам, Такегами спросил:

— То есть вы утверждаете, что Казуми Токорода давным-давно знала о том, что у ее отца есть виртуальная семья в Интернете?

Йоши торжествующе посмотрела на него и сказала:

— Да, утверждаю. И именно поэтому господин Токорода так тщательно выбирал время и место нашей встречи: он не хотел, чтобы его дочь или жена помешали нам увидеться. Казуми Токорода знала о нашем существовании и наверняка была не в восторге от происходящего.

— Это ложь!

В какой-то момент Казуми повернулась лицом к двустороннему зеркалу и наблюдала за допросом. Она по-прежнему стояла, обхватив плечи руками, словно ей было холодно. На шее у нее лихорадочно пульсировала жилка.

— Это наглая ложь! — повторила девушка и отчаянно замотала головой, так что ее

блестящие каштановые волосы разметались во все стороны. — Она лжет!

— Успокойся, Казуми...

— Я ничего не знаю... То есть не знала... Лгунья, лгунья!

— Давайте-ка обсудим этот момент поподробнее. — Такегами медленно поднялся со стула, оперся о стол и посмотрел на сидящих перед ним членов виртуальной семьи. — Да, у Рёсукэ Токорода была дочь по имени Казуми. Настоящая дочь, его плоть и кровь.

Минору закусил губу и уставился прямо перед собой немигающим взглядом. Рицуко внимательно смотрела на Такегами. Йоши, презрительно фыркнув, отвернулась к окну.

— Итак, Казуми следила за виртуальной семьей, которую ее папа завел в Интернете. Она следила за всеми вами — ее отец вам об этом рассказал, так?

Рицуко кивнула.

— И насколько я понимаю, господин Токорода не делал ничего, чтобы скрыть от дочери правду о своем новом увлечении, потому что его интересовала ее реакция. Так было дело?

Рицуко снова кивнула и опустила глаза.

— Кроме этого, господин Токорода признался вам, что его семейная жизнь не сложилась, потому что жена и дочь не понимают его и кажутся совсем чужими, так что он обречен страдать от одиночества. — Выдержав небольшую паузу, Такегами подвел итог: — Лично мне кажется, что все приведенные факты подтверждают одно: господин Токорода был безответственным эгоистом.

Йоши нервно моргнула, сердито поджала губы и опять отвернулась.

— Разумеется, — продолжал Такегами, — нам с вами трудно определить, где там была причина, а где — следствие: то ли господин Токорода так часто ходил налево, *потому что* его семейная жизнь не задалась, то ли его отношения с близкими никак не ладились как раз *из-за того*, что он так часто ходил налево. Возможно, он искал себе идеальную спутницу жизни в Интернете, а потом решил создать виртуальную семью. Кто его знает, из-за чего все так вышло. Вероятно, все герои этой драмы так или иначе виноваты в случившемся, а может быть, никто не виноват. Как посмотреть.

— Я... — хотела было что-то сказать Рицуко, но вдруг осеклась и замолчала.

— Быть может, Рёсукэ Токорода понятия не имел, какую боль он причиняет жене и дочери. Мы часто раним близких, сами того не замечая.

— Почему вы считаете, что завести виртуальную семью было так уж жестоко и гадко со стороны господина Токороды? — сердито спросила Йоши. — Мы ведь никогда не стремились заменить ему *настоящую* семью. Это была лишь игра, не более того. Мы общались в основном в Сети, изображали идеальных родителей и детей, никому не мешали, радовали друг друга — что в этом плохого?

Такегами медленно кивнул:

— В том, что вы делали, действительно вроде бы не было ничего эгоистичного и жестокого. Каждый может немного пофантазировать и порадовать себя и других — почему нет?

— Тогда в чем, собственно, дело?

— Дело в том, что, когда фантазии вторгаются в настоящую жизнь, это может быть опасно.

Йоши презрительно усмехнулась, а Рицуко опустила голову.

— В тот момент, когда господин Токорода узнал, что дочь в курсе его затеи, он должен

был прекратить игру. Но он этого не сделал. Ему нужно было спустить все на тормозах — вы понимаете, что я имею в виду? Во время вашего сборища, глядя вам всем в лицо, господин Токорода должен был попроситься с вами, а не усугублять сложность ситуации, ставя на карту будущее своей реальной семьи ради семьи виртуальной и хорошо зная, что его дочь Казуми следит за его перепиской и наверняка очень переживает по поводу происходящего. — Такегами обратился к Рицуко Кавара: — Казуми Токорода — почти ваша ровесница. Вам об этом известно?

Рицуко не ответила.

— Когда на семейном совете господин Токорода рассказал вам о дочери, неужели вы о ней не подумали? Неужели ваша игра в идеальную «семью» была вам так дорога, что ради нее вы могли пожертвовать благополучием человека? Не пробовали поставить себя на место Казуми Токорода?

— Но я...

— Вы, помнится, говорили, что безразличие родителей вас сильно ранит? — продолжал насаждать Такегами. — Представьте, что папа и мама не просто игнорируют вас, а еще и играют в дочки-матери с какими-то абсолютно чужими людьми. Как вам такое понравится? Вас это не ранит? Не разозлит?

Тут вдруг вмешался Минору:

— Именно поэтому я и решил, что с меня хватит.

Такегами молча посмотрел на него. Парень, по-видимому, не хотел отводить взгляд, но в конце концов не выдержал и опустил глаза.

— Мне стало казаться, что все эти игры до добра не доведут.

— Вы поделились своими соображениями с господином Токородой?

— Нет.

— Почему?

— Да кто я такой, чтобы лезть к нему со своими советами?

— Кто такой? Разве вы с ним не были Отцом и Сыном в вашей виртуальной семье?

Минору потер подбородок и усмехнулся:

— «Семья», скажете тоже!

Парень произнес слово «семья» так, будто выругался.

— Мы никогда не были семьей — просто играли в глупую игру и получали в результате то, чего хотели.

— Как это?

— Ну, мы так развлекались. Мы заходили на сайт и веселились, а заодно радовали друг друга. Я всегда мечтал иметь сестру — не важно, старшую или младшую. И мне хотелось, чтобы отец хоть иногда разговаривал со мной. Все это я получил на нашем сайте. — Минору немного помолчал, потом продолжил упавшим голосом: — Я и представить не мог, чем это кончится. Ну и влипли же мы! Не зря мне давно хотелось прекратить все это... — Последние слова прозвучали совсем еле слышно.

— А вы, Рицуко? — обратился Такегами к девушке. — Если не ошибаюсь, вы продолжали писать Папе после семейного совета? Вы не хотели выйти из игры?

— Не хотела... Наша семья была очень важна для меня...

— Ага, вот, значит, как... — задумчиво повторил Такегами.

— Да, очень важна, потому что в реальной жизни родители никогда не обращали на меня внимания. Вы ведь знаете, мне не слишком повезло с семьей...

— И вы никогда не ставили себя на место Казуми Токорода?

Рицуко поправила волосы и помотала головой:

— Казуми была вне игры. Я никогда в жизни ее не видела, мне было все равно, есть она или нет. Может, ее вовсе и на свете не существовало?

— Но ведь господин Токорода рассказывал вам о своей дочери.

— Откуда мне было знать, правду он говорит или нет? В Интернете люди чего только не придумывают! Там никому нельзя верить. И даже после личной встречи с ним ничего особо не изменилось: я все так же никакого понятия не имела о его настоящей жизни. Так что какая мне разница?

— Вы всерьез решили, что господин Токорода вам лжет?

— Да... Наверное, мне было приятнее думать, что он лжет. Не знаю, почему я так решила...

— Каждый член вашей псевдосемьи старался держать остальных на расстоянии, чтобы не отрезать себе пути к отступлению. Как вы думаете, такова в принципе специфика всех интернет-знакомств?

— Кажется, вы ярый противник Интернета, господин офицер? — встряла Йоши. — Осмелюсь заметить, что отношения, завязавшиеся в Интернете, ничуть не менее ценны, чем реальные отношения между людьми. Далеко не всегда сетевые знакомства основаны на лжи и обмане. Тот факт, что люди не видят лиц друг друга при общении и ничего не знают о социальном статусе своего собеседника, позволяет им раскрываться, быть искреннее и откровеннее, чем в обычной жизни. В Интернете мы можем гораздо лучше узнать друг друга, и на основе этого знания может вспыхнуть настоящее чувство, самая что ни на есть подлинная любовь!

— Кому ты рассказываешь эти сказки? — съязвил Минору.

— А тебя вроде вообще не спрашивали! — огрызнулась Йоши. — Может, ты в Интернете только забавляешься, но я не такая пустоголовая, как ты!

— Кто из нас в Интернете больше забавляется — это еще вопрос. А что до пустоголовости, то, мне кажется, в этом качестве, мадам, вы меня превосходите. И вообще, не смейте мне хамить!

Йоши изо всей силы ударила кулаком по столу:

— Опять ты начинаешь? Какая я тебе «мадам»? Хватит меня так звать, у меня, вообще-то, есть имя!

— А почему это я не могу так вас звать? Положим, вы не замужем, но зато в годах. Разочарованная и одинокая мадам — вот вы кто. И за каждым вашим словом и поступком стоит сексуальная неудовлетворенность и дикое отчаяние.

— Что ты можешь знать об отчаянии? — истерично закричала Йоши. — Циники вроде тебя превращают в ад жизнь несчастных женщин вроде меня. Вам бы только поглумиться над нами, поиздеваться, потому что у нас нет мужей и детей. Мы одиноки, значит, нас можно за людей не считать, так, что ли? Ты даже представить себе не можешь, каково приходится несчастным старым девам! Так что не смей говорить о том, чего не знаешь, понял?

Брызги ее слюны долетели до Такегами.

— Да, реальность такова, и, могу сказать положа руку на сердце, эта реальность мне давно осточертела! Но ведь никуда не денешься: надо продолжать жить, надо ходить на работу, чтобы заработать себе на хлеб. Многие коллеги смотрят на меня косо и

перешептываются за спиной. Но мне приходится терпеть, потому что мне нужна эта работа. У меня нет другого выхода!

Рицуко смотрела на Йоши во все глаза, словно онемев от удивления.

— Мне нужна была хоть какая-то отдушина. Именно поэтому я так увлеклась этой игрой в «семью». Быть Мамой если не в реальной жизни, то хотя бы в Интернете — разве это не прекрасно? Моя жизнь сразу перевернулась: мне было достаточно общаться в Интернете, чтобы чувствовать, что я не одна, и быть по-настоящему счастливой!

Вот почему переживания Казуми Токорода ее несколько не беспокоили. Как Йоши могла жалеть ее, если даже не вспоминала о ее существовании? Когда общения с господином Токородой в Интернете стало недостаточно, женщина попыталась сблизиться с ним в реальной жизни.

— Я знаком лишь с очень немногими членами интернет-сообщества, а потому не могу сказать, насколько нормальным можно считать ваше поведение, — тихо сказал Такегами.

Йоши покраснела.

— Я только знаю, что, если ситуация этому благоприятствует, многие люди охотно сближаются друг с другом, общаются, проводят время вместе. Думаю, в Сети происходит то же самое: в виртуальной реальности, так же как в настоящей жизни, есть место для правды и лжи. Я готов за это поручиться.

Йоши промокнула платком глаза и сказала уже гораздо менее уверенным голосом:

— В наших отношениях не было лжи.

Минору и Казуми хранили молчание.

— Только представьте, что до убийства господина Токороды его дочь Казуми выследила бы вас и захотела бы встретиться с вами, — задумчиво проговорил Такегами, поправляя указательным пальцем очки. — Что бы вы ей сказали?

Некоторое время никто не решался ответить. Потому Рицуко заговорила:

— Вы хотите сказать, что у господина Токороды на самом деле была дочь?

— Была и есть. Самая что ни на есть настоящая — из плоти и крови.

В комнате опять повисло гнетущее молчание.

Такегами подождал, пока секундная стрелка не сделает полный оборот на циферблате, потом глубоко вздохнул и устало сказал:

— Спасибо вам всем за то, что пришли. Вы нам очень помогли. Теперь вы можете идти — на сегодня все свободны.

Казуми Токорода плакала навзрыд. Слезы текли по щекам: соленые ручейки стремительно догоняли друг друга. При этом девушка по-прежнему стояла неподвижно, обхватив плечи руками, а слезы капали на пол, иногда падая прямо на носки ее лакированных туфель. Возможно, бедняга сама не замечала, что плачет.

— Казуми...

Тикако тронула ее за плечо. Губы девушки дрогнули, рот скривился от рыданий. «Что-то она сейчас скажет? Вот бы она наконец сказала то, чего все так от нее ждут. Поскорей бы все это кончилось», — молилась про себя Тикако.

Однако единственное признание, которого она дождалась от Казуми, было:

— Я хочу домой.

Тикако вдруг поняла, как сильно она устала. Ее взгляд на мгновение омрачился.

— Можешь подождать здесь еще минутку? — попросила она.

— Нет, я хочу домой, — упрямо повторила Казуми.

— Ты должна еще кое-кого увидеть.

Оставив девочку одну, Тикако отправилась в кабинет для допросов. Миссия ей предстояла не из приятных: ноги словно налились свинцом, плечи ссутулились.

Увидев на пороге Тикако, Такегами потянулся к кнопке под столом, чтобы отключить микрофон. Женщина грустно покачала головой.

— Пригласите его, — коротко сказала она и вернулась к Казуми.

Такегами кивнул Токунаге, и тот тут же потянулся к телефону, но, прежде чем поднять трубку, немного помедлил, потом, будто окончательно приняв решение, набрал номер. Выражение лица у него при этом было самое скорбное. Такегами вдруг вспомнил недавнюю реплику коллеги насчет того, что «детей обижать нехорошо».

«Ты абсолютно прав, друг мой Токунага, — подумал Такегами, — но такая уж у нас работа: обижать чужих обидчиков, призывать их к ответу, даже если эти обидчики — дети».

Задержанный выглядел гораздо более расстроенным, чем можно было ожидать. Сопровождавший его Тории поддерживал его, помогая идти. Парень был почти на голову выше Тории, хотя того никто не считал низкорослым. На голове великана топорщилась обильно залитая гелем копна каштановых волос, крашенных почти в тот же цвет, что и у Казуми. Запнувшись одной ногой за порог, парень едва не растянулся у входа в кабинет, но в последний момент сумел сохранить равновесие.

Такегами поднялся ему навстречу и поздоровался:

— Исигуро? Татсуя Исигуро, если не ошибаюсь?

Юноша кивнул. Его нижняя челюсть безвольно отвисла, глаза покраснели, и время от времени он ударял себя в бок кулаком, видимо, чтобы не расплакаться.

— Мы благодарны вам за то, что вы решили прийти к нам.

Татсуя сгорбился и как-то неопределенно мотнул головой: не то в знак согласия, не то наоборот, а может, просто от смущения или отчаяния. До сих пор задержанный не сказал ни слова, а потому невозможно было судить о том, что у него на уме.

— М-мне надо видеть Казуми.

Его голос дрожал от такой неподдельной боли и такого искреннего волнения, с какими Такегами за весь сегодняшний день, пожалуй, еще не сталкивался.

— Отведите меня к ней. Она ведь здесь? Нам надо поговорить. Дело в том, что мы с ней...

— Неправда! Он лжет! — закричала Казуми Токорода.

Уже в который раз за день она обвиняла других во лжи. Неправда, неправда, неправда! Казуми казалось, что вокруг сплошной обман. Все ее предали, никому нельзя доверять. Тикако уже не пыталась ее переубедить. Она только наблюдала за девочкой, стараясь ни на минуту не спускать с нее глаз.

— Зачем?.. — бормотала Казуми, прислонившись к зеркалу. — Зачем ты это сделал? Ты ведь обещал не сдаваться! Ты мне сам сказал... Что произошло?

Она изо всех сил ударила по зеркалу кулаком. Потом еще раз. И еще.

Тикако подбежала к Казуми и оттащила ее вглубь комнаты. Казуми принялась сопротивляться, пытаясь снова дотянуться до стекла.

Между тем Татсуя Исигуро услышал за стеной шум, подошел к зеркалу и положил большие ладони на его гладкую поверхность.

— Казуми... — Его голос, усиленный микрофоном, громко зазвучал в динамиках, установленных в соседней комнате. — Казуми, прошу, давай покончим с этим.

Его подруга не унималась, продолжая в ярости колотить все, что попадалось на пути: опрокинула стул, швырнула сумку в угол, потом попыталась вырваться из рук Тикако. Дверь открылась: на помощь женщине кинулся охранник, но Тикако взглядом велела ему не вмешиваться, обняла Казуми и изо всех сил прижала к себе.

— Хватит уже, — продолжал упрашивать подругу Татсуя, едва не плача. Он еще раз провел рукой по зеркалу, потом опустил голову и зарыдал. — Это не может так больше продолжаться, правда, Казуми? Пора положить этому конец. Давно пора.

Казуми еще некоторое время боролась с Тикако, намереваясь вырваться из ее объятий, но потом прекратила сопротивление и, кажется, сдалась. Она буквально выскользнула из рук Тикако, тяжело осела на пол, скрючилась, обхватив руками колени и спрятав лицо, будто стараясь стать как можно меньше и незаметнее.

Тикако опустилась на пол рядом с ней, обняла ее за плечи, как мать, которая хочет защитить свое дитя в момент апокалипсиса.

От кого: Казуми

4/04. 10:39

Тема: Давайте снова встретимся

Доброе утро! Интересно, вы уже проснулись или я сегодня встала раньше всех?

Вчера было так классно! Кстати, вы заметили компанию за соседним столиком? Они точно решили, что мы на самом деле семья! У них это было написано на физиономиях: «Какая до жути счастливая семейка!» Думаю, они нам страшно завидовали.

Так или иначе, теперь, когда мы все знакомы лично, стало еще забавнее. Нам, безусловно, нужно встретиться снова.

Казуми Токорода больше не плакала.

Ей не было дела ни до чего: она не обращала внимания ни на Тикако Исидзу, сидящую рядом, ни на сержанта Такегами — за столом напротив, ни на детектива Токунагу, чей профиль красиво вырисовывался на заднем плане, словно подтверждая слова Токунаги о его далеко не первостепенной роли в этой истории.

Казуми не хотела ничего видеть и слышать. Она уставилась в пространство перед собой пустым неподвижным взглядом. Руки, сжатые в замок, лежали у нее на коленях.

— Вы в порядке? — спросил Такегами, не зная, как начать разговор.

Что бы на его месте сейчас сделал опытный следователь? Как бы он спланировал дальнейший допрос? Такегами отлично знал, как правильно оформлять документы и раскладывать их по папкам. Он собаку съел на составлении оперативных следственных отчетов. Он умел правильно подавать заявления в суд по любым видам дел и досконально помнил все необходимые юридические формулировки. Но в кабинете для допросов Такегами чувствовал себя не в своей тарелке. В его голове роились вопросы, верные ответы на которые мог знать лишь тот, кто профессионально занимался следственной работой. Допросы не его стихия, не его сфера деятельности, и тут уж ничего не поделаешь. Верно говорят: старого пса новым трюкам не научишь.

Всего полчаса назад в этом же самом кабинете кипели нешуточные страсти: они витали в воздухе, обрушивались на Такегами и чуть ли не душили его, рвались прочь на свободу сквозь зарешеченные окна. Сейчас страсти улеглись, стихли и присмирели, словно обессилели. Такегами казалось, что они громоздятся у его ног, холодные и неподвижные, похожие на мертвых бабочек, оставивших свое предназначение — вечное непрерывное движение. Кабинет словно вдруг опустел, несмотря на присутствие в нем людей. Все замерли. Единственная оставшаяся в живых эмоция трепетала сейчас меж судорожно сжатых ладоней Казуми: девушка явно пыталась ее задушить, но Такегами искренне надеялся, что у нее ничего из этого не получится.

— Где Татсуя? — выдохнула Казуми, едва шевеля губами.

Выражение ее лица при этом ничуть не изменилось, так что Такегами сперва показалось, что этот вопрос ему послышался.

— Где Татсуя? — повторила девушка.

На этот раз Такегами заметил легкую дрожь ее ресниц. При этом Казуми по-прежнему не сводила глаз с собственных рук, словно задавала вопрос им.

Покосившись на Такегами, Тикако ответила:

— Он в соседнем кабинете.

Казуми словно не слышала ее — сидела, уставившись в пространство невидящим взглядом. Потом, не меняя ни позы, ни выражения лица, она сказала:

— Отпустите его.

Такегами подался вперед, немного приблизившись к девушке, и поинтересовался:

— Это почему?

— Потому что он тут ни при чем.

— Как это?

— Я его втянула в эту историю.

— Кажется, он другого мнения.

Казуми вдруг пристально посмотрела на него и спросила:

— В кабинете за зеркалом сейчас кто-нибудь есть?

— Нет, там сейчас никого.

— Так я вам и поверила! Полицейские всегда лгут.

— Это чистая правда. Можешь сама убедиться, если хочешь.

Во взгляде Казуми мелькнуло сомнение. Она пожала плечами. Такегами был честен с ней и знал, что ничем не рискует.

— Сходи и сама посмотри, — предложил он.

Тикако встала, чтобы проводить девочку, но та мотнула головой:

— Нет, не пойду. Так и быть, поверю вам на слово.

Казуми опять уставилась немигающим взглядом на скрещенные пальцы рук. «Интересно, что она там видит? — думал Такегами. — Если я туда загляну, может, и я что-нибудь рассмотрю?»

— Не лучше ли все-таки позвать сюда твою маму? — спросила Тикако.

Она с самого начала предлагала пригласить Харуэ Токорода присутствовать при допросе дочери, но девочка воспротивилась.

Вот и сейчас она раздраженно крикнула:

— Нет, не надо ее!

Она была уверена, что сама сможет со всем справиться.

Казуми обратилась к Такегами:

— Господин офицер...

— Да, я слушаю.

— Когда вы впервые заподозрили меня?

— Ты правда хочешь знать?

— Да, хочу, скажите, пожалуйста.

— Боюсь, ответ тебе может не понравиться.

— Ничего страшного. Да и вообще, какая разница? — Ее голос дрогнул и сорвался. — Мои чувства никогда никого не интересовали, так что я привыкла. Мне надо знать, где именно я ошиблась.

Тикако опустила глаза.

«Как же они похожи на маму и дочку!» — подумал Такегами.

— Мы почти с самого начала были в курсе того, что ты копалась в папином компьютере, — сказал он, — еще до того, как занялись проверкой винчестера.

Казуми наморщила нос. Если бы такое проделал взрослый человек, у него на носу потом надолго осталась бы морщинка, но юный возраст позволял девочке морщить нос безнаказанно, без всякого ущерба для состояния кожи.

— Помнишь, мы брали у тебя и у мамы отпечатки пальцев? Мы тогда проверяли личные вещи господина Токороды и искали на них отпечатки посторонних людей, возможно имевших отношение к преступлению, поэтому требовалась дактилоскопия членов семьи убитого.

— Да, помню. Мне тогда все пальцы перемазали черными чернилами, которые потом никак не смывались.

— Точно, эти чернила очень сложно оттереть. Наши отпечатки пальцев тоже проверяют на тот случай, если мы что-нибудь нечаянно заденем на месте преступления.

— Короче говоря, вы нашли кучу моих отпечатков на папином ноутбуке?

— Да. А еще мы узнали, что компьютер господина Токороды не был защищен никаким паролем. Все содержавшиеся в нем файлы были доступны кому угодно. Нам оставалось лишь сложить два и два, чтобы получить четыре.

Хотя на самом деле никто из следователей поначалу не заметил, что все персональные данные в компьютере убитого не защищены: кто бы мог подумать, что отец оставит ноутбук без пароля, зная, что его дочь следит за ним?

— Если честно, я не особо переживала из-за отпечатков пальцев, — спокойным голосом сказала Казуми. — Я думала, что, поскольку это наш домашний компьютер, наличие на нем моих отпечатков не вызовет подозрений.

— Все верно, поначалу ты была вне подозрений, потому что на самом деле в очень многих семьях родители и дети пользуются одним и тем же компьютером. Никто не считал тебя причастной к этому делу, так что до недавнего времени тебя даже не собирались вызывать на допрос в участок.

Эта фраза настолько удивила Казуми, что она подняла голову и вопросительно посмотрела на Такегами.

Полицейский заметил, что в ней произошла перемена: ее взгляд стал совсем другим, не таким, каким был днем, когда она впервые появилась на пороге кабинета для допросов. Казуми изменилась: в ее поведении теперь не чувствовалось того напряжения, в ее словах не было той невыносимой боли и усталости и, что самое главное, того неукротимого гнева, который тогда так поразил Такегами.

— Поначалу мы подозревали твою мать, но вскоре поняли, что она невиновна.

Казуми кивнула:

— Она говорила мне. Как-то раз мама сказала: «Полицейские думают, что это я убила твоего отца. Впрочем, я их не виню». В общем, помнится, она довольно спокойно к этому отнеслась.

— Видимо, так все и было. Мы подозревали госпожу Токорода, потому что в деле оказалась замешана Наоко Имаи.

— Но ведь вы ни разу не допросили маму.

— Нам этого не требовалось. У нас были показания свидетельницы преступления, госпожи Томико Фукада, — именно она позвонила в полицию и сообщила об убийстве. Ты не знакома с госпожой Фукада? Она живет неподалеку от вас.

— Нет, вроде бы... я ее не знаю.

— Ничего удивительного. В твоем возрасте у тебя несколько иной круг знакомств. Однако твои родители знали ее. Оказалось, что госпожа Фукада и твоя мать регулярно общаются. Даже в темноте и даже на большом расстоянии ваша соседка наверняка узнала бы госпожу Токорода, если бы увидела ее в ту ночь возле злополучного коттеджа.

— Вот оно что! — пробормотала себе под нос Казуми. — Как, оказывается, все просто.

— Кроме того, по ответам и по реакции твоей матери на различные косвенные вопросы мы поняли, что она понятия не имела о том, что у господина Токороды был роман с Наоко Имаи. А когда мы сказали ей, что ее муж встречался со студенткой, она не особенно удивилась. Короче говоря, сначала нам казалось, что твоя мать могла совершить преступление на почве ревности, но... — Такегами старался как можно тщательнее подбирать слова, чтобы случайно не ранить девушку еще больше. — Но потом у нас возникло такое впечатление, что твои родители давным-давно обсудили щекотливую тему

хронической неверности твоего отца и сумели найти компромиссное решение, заключив своего рода перемирие. Конечно, такие браки встречаются не часто, однако не думаю, что этот случай беспрецедентен. Постепенно картина начала вырисовываться. Зная о постоянных изменах супруга, Харуэ Токорода вряд ли стала бы ни с того ни с сего убивать своего мужа и его любовницу — это было бы нелогично.

— И поэтому вы исключили ее из числа подозреваемых?

— Да, как раз поэтому.

— Стало быть, у ее никчемной жизни безответной тихуши тоже есть свои плюсы.

В голосе Казуми не было иронии — девушка просто констатировала факт.

— Я бы сказал, что твои родители старались по мере сил уважать чувства друг друга, — сказал Такегами.

Казуми промолчала. Ее лицо осталось непроницаемым.

— Потом у нас появился новый объект для подозрений, — спокойно продолжал Такегами. — Ты, конечно, слышала о девушке, молодого человека которой увела Наоко Имаи? Эта несовершеннолетняя особа стала нашей основной подозреваемой. Все почти поверили в то, что она могла совершить это преступление.

— Вы имеете в виду подозреваемую А.? — уточнила Казуми. — Вам повезло, что ее имя не прознали репортеры. Иначе сейчас она могла бы подать на вас в суд.

— Думаю, если бы ее имя появилось в газетах, она скорее смогла бы выиграть дело против журналистов, чем против полиции.

— Нынче меня тоже станут называть подозреваемой А., верно? — улыбнулась Казуми.

Никто не поддержал ее шутки. Когда ее смех затих, в комнате снова воцарилась тишина.

— Может быть, принести тебе чаю? — предложил Такегами.

— Нет, спасибо. Я хочу спросить еще кое о чем.

— Спрашивай.

— Когда вы выследили их... ну, этих?..

— Этих?

— Виртуальную семейку.

— Лично я этим не занимался, но, имея в распоряжении их электронные адреса, найти их было не так уж сложно. Конечно, потребовалось получить необходимые разрешения, пройти стандартную процедуру, чтобы получить доступ к персональным данным. Мы добрались до них, кажется, буквально через неделю после убийства господина Токороды.

— Правда? — Казуми опять уставилась на свои руки. — Вам, полицейским, все можно. Раз, два — и готово.

Такегами хотел было ей что-то возразить, но сдержался, решив вместо этого посмотреть, что будет дальше.

— Среди них была женщина, Йоши Мита.

— И?

— Остальные подозревали в убийстве ее. Полиция не проверила эту версию?

— Конечно, мы все проверили.

— Вы ее допросили?

— Да. У нее оказалось железное алиби.

Глаза девушки округлились от удивления.

— Seriously?

— Она ездила в Осаку на трехдневные курсы повышения квалификации — на момент

убийства ее уже сутки не было в Токио.

— А я как-то не заморачивалась насчет алиби.

— Ты такая не одна. Большинству людей это попросту не приходит в голову. Этой женщине очень повезло. Не многие подозреваемые в убийстве могут похвастаться таким отличным алиби.

— Ничего себе! — по-детски изумилась Казуми. — Это что же получается? Всех, кроме А., вычеркнули из списка подозреваемых?

— Да.

— И почему же вдруг вы заинтересовались мной? Хотя, наверное, вы никогда не переставали мной интересоваться...

— Верно, ты отлично соображаешь.

— Я ведь почти отличница, — похвасталась девушка, не меняя выражения лица. — У меня мозги на месте. Может, именно поэтому меня так раздражают всякие идиоты и тупицы.

— Кого ты имеешь в виду?

— Всех, кто не привык думать головой. Взять хотя бы мою мать, например.

В этот момент Такегами взглянул на Тикако. Она смотрела туда же, куда и ее подопечная, — на руки Казуми. «Ты-то что там увидела?» — мысленно спросил у бывшей напарницы Такегами.

Он устроился на стуле поудобнее и сказал:

— Вообще-то, сегодня я здесь кое-кого замещаю.

— Вот как?

— Да, изначально предполагалось, что на моем месте будет другой человек. Опытнейший сотрудник с многолетним стажем работы в полиции.

«Тот, кто написал сценарий для этого спектакля», — добавил Такегами про себя.

— Он первым среди всех членов следственной бригады посмотрел на это дело твоими глазами.

— Моими глазами?

— Ну да, попытался понять тебя.

— И что он, интересно, понял?

Вопрос прозвучал неожиданно искренне, — похоже, Казуми наконец перестала играть роль и стала самой собой. Она словно решила дать волю ангелу, которого до сих пор не выпускала из крепко сжатых рук: Такегами представил, как в этот момент невидимое крылатое существо выпорхнуло из ладоней девочки и примостилось у нее на плече.

— Этот человек — мой друг. Его полное имя Накамото, но мы зовем его просто Нака. Однажды мы с ним обсуждали это дело, и он сказал: «Не понимаю, почему до сих пор никто не догадался посмотреть на случившееся глазами Казуми? Почему никому не пришло в голову задуматься над тем, каково ей пришлось? Тот, кто убил Рёсукэ Токороду, должен был иметь определенный мотив, верно? Преступник ведь чаще всего испытывает ненависть по отношению к жертве или какое-либо иное сильное чувство, которое ослепляет и дает возможность совершить невозможное: убить человека. Разве я не прав? Разве самым вероятным кандидатом нельзя считать Казуми Токорода — девочку, следящую за собственным отцом и читающую его электронную переписку? Я ее даже могу понять. На ее месте я бы тоже, наверное, был вне себя от ярости. Может быть, я даже стал бы искать способ отомстить».

Я в точности запомнил все, что сказал мне тогда Нака. «По всей видимости, отношения между отцом и дочерью были достаточно сложные. Впрочем, семейные размолвки — дело обычное: взрослым часто тяжело иметь дело с подростками. Но этот случай можно считать из ряда вон выходящим: поступок господина Токорода кажется мне возмутительным, и тот факт, что его „альтернативная семья“ была виртуальной и существовала лишь в Интернете, отчасти смягчает его вину. Рёсукэ Токорода познакомился в Сети с девушкой почти того же возраста, что и его дочь, да к тому же с ее тезкой, и стал регулярно с ней общаться, не скрывая этого от Казуми. Разве это нормальное поведение для отца? Думаю, его дочери все происходящее было, мягко говоря, неприятно: она чувствовала себя униженной, брошенной, растоптанной. Почему наше начальство этого не понимает, ума не приложу. На месте Казуми я бы, наверное, рассвирепел и, пожалуй, легко мог потерять голову и сотворить непоправимое». Вот что сказал мне Накамото.

Казуми по-прежнему сидела неподвижно, уставившись на руки, но сейчас ее пальцы дрожали. Казалось, она вот-вот сожмет их в кулаки.

«Осторожно, не раздави своих добрых ангелов, — думал Такегами, — выпусти их скорей на волю, пусть летят».

Казуми никогда не могла излить свой гнев на отца. Даже когда она выходила из себя, он обычно не воспринимал это всерьез. Он вообще мало к чему относился серьезно. «Не будь букой! Ты же, в конце концов, папина любимица, папочкина дочка! Ты моя и будешь делать так, как я скажу. Вот умница! Все будет хорошо». Казуми знала, что ее отец ввязался в эту историю с виртуальной семьей, чтобы однажды у него в очередной раз появился повод сказать ей все это и тут же добиться прощения.

Таков уж он был, господин Рёсукэ Токорода: заводил знакомства исключительно ради *собственных* интересов, использовал людей направо и налево и всегда хотел быть в центре внимания.

И только Казуми — его единственная дочь — не желала, чтобы он ею пользовался, отказывалась восхищаться им и отвергала его. Все подростки весьма критичны по отношению к родителям. Однако Рёсукэ Токорода этого не понимал: он решил во что бы то ни стало «приручить» собственную дочь, точно так же как «приручил» жену. При этом для достижения поставленной цели он выбрал едва ли не самый жестокий метод.

— «На месте Казуми Токорода я ужасно злился бы на отца и изо всех сил старался бы выяснить как можно больше о тех, с чьей помощью он забавляется столь отвратительным образом, — предположил в свое время Накамото. — Мне захотелось бы узнать, кто эти безликие и безымянные люди, которые разделяют с папой его большие фантазии и готовы играть в любые грязные игры, которые им предлагает киберпространство. На месте Казуми я бы не успокоился, пока во всем не разобрался. Я сделал бы все возможное, чтобы узнать правду, а потом, добившись своего, я постарался бы хотя бы на чуть-чуть вернуть их к реальности, заставить их очнуться, как бы больно им при этом ни было. Именно так я и сделал бы». — Такегами пересказал все это Казуми, стараясь как можно точнее припомнить слова Накамото. — А насчет совершенных преступлений Накамото однажды заявил: «Наверняка оба эти убийства произошли случайно, в самый разгар поисков правды и справедливости». Разумеется, в управлении моему другу не поверили. У начальников не хватило воображения, чтобы понять предложенный Накамото сценарий преступления. Убийство на почве ревности казалось им куда привычнее и понятнее, так что статус А. как основной подозреваемой остался неизменным.

Такегами замолчал. В наступившей тишине он отчетливо услышал легкий трепет крыльев того чувства, которое Казуми до недавних пор держала в себе, крепко сжимала в руках, а теперь наконец выпустила на свободу.

Разумеется, девушка тоже слышала этот звук. Не могла не слышать. Склонив голову набок и прищутив глаза, она, казалось, наслаждалась шелестом крыльев покинувшего ее чувства. Наконец Казуми заговорила:

— Это была ошибка. Я запуталась. Я... следила за отцом.

— Нам это известно.

— И когда все четверо членов этой «семейки» решили встретиться, я поняла, что не могу не воспользоваться таким отличным шансом увидеть их вместе. Я ушла с экзамена и отправилась на станцию, где они условились встретиться. Мне очень хотелось посмотреть на них. Я представляла, как испорчу им веселье, прервав их милые «семейные» посиделки.

Такегами кивнул.

— К сожалению, я опоздала. Я упустила свой шанс — эта мысль казалась мне невыносимой. Надо же было так облажаться!

— Но ведь можно было подождать, когда они решат встретиться снова?

— Наверное, именно так мне и стоило поступить, но я не могла больше терпеть, — по-детски капризно сказала Казуми и виновато посмотрела на Такегами.

— Терпеть что?

— Мне надоело без конца шпионить.

— Понимаю.

— В течение недели у меня это редко получалось, но на выходных я следила за каждым папиным шагом. Иногда, правда, я теряла его из виду, а иногда мне приходилось прекращать преследование, потому что риск быть замеченной оказывался слишком велик.

— Ясно.

— Однажды я видела, как он направился в клуб «Бриллиант». Там его ждала эта девушка.

Казуми стала свидетельницей разговора отца с Наоко Имаи.

— Я была уверена, что она и есть его виртуальная дочка, «Казуми».

Ведь в самом деле, Рёсукэ Токорода писал Казуми, что хочет встретиться с ней снова.

— В тот же день я выяснила, как ее зовут, узнала, что она работает в том клубе, и потом...

Потом Казуми вернулась туда. Она пришла не одна — с ней был Татсуя Исигуро.

— Я обо всем ему рассказала. Он сказал, что переживает за меня, и увязался за мной.

— В тот вечер на нем была куртка цвета «синий миллениум»?

— Да. — Казуми нервно облизнула губы. — Татсуя купил эту вещь в каком-то секонд-хенде, но потом понял, что ее цвет слишком яркий, и носил не часто. В тот вечер он был в этой куртке. — Голос девушки вдруг стал совсем тихим. — Татсуя отлично понимал, что мы с ним отправляемся не на романтическое свидание, а потому решил надеть то, что обычно не носил.

— Каков был ваш план?

— Мы собирались найти ее и отвести куда-нибудь, где было бы можно спокойно поговорить.

— Она ведь могла не захотеть пойти с вами?

— Она и не захотела. Однако я предвидела такой поворот событий и на всякий случай

прихватила капроновую веревку. — Казуми закрыла глаза. — Мама всегда прибирает веревки, которыми обвязывают почтовые посылки, свертки и пакеты, и сматывает в клубок. Я отмотала немного и взяла с собой. Думала, что свяжу эту девицу, если она станет сопротивляться.

— Что произошло дальше?

— Эта Наоко оказалась настоящей стервой.

— И?..

— Разговаривая с ней, я поняла, что она не та, кого я ищу, не виртуальная Казуми. Но у этой дряни был роман с моим папой, и она мне об этом тут же радостно поведала.

— Вот как?

— Да, у нее хватило наглости сказать мне, что она узнала меня, потому что мой отец показывал ей мое фото. Она принялась насмехаться надо мной: «Так вот, значит, ты какая, малышка Казуми! Ну и ну!» — Девушка опустила голову и открыла глаза. — Она тыкала в меня пальцем, пялилась на меня и веселилась от души. Не понимаю, что она нашла смешного? Над чем так хохотала? Может, эта сучка и мой отец вместе издевались над нами? Я не выдержала и бросилась на нее. От неожиданности девица упала, выражение ее лица моментально изменилось: улыбку сменила гримаса страха. Я увидела, что она пытается отползти в сторону и подняться, и тогда...

Казуми сжала кулаки. К счастью, к тому времени ангел уже вылетел из ее ладоней — иначе сейчас она бы точно его раздавила. Казалось, меж судорожно стиснутых пальцев вот-вот выскользнут кусочки ее разбитого сердца и заструится горячая кровь.

— Это я убила ее, — тихо призналась девушка. — Татсуя тут ни при чем.

Тикако едва заметно кивнула.

— Отец сразу все понял.

Кулаки Казуми все еще были сжаты, но невидимый поток крови, кажется, перестал литься сквозь пальцы. Девушка смотрела в пространство перед собой. Наверное, на самом деле ее взгляд был устремлен внутрь себя и перед ним бешено мелькали самые разные чувства и эмоции.

— Он понял, что это я убила Наоко. Уж не знаю, какая птичка ему об этом напела. Я сразу догадалась, что этот негодяй в курсе: он стал совсем по-другому обращаться со мной. В тот вечер я предложила ему встретиться на стройке. Я сказала, что не хочу говорить с ним дома, потому что это расстроит маму.

— И ты позвала Татсую с собой?

Казуми поджала губы и кивнула.

— Мне очень жаль, — сказала она еле слышно.

Видимо, это извинение предназначалось ее отсутствующему бойфренду.

— Чей нож был найден на месте преступления?

— Мой, я его купила.

— Купила?

— Да.

— Зачем?

— Чтобы отец не смог ничего мне сделать.

— Ты боялась, что он тебя ударит?

— Нет, он не стал бы меня бить, но я думала, что он сдаст меня в полицию.

— Ну, ты поговорила с отцом, рассказала ему о том, каково тебе. Почему после этого ты

не успокоилась? Ведь ты вроде бы добилась всего, чего хотела.

— Сказать по правде... я не ожидала, что он так разоткровенничается со мной.

— О чем?

— О своих отношениях с этими идиотами. О том, какие они замечательные, эта «Казуми» и остальные двое.

— Ты хочешь сказать, что после того, что случилось с Наоко, ты все еще хотела знать правду о виртуальной семье?

Казуми ничего не ответила. Такегами вдруг показалось, что на какой-то миг перед ним распахнулась бездна души этой маленькой девочки, скрытая от нее самой, и в этой бездне кипела ненависть и бушевало непокорство.

— Именно для этого я его туда и позвала, — решительно сказала девушка. — После случившегося я хотела встретиться с каждым из них и обо всем им рассказать: они должны были узнать, что окончательно вывели меня из себя и что их дурацкие игры стоили жизни человеку. В первую очередь я хотела встретиться с отцом. Я решила, что заставлю его выслушать меня, чего бы мне это ни стоило.

Почему же она не смогла вовремя остановиться? Почему в тот момент, на стройплощадке, она ни на минуту не задумалась над тем, что происходит, не попыталась посмотреть на случившееся с другой точки зрения?

— Отец пообещал, что сможет уладить это дело.

По щеке Казуми медленно заскользила слеза.

— Он принялся подлизываться ко мне, говорил: «Ты моя плоть и кровь. Никто на свете не будет о тебе заботиться так, как я». Папа сказал, что не станет обращаться в полицию, велел мне забыть о том, что случилось с Наоко Имаи, просил меня представить, что это был лишь кошмарный сон. Без конца повторял: «Я сумею тебя защитить, ведь я как-никак твой отец». Трепло — вот он кто! Я не верила ни единому его слову. — Девушка плакала, сама того не замечая. — Он не смог ни в чем меня убедить. Все эти красивые слова должны были заставить меня подчиниться ему. Папа привык манипулировать людьми, говорить им, что им делать и как жить. Он обращался со мной так же, как со всеми остальными. Абсолютно так же, как с другой, ненастоящей Казуми... и с остальными... Я совершила убийство. Я чувствовала себя отвратительно, была испугана, растеряна и подавлена... Отец видел, в каком я состоянии, и решил, что сможет подчинить меня. *За это я его убила...*

В комнате воцарилась тишина.

— Можно еще кое о чем спросить? — Казуми вдруг сменила тему.

— Спрашивай.

— Неужели сержант Накамото просчитал и то, что я выйду на связь с Татсуей, когда увижу «Казуми» и прочих?

— Да, он сказал, что все так и будет.

— Значит, вы не думали, что я действовала в одиночку?

— Нет, мы знали, что ты очень привязана к своему другу. Нам стало известно, что после убийства отца ты поклялась Татсуе, что отомстишь тем, кто виновен в этом преступлении. Кажется, ты даже угрожала им расправой.

Харуэ Токорода, услышав эти слова из уст собственной дочери, решила, что Казуми таким образом выражает боль утраты, хочет поквитаться с неизвестным убийцей.

— Большинству людей, чьи близкие погибли насильственной смертью, требуется

некоторое время, чтобы осмыслить случившееся. Взять хотя бы для примера твою мать. Ты заговорила о мести слишком рано. У твоего гнева явно была иная причина.

— Вот как...

— Разумеется, я не имею в виду, что девушка вроде тебя не может в одиночку совершить преступление. Просто в твоём случае гораздо более вероятным нам показался другой сценарий, с участием твоего друга.

Казуми вытерла слезы и помотала головой:

— И все-таки не могли же вы быть на сто процентов уверены, что я стану звонить Татсуе из участка?

— Конечно нет, но в конце концов так оно и получилось.

— Да... А знаете почему? Потому что, когда вы называли имена и адреса допрашиваемых, я боялась, что не смогу сразу все запомнить, а если бы я стала их конспектировать, это бы выглядело подозрительно.

— Значит, ты забивала всю информацию в телефон и отправляла электронные письма Татсуе?

— Ага.

— Точь-в-точь по сценарию. Я имею в виду, что этот момент Накамото тоже просчитал. Он, помнится, сказал: «Нынешняя молодежь не пользуется ручкой и бумагой. Разрешите этой девочке взять с собой мобильник, и она наверняка найдет ему применение».

— Поэтому вы стали следить за Татсуей?

— Да.

— Рассчитывали на то, что он струсит и выдаст себя?

— Не совсем так, — ответил Такегами. — Видишь ли, насколько мы поняли, ты решила идти до конца ради того, чтобы выяснить, кто эти люди. Верно?

— Да.

— И после того, как мы узнали о том, что Рёсукэ Токорода участвовал в жизни виртуальной семьи и постоянно общался с ее членами в Интернете, ты вдруг выдумала историю о том, как видела своего отца в городе с незнакомыми людьми. Ты хотела, чтобы тебя вызвали на допрос в качестве свидетеля, хотела участвовать в «опознании» этих людей, разве не так?

— Ну, на самом деле...

— Ты знала, что полиция все равно обязательно найдет эту троицу.

— Мой расчет был правильным.

— Разумеется.

— И ту историю с загадочным преследователем я тоже выдумала.

— Хотела нас запутать?

— Да. Я ведь тогда не знала, что полиция нашла подозреваемую А. Думала, надо как-то сбить вас со следа.

— Понятно...

— А вы восприняли мои слова всерьез и даже приставили ко мне охрану...

На мгновение Такегами показалось, что Казуми немного смутилась.

— В общем, я подумала, что смогу еще раз обвести вас вокруг пальца, чтобы вы помогли мне найти эту псевдо-Казуми и остальных членов виртуальной семейки.

— Но кое в чем ты все-таки ошибалась.

— В чем, интересно?

— Твой парень больше не хотел играть в твои игры. Ему, похоже, они пришлись не по душе.

Девушка изо всех сил закусила губу, так что та побелела.

— Как только Татсуя узнал, что ты собралась в полицию, он забеспокоился. Его, в общем, можно понять. Потом ты отправила ему настоящие имена и адреса всех членов виртуальной семьи. Мне кажется, к тому моменту он уже был готов сдаться и признаться в содеянном. Он хотел, чтобы все это поскорее закончилось.

— Если бы не эта дурацкая куртка, вы бы ни за что на него не вышли, — сказала Казуми. Ее глаза злобно блеснули. — Татсуя никогда не выдал бы меня! Он не стал бы ни в чем сознаваться!

— Возможно.

На самом деле Такегами понимал, что им необычайно повезло найти куртку именно сегодня. Впрочем, в соответствии с замыслом Накамото, они и так собирались в ходе допроса упомянуть о том, что кто-то якобы видел Татсую Исигуро в ярко-синей куртке. Сам Накамото, правда, сомневался, насколько данная мера оправданна. Он долго ворчал, что ненавидит лгать и что эта маленькая хитрость может поставить под угрозу успех всего их замысла, свести на нет результат долгой и кропотливой работы многих сотрудников. Конечно, полицейским то и дело приходится дезинформировать подозреваемых, чтобы добиться правды. Но Накамото, видимо, слишком давно не участвовал в процедурах дознания, а потому подобные уловки казались ему постыдными.

Видимо, куртка должна была найтись именно сегодня как своеобразная награда Накамото за его принципиальность и упорство.

— Все с вами ясно. Вы хотите убедить меня в том, что специально заманили меня в ловушку, — и я в нее попала.

Такегами подумал, что девушка нашла удивительно точные слова для того, чтобы описать происшедшее.

— Однако я бы на вашем месте не слишком радовалась! — злобно продолжила она.

— Это почему?

— Я все еще очень зла на этих людей. Я обещала отомстить им — и я это сделаю. Никогда их не прощу!

— Ты говоришь о членах виртуальной семьи?

— Да, о них самых. Мне не так уж много лет, у меня, можно сказать, вся жизнь впереди. Думаю, меня ждет не слишком суровое наказание — я ведь несовершеннолетняя. А когда меня выпустят на свободу, я до них все равно доберусь, и ничто меня не остановит. Я пока не знаю, что с ними сделаю, но в любом случае ответственность за это будет лежать на вас.

Глупые детские угрозы... Такегами осознавал, что на самом деле бояться нечего, но от злобных слов Казуми ему стало не по себе.

Какая ирония судьбы! Все-таки Казуми Токорода показала себя настоящей дочерью своего отца: как и Рёсукэ Токорода, она была безгранично уверена в себе, полагалась лишь на собственные силы и готова была на все ради достижения поставленной цели. В характере девушки проявлялось все то, за что она ненавидела своего папу.

«Может, виной всему время, в которое мы живем, — эгоистичное, жестокое, страшное? Только и слышишь: „я“, „меня“, „мне“... Каждый думает лишь о себе. Каждый занят пресловутыми поисками самого себя. А те, кто решает, что нашли себя, сметают все на своем пути и ни за что не желают считаться с чувствами окружающих, — думал

Такегами. — Что тут поделаешь?»

— Те, кого ты видела на допросе, — на самом деле сотрудники полиции. Все это было понарошку, — медленно произнес он.

Лицо у Казуми вытянулось от удивления.

— Что???

— Эти трое — мои коллеги. «Казуми» и «Минору» — вчерашние выпускники Полицейской академии. Мы боялись, что они не смогут сыграть подростков. Сейчас уже можно признаться в том, что вообще все мы изрядно волновались.

В кабинете для допросов они должны были обсуждать лишь те темы, которые так или иначе всплывали в переписке или в чатах членов виртуальной семьи. Конечно, им пришлось поработать, чтобы составить на основе имевшихся материалов правдоподобный сценарий. Кое-какие детали, разумеется, пришлось придумать.

— Все имена, адреса и профессии, само собой, были вымышленными. Так что, похоже, тебе не повезло: ты никогда не сможешь найти настоящих «Казуми» и «Минору», с которыми твой отец общался в Интернете. На самом деле все к лучшему. Советую тебе постараться забыть то, что произошло.

Возможно, если бы кто-нибудь сказал это Казуми раньше, все могло бы обернуться по-другому.

— Погодите! — Девушка вскочила со стула. — А как же то письмо? Я видела в почте у отца сообщение, адресованное женщине по имени Йоши Мита. Оно было настоящее! Значит, хотя бы Мама на допросе была настоящая?

На ее вопрос ответила Тикако:

— Нет, Йоши Мита не была Мамой в том интернет-сообществе.

— Тогда кто же она?

— Так зовут главную подозреваемую по этому делу. Йоши Мита — не кто иная, как подозреваемая А.

Казуми схватилась за голову.

— Их познакомила Наоко Имаи. Потом Йоши написала твоему отцу, а то письмо, которое ты видела, было его ответом.

При подготовке к допросу пришлось учесть тот факт, что Казуми, скорее всего, видела это сообщение. Нужно было во что бы то ни стало использовать имя «Йоши Мита» в спектакле. Накамото долго ломал голову над тем, как лучше это сделать, и в конце концов придумал.

— Ты ведь знаешь, что подозреваемая А. знала твоего папу? — продолжала Тикако. — После той встречи в кафе он извинился перед ней за поведение Наоко и дал свою визитку, сказав, что будет рад, если сможет ей чем-нибудь помочь. Видимо, девушка приняла его предложение и написала ему письмо. Конечно, для тех, кто считал А. убийцей, это письмо было важной уликой, доказывавшей, что у нее были чувства к твоему отцу... Но ведь можно посмотреть на эту ситуацию с другой точки зрения...

Девушка сидела как громом пораженная. Она бессильно опустила руки и вполуха слушала то, что ей говорили.

— Казуми, у твоего отца, безусловно, были недостатки, но в то же время многие считали его добрым и отзывчивым. Тот факт, что Йоши Мита после знакомства с ним решила обратиться к нему за помощью, доказывает, что она разглядела в нем нечто хорошее, сочла его за друга и защитника. Видимо, твой отец умел сочувствовать...

— Сочувствовать? — Девушка изумленно подняла брови. Это слово явно вызвало в ней бурю протеста.

— Да, ведь на самом деле так часто бывает, что человеческие недостатки оборачиваются достоинствами. Твой отец был добрым человеком.

— И по доброте душевной он предложил помочь мне замести следы совершенного преступления? — Нотку сердечности в голосе Казуми быстро заглушила злая ирония. — Не нужна мне такая доброта!

— Допустим. Но что же тебе нужно?

В самом деле, что было нужно Казуми? Чего она добивалась?

— Я хочу справедливости, — ответила она. — Тот, кто причинил зло другому человеку ради забавы, должен заплатить за это. Вот чего я хочу. Потому что так правильно, так должно быть! Никому — ни одному человеку, предавшему меня и нанесшему мне вред, — я никогда этого не прощу.

«Кажется, это больше похоже на мстительность, чем на справедливость», — хотел было возразить Такегами, но осекся.

Если бы полиция вплотную занялась Татсуей Исигуро, он бы почти наверняка очень быстро раскололся, так что не пришлось бы разыгрывать весь этот спектакль. Такегами с самого начала думал об этом. «Мы заставим парня во всем признаться», — доказывал он Накамото. Однако друг сумел его переубедить: «Внутреннее чутье подсказывает мне, что в данном случае подобная тактика не годится». — «Это почему?» — «Потому что Казуми Токорода, эта железная леди, никогда не сможет простить бедного парня, если тот ее предаст. А значит, нужно попытаться расколоть ее, поймать их обоих. Иначе последствия могут быть непредсказуемыми».

Такегами представил искаженное гневом лицо Казуми в тот момент, когда она била кулаками по двустороннему зеркалу и кричала: «Зачем? Зачем? Зачем?» Теперь всем было абсолютно ясно, что и в этом Накамото был прав. «Похоже, Нака, приятель, тебе самое место среди оперативников», — думал он.

Тикако Исидзу некоторое время сидела молча рядом с Казуми, подперев рукой подбородок, и иногда задумчиво кивала, словно в такт своим мыслям. Вдруг она заговорила:

— Справедливость — слово-то какое хорошее... — Ее голос звучал мягко и ласково. — Знаешь, Казуми, мне однажды представился случай встретить девушку, которая верила в справедливость даже сильнее, чем ты... и которая в результате стала причиной гибели множества людей.

Тикако явно говорила о том самом деле, из-за которого ее понизили в должности. До этого Такегами никогда не слышал, чтобы его коллега вспоминала тот случай: она обычно отказывалась обсуждать случившееся с кем бы то ни было.

— Это была совсем юная девушка, почти твоего возраста, — продолжала Тикако. — И могу тебя заверить, для нее все кончилось весьма и весьма печально. Мне до сих пор очень жаль, что так вышло...

— Я ни о чем не жалею, — сказала Казуми.

Все-таки интересно, когда эта девушка говорила искренне? Несколькими минутами ранее, когда шептала: «Мне жаль», — или сейчас?

После того как Казуми увели, Такегами еще некоторое время продолжал сидеть неподвижно, прислушиваясь к отзвукам ее голоса, звеневшим в воздухе. Он молчал и думал.

Та, другая, виртуальная «Казуми» в одном из своих сообщений писала, что быть членом интернет-семьи невероятно весело и забавно, что от этих отношений она получила то, чего всегда была лишена в реальности, и что все это очень много для нее значило. Мама тоже, помнится, однажды призналась, что виртуальная игра наполнила ее одинокую и печальную жизнь новым смыслом. Даже Минору, несмотря на свой нонконформизм и вечное позерство, не смог порвать с остальными членами «семьи» и продолжал общаться с ними, видимо, потому, что благодаря этим отношениям хотя бы отчасти сбылись его мечты, — он ведь «так хотел, чтобы рядом был отец, с которым хоть иногда можно поговорить».

А если бы Казуми Токорода нашла себе в Интернете виртуальную семью? Конечно, сейчас уже ничего не изменить, но почему бы не представить, что могло бы быть в этом случае? Если бы у этой девушки появилась возможность, спрятавшись за каким-нибудь ником, рассказать виртуальным родителям о своих чувствах? Если бы она смогла поделиться с кем-нибудь своими переживаниями, выразив их на письме, а не гневным взглядом и истеричным голосом?

Ее друг Татсуя Исигуро не смог ей помочь по той простой причине, что он был всего лишь реальным человеком из плоти и крови, и потому Казуми ждала от него реальных действий в реальном мире и ничего большего. Наверняка в бескрайнем киберпространстве нашелся бы кто-нибудь, кто сумел бы помочь этой девочке справиться со сложившейся ситуацией. Находясь вне ее досягаемости и не участвуя в ее интригах и махинациях, этот неведомый помощник, быть может, сумел бы успокоить и образумить Казуми.

Возможно, ей повезло бы и она познакомилась в Сети с кем-нибудь таким же понимающим, как Накамото?

Зазвонил телефон. Токунага взял трубку, поприветствовал кого-то на том конце провода, потом сказал Такегами:

— Шеф хочет вас видеть.

— Хорошо.

«Ну вот, опять незадача», — с досадой подумал Такегами и потянулся.

— Как вам кажется, детектив Исидзу в порядке? — спросил он коллегу.

— Почему ты спрашиваешь?

— Ну... Она что-то такое сказала насчет того дела... Похоже, ей до сих пор не по себе из-за того, что тогда произошло.

Токунага растерянно пожал плечами:

— Может быть. Кто ее знает? — Он пробормотал что-то под нос, потом хлопнул себя по лбу. — Совсем забыл! Состояние Накамото до сих пор не изменилось.

— Это тебе шеф сейчас сообщил?

— Да, Акидзу звонил в больницу.

— Пусть уже этот прохвост возвращается в свой кабинет. А я с удовольствием вернусь к исполнению своих прямых обязанностей.

«Спектакль закончился, а режиссер не торопится просыпаться. Скорей бы он уже пришел в себя, а то без него плохо, — думал Такегами. — Вот только очнется, и мы сразу расскажем ему, как прошла подготовленная им постановка».

Когда друг поправится, он наверняка захочет увидеться с Казуми Токорода. Им будет о чем поговорить: Накамото найдет нужные слова.

— Как вам удалось так быстро переквалифицироваться в актера?

— Честно говоря, не думаю, что я хорошо сыграл свою роль. Видно, не создан я для сцены.

— Я бы на вашем месте не был так уверен. По-моему, вы выступили блестяще.

— Я справился с ведением допроса только потому, что это был ненастоящий допрос, — ведь сценарий мы составили заранее. Не думаю, что в реальной ситуации я знал бы, что говорить и делать. Я «бумажный червь», что с меня возьмешь? А те трое действительно заслуживают аплодисментов, они отлично держались.

— Думаю, сегодняшней день они запомнят навсегда — вряд ли им придется заниматься чем-нибудь столь же увлекательным в обозримом будущем, — заметил Токунага.

Такегами ухмыльнулся:

— Лично мне больше всего понравилось, как была сыграна роль Йоши Мита.

— Почему?

— Ну, это было просто супер!

Токунага скучился и надул губы, изображая Маму:

— «Ты даже представить себе не можешь, каково приходится старым девам!» Звучало, заметь, вполне искренне. Весь наш отдел не прочь посмотреть ее выступление на бис! — Тут Токунага понял, что сболтнул лишнего.

— А ну признавайся, с кем сплетничал?

— Не хочу никого подставлять.

— Вот и полагайся на тебя после этого!

Такегами тяжело поднялся. Только сейчас он почувствовал, как сильно устал.

Токунага был гораздо бодрее: он соскочил со своего стула, подошел к окну и удивленно воскликнул:

— Вот это да!

Такегами оглянулся. Коллега указал на решетку:

— Смотрите, бабочка. Кажется, капустница.

Взявшись непонятно откуда, на перекладине решетки действительно сидела бабочка, расправив красивые белые крылья.

— Видно, весна совсем скоро.

Токунага распахнул окно пошире и постучал по решетке. Бабочка вспорхнула и улетела. Она была похожа на белый лепесток, подхваченный ветром.

Такегами задумался. Мысли и чувства ворохом лежали на полу кабинета после долгого тяжелого дня, где-то среди них затерялись и осколки сердца Казуми, выпавшие из ее судорожно сжатых ладоней. Правда, ложь — все перемешалось. И вдруг над всем этим распростерлись крылья бабочки — тонкие, легкие, белоснежные...

— «Что, собираясь на тот свет, мне надо взять с собой, — вдруг нараспев продекламировал Токунага, — для мамы, папы и друзей, что нынче не со мной?»

— Ты это к чему? Это стихотворение такое?

— Да, я когда-то прочитал его, уже не помню где, и оно мне почему-то запомнилось.

— И что же надо брать с собой на тот свет?

— Погодите, дайте вспомню, как там дальше... — Токунага подумал немного. — А, вот: «Я бабочку им принесу». Видно, как раз из-за бабочки я и вспомнил этот стих.

— Бабочку для папы, мамы и друзей?

— Ага. «Я бабочку им принесу и расскажу шутя, что лишь ее всю жизнь искал, как малое дитя».

Токунага закончил декламировать стихотворение, подошел к окну и посмотрел в небо. Потом решительно закрыл створки.

— Нам пора, — позвал его Такегами. — У нас еще полно работы.

Больше книг на сайте - Knigoed.net